

ВВЕДЕНИЕ

К. Н. Леонтьев (1831–1891) является одной из самых ярких, крупных и оригинальных фигур своей эпохи. На разных этапах биографии он был врачом, дипломатом, журналистом, цензором, послушником, иноком. И на протяжении всей своей сознательной жизни, независимо от рода занятий, К. Леонтьев выступал в качестве литератора. Его перу принадлежит более десяти томов художественной прозы и критики, писем, социально-политической публицистики. Но известен он прежде всего именно как публицист и мыслитель, обращавшийся к разнообразным вопросам общественной жизни.

Его социально-политические взгляды с течением лет менялись, но с 70-х годов XIX века Леонтьев выступал как «пламенный реакционер» — талантливый и твердый защитник устоев православной церкви, самодержавия и дворянства. Наряду с Н. Я. Данилевским и К. П. Победоносцевым, он является одним из виднейших представителей консервативной мысли пореформенной России XIX столетия¹. Согласно оценке Н. А. Бердяева, это был «самый крупный, единственный крупный мыслитель из консервативного лагеря, да и вообще один из самых блестящих и своеобразных умов в русской литературе... Первым и единственным философом консерватизма... был К. Леонтьев»².

Он сотрудничал с такими выдающимися литературными силами консервативно-охранительного направления, как М. П. Погодин, М. Н. Катков, В. П. Мещерский, Н. Н. Страхов, П. Е. Астафьев, Ф. Н. Берг, В. А. Гринмут, Ю. Николаев (Ю. Н. Говоруха-Отрок). Высокую оценку давали Леонтьеву его интеллектуальные оппоненты В. С. Соловьев и Л. Н. Толстой. Он оказал прямое и весьма значительное влияние на становление взглядов таких фигур, как идеолог монархической государственности Л. А. Тихомиров, философ В. В. Розанов, консервативный публицист от. И. И. Фудель, филолог, редактор (в 1892–1898 гг.) журнала «Русское

¹ Пивоваров Ю. С. Предисловие // Русская политическая мысль второй половины XIX в. М., 1989. С. 7.

² Бердяев Н. А. К. Леонтьев — философ реакционной романтики // К. Н. Леонтьев: pro et contra. СПб., 1995. Кн. 1. С. 208–209.

обозрение» А. А. Александров. Имелись у мыслителя друзья и покровители в правительственных кругах. В их число входили государственный контролер Т. И. Филиппов, министр народного просвещения гр. И. Д. Делянов, министр внутренних дел гр. Д. И. Толстой, товарищ министра внутренних дел кн. К. Д. Гагарин. Сам Александр III был знаком с работами Леонтьева еще с тех времен, когда являлся наследником престола, а впоследствии выразил ему, как автору сборника «Восток, Россия и Славянство», монаршую благодарность¹.

Несмотря на все это, Леонтьев остался в стороне от main stream'а русской политической жизни своей эпохи. Как правило, его блестящие по стилю, глубокие и оригинальные по мысли статьи и книги либо замалчивались, либо сурово критиковались, причем не только либералами и революционерами, но и многими консерваторами. Даже в эпоху так называемых контрреформ, проводимых кабинетом Александра III, казалось бы, по рецептам, выписываемым «доктором» Леонтьевым, идеи последнего оказались практически невостребованны.

После смерти мыслителя внимание к ним со стороны российского общества заметно усилилось, особенно благодаря Революции 1905–1907 гг., и, в еще большей степени, событиям 1917 г. Однако та его часть, которая проявляла активный интерес к наследию К. Леонтьева, либо отправилась за границу (Н. А. Бердяев, П. Б. Струве, С. Л. Франк, П. Н. Милюков и др.), либо оказалась на положении «внутренней эмиграции» (И. И. Фудель, А. А. Александров, С. Н. Дурылин и др.). Эмигранты внешне использовали идеи мыслителя в своих социально-политических построениях (Бердяев, «евразийцы», в меньшей степени «сменовеховцы», «младороссы»), и познакомили с ними западную общественность, стремившуюся осмыслить феномен возникшего после 1945 г. противостояния двух мировых систем.

В СССР к середине 30-х годов сложился устойчивый стереотип восприятия К. Леонтьева как мракобеса и крайнего реакционера, поэтому до начала 60-х имя мыслителя на его родине практически не упоминалось. В 60-е – 80-е годы в СССР начали публиковаться отдельные работы с критикой его взглядов, а на рубеже 80-х – 90-х гг. начался настоящий леонтьевский «ренессанс». На страну обрушился целый шквал публикаций, так или иначе касающихся этого русского мыслителя. Бум вокруг имени Леонтьева продолжается до сих пор. Интерес к его творчеству — как среди специалистов, так и среди простых читателей, не ослабевает. Леонтьева упоминают, цитируют, издают и переиздают его сочинения, о нем пишут. Ежегодно в России появляются десятки работ, посвященных этому интеллектуалу.

¹ См. *Репников А. В.* Консервативная концепция российской государственности. М., 1999. С. 118; *Иваск Ю. П.* Константин Леонтьев (1831–1861). Жизнь и творчество // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2. СПб., 1995. С. 510.

Различные стороны творческого наследия К. Леонтьева, в том числе его общественно-политические воззрения, исследовались довольно интенсивно. Леонтьевская историография чрезвычайно обширна, можно сказать необозрима¹. В ее развитии выделяется несколько этапов. Первый этап — период до Октябрьской революции². В это время, начиная с 1860 г., выходило множество заметок о К. Леонтьеве, откликов и рецензий на его произведения, как художественные, так и публицистические. Уже в дореволюционный период внимание к Леонтьеву (и к консерваторам в целом) проявляли не столько профессиональные историки, сколько философы — В. С. Соловьев, В. В. Розанов, С. Н. Трубецкой, «веховцы» Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, публицисты — Н. Н. Страхов, Ю. Николаев, Е. Поселянин, И. И. Колышко, Б. В. Никольский, литераторы — Л. Н. Толстой, Д. С. Мережковский, Б. А. Грифцов, А. Г. Закржевский, Ф. Ф. Куклярский, В. В. Бородаевский, служители православной церкви — И. И. Фудель, К. М. Аггеев, А. П. Храповицкий, П. А. Флоренский, В. Добров³.

Дореволюционные работы о мыслителе были крайне эмоциональны и субъективны, практически ни одна из них, включая статью выдающегося историка П. Н. Милюкова, не носила научного характера. Либерально-западнические и революционно-демократические круги сколько-нибудь серьезно произведения Леонтьева, как правило, не анализировали, ограничиваясь довольно поверхностной критикой его взглядов. Один из крупнейших идеологов народничества, Н. К. Михайловский, бывший, как и Леонтьев, приверженцем так называемой органической теории общества, назвал его труды «публично практикуемым развратом мысли». Для журналиста Ф. И. Булгакова взгляды мыслителя были «оригинальным народничаньем», а сам он — «мрачным обскурантом». Н. С. Лесков провозгласил его общественный идеал утопией⁴.

¹ Обзор леонтьевоведческой историографии см.: *Мячин А. Г.* Социально-политические взгляды К. Н. Леонтьева: Дис. ... канд. полит. наук. М., 1998. С. 24–68; *Репников А. В.* Указ. соч. С. 8–31; *Андронов Ю. В., Мячин А. Г., Шириняц А. А.* Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К. Н. Леонтьев. М., 2000. С. 12–22; *Чернавский М. Ю.* Религиозно-философские основы консерватизма К. Н. Леонтьева: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. С. 4–12.

² Историографический анализ этого периода см. *Козырев А. П.* Константин Леонтьев в «зеркала» наследников // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. С. 417–435.

³ См. *Репников А. В.* Указ. соч. С. 8.

⁴ *Михайловский Н. К.* Записки современника // Он же. Собр. соч. Т. 5. СПб., 1897; *Булгаков Ф. И.* Оригинальное народничанье // Исторический вестник. 1881. № 5; *Лесков Н. С.* Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересари //

Правые либералы оценивали фигуру мыслителя не столь однозначно, давали ему достаточно глубокие философские характеристики. В. С. Соловьев говорил о Леонтьеве как о «принципиальном», или «идейном», консерваторе, а «веховцы» устами С. Л. Франка призвали отнестись к нему «беспристрастно и с полной духовной свободой»; С. Булгаков в канун революционных потрясений 1917 г. писал об исторической прозорливости этого «мечтателя реакции»¹.

Славянофилы и близкие к этому направлению авторы — И. С. Аксаков, А. А. Киреев, Н. П. Гиляров-Платонов, С. А. Юрьев, С. Ф. Шарапов отзывались о Леонтьеве скорее отрицательно, чем положительно. В глазах И. С. Аксакова и А. А. Киреева он был бесспорнейшим реакционером.

Среди «классических» консерваторов отношение к Леонтьеву было сложнее. Н. Н. Страхов в 70-е гг. XIX столетия мыслителя поддерживал, однако впоследствии его заклеймил. М. Н. Катков и К. П. Победоносцев солидаризировались с идеями Леонтьева о необходимости самодержавия и сильной государственной власти, но во многих других вопросах, особенно касавшихся православной церкви и поддержки Константинопольской патриархии, были его противниками. Консервативный публицист П. Е. Астафьев присоединился к леонтьевской критике западного прогресса, однако выступил против взглядов мыслителя на национальный вопрос. Но имелась в консервативно-охранительном лагере и группа деятелей, являвшихся, в целом, единомышленниками К. Н. Леонтьева. К ней принадлежали Т. И. Филиппов, Л. А. Тихомиров, В. А. Грингмут, Ю. Николаев, И. И. Фудель, А. А. Александров. Тихомиров весьма активно защищал мыслителя от нападков в прессе.

Общественно-политические взгляды Леонтьева и их эволюция на до-революционном этапе специально не изучались. В первую очередь исследователи пытались осмыслить его мировоззрение в целом (В. С. Соловьев, В. В. Розанов, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, И. И. Колышко, Е. Поселянин, Б. В. Никольский, А. В. Королев, Д. С. Мережковский, Б. А. Грифцов, А. Г. Закржевский, Ф. Ф. Куклярский, В. В. Бородаевский, А. А. Александров, Т. Масарик). Статьи о Леонтьеве, особенно апологетические, нередко содержали пересказ его основных идей (А. А. Александров, Я. А. Денисов, Н. А. Уманов), иногда — довольно поверхностный и далекий от истины (Портье Д'Арк). Некоторые из вышеперечисленных авторов, а также К. М. Аггеев, А. П. Храповицкий, П. А. Флоренский, Ю. Николаев, Е. Поселянин, А. С. Волжский, от. Иосиф, в контексте общего мировоззре-

Новости. 1883. 1 и 3 апр.; Он же. Золотой век. Утопия общественного переустройства. Картины жизни по программе Леонтьева // Новости. 1883. 22–29 июня.

¹ См.: Соловьев В. С. Леонтьев К. Н. // Он же. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 415; Франк С. Л. Миросозерцание Константина Леонтьева // Он же. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 403–404; Булгаков С. Н. Победитель — Победенный // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. С. 376–392.

ния Леонтьева уделяли особое внимание его религиозным взглядам, в частности влиянию на этого мыслителя православия. В. В. Розанов и А. В. Королев, помимо общефилософских положений К. Н. Леонтьева, анализировали его культурно-исторические взгляды. Тот же Розанов посвятил обширную статью леонтьевской историософии. Исследовалось также соотношение взглядов мыслителя со взглядами В. С. Соловьева (И. Фудель).

Значительный интерес дореволюционных авторов вызвала тема «Леонтьев и славянофилы». Сами славянофилы принять этого мыслителя в свои ряды, по выражению Розанова, «страшились»¹. К. И. С. Аксакову и А. А. Кирееву в этом отношении примкнул эпигон славянофильской доктрины Л. Лобов². Подобно им, Розанов, а также «веховцы» Бердяев и Булгаков связь Леонтьева со славянофильством яростно отрицали. «Вписать» его в славянофильскую традицию стремился Л. А. Тихомиров³. Вариантом славянофильства считал взгляды Леонтьева А. В. Королев, в контексте истории этого учения рассматривала их С. Стратиевская-Гросман⁴. Общую позицию по данной проблеме выработала часть либералов. С. Н. Трубецкой назвал Леонтьева «разочарованным славянофилом» и рассматривал его взгляды как продукт последней стадии разложения славянофильства. Сходные идеи развивал П. Н. Милюков, считавший этого мыслителя, наряду с В. С. Соловьевым и Н. Я. Данилевским, эпигоном славянофильской доктрины⁵. Однако в целом дореволюционная историография не охватила всего многообразия связей и отношений Леонтьева со славянофильством, и была далека от объективного научного анализа данной проблемы.

В связи с провалом внешней политики Российской империи на Балканах в 80-е гг. XIX столетия, обострением обстановки в этом регионе в начале XX века и Первой мировой войной в дооктябрьский период уделялось внимание представлениям Леонтьева о Восточном вопросе и балкано-славянской проблеме как его части⁶.

¹ Розанов В. В. Сочинения. М., 1990. С. 192.

² Лобов Л. Страничка из прошлого. К характеристике К. Н. Леонтьева // Славянские известия. 1906. № 8.

³ Тихомиров Л. А. Русские идеалы и К. Н. Леонтьев // Русское обозрение. 1894. № 10.

⁴ Королев А. В. Культурно-исторические воззрения К. Н. Леонтьева // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. + 1891. Литературный сборник. СПб., 1911. С. 331–332; Стратиевская-Гросман С. Из истории славянофильства // Труды слушательниц Одесских высших курсов. Одесса, 1911. Т. 1. Вып. 2.

⁵ См. Трубецкой С. Н. Разочарованный славянофил // Вестник Европы. 1892. № 10; Милюков П. Н. Разложение славянофильства // Вопросы философии и психологии. 1893. № 5.

⁶ Балканский Твердо. Славянство и К. Леонтьев // Современные известия. 1885. 31 окт.; Славянофил. Австрия и Сербия // Гражданин. 1888. 11 окт.; П. (Прокофьев В. А.) Россия и греко-болгарская распря // Новое время. 1889.

Обсуждались также художественные произведения Леонтьева и его литературная критика¹.

Лишь трое дореволюционных исследователей — К. А. Военский, Б. А. Грифцов и А. М. Коноплянцев, пытались осуществить целостный подход к фигуре мыслителя². Они стремились показать закономерность развития литературного творчества, социально-философских и религиозных взглядов К. Н. Леонтьева в связи с его биографией. Однако ни один из этих авторов в полном объеме поставленных перед собой задач не решил. Тем не менее, работа А. М. Коноплянцева явилась первым подробным биографическим исследованием в леонтьевской историографии и стала значительным достижением первого этапа ее развития, хотя по-настоящему глубоко и всесторонне образ мыслителя, не укладывавшегося в «прокрустово ложе схем и четких формул»³, ни им, ни другими дореволюционными историографами изучен все-таки не был.

В годы Гражданской войны (1918–1920) новых произведений о Леонтьеве создано не было, а к ее исходу, в 1921 г., зародилась советская и эмигрантская историография, посвященная этому мыслителю. Начался второй этап становления леонтьевоведения. Он охватил период до 1939 г. и был прерван Второй мировой войной.

12 июля; Spectator. Г. Татищев и г. Стамбулов // Русское обозрение. 1890. № 9; Бурнакин А. А. Литературные заметки. Царьград и всеславянство (Пророчества Константина Леонтьева) // Новое время. 1912. 2 ноября; Козловский Л. С. Мечты о Царьграде (Достоевский и К. Леонтьев) // Голос минувшего. 1915. № 11; Россия, Царьград и проливы. Пг., 1915.

¹ Дудышкин С. С. Примечания к статье К. Н. Леонтьева «Письмо провинциала к г. Тургеневу» // Отечественные записки. 1860. № 5; Салтыков-Щедрин М. Е. Рецензия на роман Леонтьева «В своем краю» // Современник. 1864. № 10; S. N. Les revues russes // Journal de St. Petersburg. 1871. 31 Dec.; Авсеенко В. Г. Очерки текущей литературы // Русский мир. 1875. №№ 96, 125, 153; L. V. Les revues russes // Journal de St. Petersburg. 1876. 29 Fevг.; Неклюдов В. С. Из жизни христиан в Турции. Повести и рассказы К. Н. Леонтьева // Московск. ведомости. 1876. 24 апр.; L. V. Русские журналы // Современные известия. 1877. 7 дек.; Е. И. Марков. Литературная летопись // Голос. 1878. 28 янв; Р. К. (В. А. Грингмут). К. Леонтьев как беллетрист // Гражданин. 1887. 5 февр.; Южный (М. Г. Зельманов). О романах гр. Л. Н. Толстого. К. Н. Леонтьев // Гражданин. 1890. 8 июня, 13 июля; Лернер Н. О. Рецензия на книгу К. Н. Леонтьева «О романах гр. Л. Н. Толстого» // Речь. 1911. 27 июня; Горнфельд А. Г. / Рец. на кн. К. Н. Леонтьева «О романах гр. Л. Н. Толстого» // Русское богатство. 1911. № 9.

² Военский К. А. Константин Николаевич Леонтьев. Его личность и судьба (1912 г.). ОР РНБ. Ф. № 152. Оп. 1. Военский К. А. № 77; Грифцов Б. А. Судьба К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1; Коноплянцев А. М. Жизнь К. Н. Леонтьева в связи с развитием его мирозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева...

³ Козырев А. П. Указ. соч. С. 432.

Советские авторы этого периода в основном уделяли внимание беллетристике и литературной критике К. Леонтьева¹. Были опубликованы мемуары Л. А. Тихомирова, содержавшие главу, посвященную этому мыслителю, а также автобиография последнего, снабженная чрезвычайно ценными комментариями филолога и театроведа С. Н. Дурылина, одного из лучших знатоков его творчества². П. Ф. Преображенский провел сравнительный анализ мировоззрения К. Леонтьева и А. И. Герцена³.

Но ни Дурылин, ни Преображенский не были представителями партийной историографии, становившейся господствующим направлением и формировавшей отношение к Леонтьеву в Советском Союзе. Начало партийной линии в леонтьевоведении положил М. Н. Покровский, вскрывавший классовые, дворянские корни мировоззрения мыслителя. Он считал Леонтьева яростным защитником крепостничества, но при этом — талантливым беллетристом, оригинальным и метким литературным критиком⁴. По мнению партийного публициста Н. Л. Мещерякова, Леонтьев был реакционнейшим из всех русских мыслителей второй половины XIX столетия, боявшимся надвигающейся революции и имевшим идеи и настроения, весьма сходные с фашистскими. Точку зрения Мещерякова развил В. Ермилов, провозгласивший Леонтьева мракобесом и идеологом фашизма⁵. После этого даже упоминания о мыслителе исчезают из советских изданий до начала 60-х годов.

Главным очагом леонтьевоведения в рассматриваемый период стало русское зарубежье. В созданном революцией хаосе, по словам поэта Г. В. Иванова, «открылся настоящий Леонтьев»⁶. Многие из эмигрантов, обращавшихся к наследию этого мыслителя, считали, что он пророчески

¹ Лернер Н. О. К собранию сочинений К. Н. Леонтьева // Книга и революция. 1921. № 8–9; Губер П. К. Константин Леонтьев // Страницы воспоминаний К. Леонтьева. Пг., 1922; Гросман Л. П. Этюды о Пушкине. М., 1923; Владиславлев [Гульбинский] И. В. К. Н. Леонтьев // Русские писатели. М.; Л., 1924; Эйхенбаум Б. М. Литература, теория, критика и полемика. М., 1927; Шкловский В. Б. Материал и стиль в романе Л. Толстого «Война и мир». М., 1928; Лучанский М. Леонтьев К. Н. // Литературная энциклопедия. М., 1932. Т. 6.

² Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22–24.

³ Преображенский П. Ф. Александр Герцен и Константин Леонтьев (сравнительная морфология творчества) // Печать и революция. 1922. № 2.

⁴ М. П. [М. Н. Покровский] Леонтьев // Энциклопедический словарь Русского биографического института Гранат. 7–е изд., перераб. Т. 27. С. 37–39.

⁵ Мещеряков Н. Л. У истоков современной реакции // Литературное наследство...; Ермилов В. Мечта художника и действительность // Красная новь. 1939. № 1.

⁶ Иванов Г. Страх перед жизнью. Константин Леонтьев и современность // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2. С. 190.

предугадал потрясения, которые пережила Россия, чем и объяснялся повышенный интерес к его творчеству. Кроме того, значительная часть русской интеллигенции, образовавшей диаспору, пересмотрела свои мировоззренческие позиции, стала более лояльно относиться к консерватизму. Это сказалось и на оценках, данных ее представителями К. Н. Леонтьеву.

Выходцы из России изучали представления мыслителя о прогрессе, его религиозные взгляды¹. Весьма активны в освоении творческого наследия Леонтьева были заметно поправившие на чужбине «веховцы», в первую очередь Н. А. Бердяев. Он создал философскую биографию мыслителя, ставшую едва ли не высочайшим достижением второго этапа развития леонтьевоведения и до сих пор являющуюся одним из лучших исследований, посвященных Леонтьеву. Первая публикация этой работы в виде отдельной книги состоялась в Париже в 1926 г. Бердяев с сочувствием отнесся к стремлению Леонтьева сохранить иерархичность общественного бытия, поддержать «аристократию духа». В его книге множество блестящих оценок, метких обобщений, но вся она пронизана субъективизмом, характерным для интеллектуального творчества этого философа, содержит немало спорных, недостаточно аргументированных положений. Так, Бердяев считал, что на взгляды Леонтьева не оказало непосредственного влияния дореформенное славянофильство, что с либерализмом последний твердо и окончательно расстался уже в 1862 г².

«Очерк» Бердяева вызвал значительный резонанс в эмигрантской прессе, в том числе со стороны других «веховцев» — С. Л. Франка и П. Б. Струве, также изменивших свое отношение к Леонтьеву в послереволюционные годы. Струве пришел к выводу, что Леонтьев — это «самый острый ум, рожденный русской культурой в XIX веке», а Франк отметил «гениально-пророческую» правдивость идей этого мыслителя и глубинность его христианского мировоззрения³. О проницательности Леонтьева писал и В. В. Зеньковский. Он справедливо утверждал, что этот мыслитель был одним из предтеч «евразийства», развившего идеи Леонтьева о будущем России в союзе не с Европой, а с Азией⁴.

В отличие от вышеуказанных авторов, от Г. В. Флоровский Леонтьева остро критиковал. По его мнению, этот мыслитель, подобно А. И. Герцену,

¹ Зандер Л. А. К. Леонтьев о прогрессе // Русское обозрение. Пекин, 1921. №№ 5–7; Миролюбов А. Н. Религиозные мирозерцания К. Леонтьева. Харбин. Б/г.

² См. Бердяев Н. А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2. С. 47, 75.

³ Струве П. Б. Константин Леонтьев // Возрождение. 1926. 30 мая; Франк С. Л. Константин Леонтьев, русский Ницше // Он же. Русское мировоззрение.

⁴ Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж, 1929.

оказался в «тупике романтизма», так и не смог преодолеть свой романтический натурализм и романтический эстетизм, в котором ошутимы латинские, западные мотивы. Флоровский полагал, что Леонтьева нельзя считать выразителем подлинного православия¹. Критиковал мыслителя и поэт Г. В. Иванов. Согласно Иванову, Леонтьев был неудачником, исполненным презрения к человеку, не верил ни во что, кроме материальной силы, поэтому оказался близок одновременно и к фашизму, и к большевизму². Таким образом, в 30-е годы позиции критиков Леонтьева из СССР и из рядов либеральной эмиграции обнаружили определенное сходство.

К середине этого десятилетия были заложены и основы зарубежного леонтьевоведения³. Однако иностранные авторы, не имевшие доступа к источникам, в основном повторяли содержание работ русских эмигрантов и дореволюционных исследователей.

Во время Второй мировой войны о Леонтьеве практически не писали. Только в 1944 г. появилась одна небольшая по объему работа, посвященная этому мыслителю⁴. После 1945 г., с эпохой противостояния Востока и Запада, наступил следующий, третий этап развития леонтьевоведения, охвативший период до конца 80-х годов XX века.

Содержание и характер леонтьевоведческих изысканий на этом, послевоенном, этапе во многом определялся идеологической борьбой и противостоянием капиталистического и социалистического лагерей. В наименьшей степени данное обстоятельство коснулось работ, создававшихся русскими эмигрантами. Однако для послевоенного периода характерно относительное снижение вклада эмиграции в леонтьевскую историографию. Тем не менее, именно ее представители возобновили изучение творческого наследия мыслителя. Священник К. И. Зайцев дал оценку религиозным взглядам Леонтьева с точки зрения ортодоксального, аскетически-монашеского православия. Протоиерей В. В. Зеньковский посвятил мыслителю главу в своей «Истории русской философии». Согласно Зеньковскому, Леонтьев в своих взглядах был оригинален и самостоятелен, однако натуралистический подход к истории заимствовал у Н. Я. Данилевского; преобладало у Леонтьева не естественнонаучное, а религиозное сознание, жажда спасения души. В насыщенной фактами книге И. Кологривова выражалось мнение,

¹ Florovskij G. Die Sackgassen der Romantik // Orient und Occident. 1930. № 4; Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. По данным историка эмиграции М. Раева, книга была опубликована в 1938 г., и не в Париже, а в Белграде (Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 224–225.).

² Иванов Георгий. Страх перед жизнью // Сегодня. Рига. 1932. 28 сент.

³ Miroglio A. La philosophie de Leontiev. Institut Slave, 1925; Krag E. Kampen mit Vesten. Oslo, 1932.

⁴ Памяти К. Н. Леонтьева. 1831–1891. Нью-Йорк, 1944.

что Леонтьев был бессистемным, противоречивым мыслителем¹. Писали о Леонтьеве философы Г.П. Федотов, Ф.А. Степун, литератор Г.В. Адамович². Согласно Федотову, Леонтьев — «византист-изувер», но ему гораздо проще стать героем русской интеллигенции, нежели таким гуманистам, как Ю.Ф. Самарин, Н.С. Лесков, В.О. Ключевский. Г.В. Адамович считал Леонтьева реакционером, но помещал его в один ряд не с Катковым и Победоносцевым, а с Герценом и Чаадаевым. Ф.А. Степун полагал, что мыслитель мог бы одобрить послевоенный советский строй, что мир социализма был бы для него предпочтительней западного. Об «эстетике жизни» и философии истории мыслителя писал Б.А. Филиппов, а А. Оболенский дал критический очерк эстетики К. Леонтьева³.

Целая серия леонтьеведческих изысканий принадлежит перу поэта и культуролога Ю.П. Иваска⁴. Главным его трудом и одной из вершин леонтьеведения стала творческая биография мыслителя. Сначала она была опубликована в журнальном варианте, затем вышла отдельной книгой⁵. До настоящего времени работа Иваска — наиболее подробное и наиболее обстоятельное из всех биографических исследований, посвященных К.Н. Леонтьеву. Существенным достижением автора является то, что он установил связь воззрений мыслителя с идеями европейских консерваторов. Однако книга Иваска — не академический труд, а эссе, причем не исторического, а литературоведческо-культурологического характера.

Фигура мыслителя вызывала интерес и у эмигрантских историков. Анализируя представления славянофилов о России и Европе, к взглядам К.Н. Леонтьева обращался Н.В. Рязановский. Н.В. Утехин отметил, что мыслитель создал новый вариант доктрины III Рима⁶.

¹ *Зайцев Кирилл*. Памяти К. Леонтьева // К познанию православия. Шанхай, 1948; *Зеньковский В.В.* История русской философии. Париж, 1948; Kologrivof I. von Hellas zum Monchtum. Regensburg, 1948.

² *Федотов Г.П.* Трагедия интеллигенции // Новый Град. Нью-Йорк, 1952; *Адамович Г.В.* Мракобесие // Новое русское слово. 1957. 19 мая; *Stepun F.* Der Bolschevismus und die christliche Existenz. Munchen, 1959.

³ *Филиппов Б.А.* Страстное письмо с неверным адресом // Мосты. 1962. № 9; 1963. № 10; *Obolenskii A.* Essai critique sur l'esthetique de K. N. Leont'ev // Canadian Slavonic Papers. 1973. № 15.

⁴ *Иваск Ю.* Еретик К. Леонтьев // Новое русское слово. 1954. 26 сент; Он же. «Подлипки» К. Леонтьева // Новый журнал. 1955. № 40; Он же. Розанов о Леонтьеве // Новое русское слово. 1963. 24 февр.

⁵ Он же. Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество // Возрождение. 1961. № 118; 1962. № 121, 124–131; 1963. № 133–140; 1964. № 146–151; Он же. Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество. Берн; Франкфурт-на-Майне, 1974.

⁶ *Riasanovsky N. V.* Russia and the West in the teaching of the slavophiles // Harvard Historical Studies. 1959. Vol. 61; *Utechin S. V.* Russian political thought. Oxford, 1964.

В период «холодной войны» пристальное внимание вызывал Леонтьев на Западе.

В 50-е — 60-е годы изучением воззрений мыслителя занимались американские исследователи. Г. Кон рассматривал леонтьевский проект создания социалистической монархии в противовес либеральному варианту общественного развития. Р. Хэйр воссоздал концепцию К. Леонтьева и признал его одним из самых глубоких и дальновидных политических мыслителей своего времени, достойным предшественником О. Шпенглера и А. Тойнби. Э. Таден посвятил Леонтьеву главу монографии о русском консерватизме и объективно проанализировал его социально-политические позиции. Несмотря на приверженность либеральной системе ценностей, Таден оценил мыслителя весьма высоко. С. Лукашевич для истолкования фигуры Леонтьева пытался применить учение Э. Фрейда. Для Лукашевича русский мыслитель был реакционером-эстетом, сомнительным литературным критиком. Американский исследователь признавал важность социального фактора в интерпретации его взглядов¹.

Интересовались Леонтьевым и европейские авторы. А. Клутье анализировал его представления о национализме, О. Босс вслед за Зеньковским рассматривал Леонтьева как предтечу евразийства². Несколько работ, посвященных мыслителю, было опубликовано в Италии. В первую очередь это монографии Э. Гаспарини³. Согласно данному автору, Леонтьев был ретроградом, самым реакционным из русских мыслителей XIX столетия. В то же время он признавал его одним из семи крупнейших писателей России данного периода. Гаспарини стремился представить Леонтьева пророком и разобрать его конкретные предсказания. Кроме того, он анализировал художественное творчество мыслителя, его литературную критику.

Помимо Гаспарини, к беллетристике и критике К. Леонтьева обращались и другие исследователи из Зарубежья⁴.

¹ *Kohn H.* The mind of modern Russia: Historical and political thought of Russia's great age. New Jersey, 1955; *Hare R.* Pioneers of Russian social thought. N. Y., 1964; *Thaden E.* Conservative nationalism in nineteenth century Russia. Seattle, 1964; *Lukashevich S.* Konstantin Leontiev (1831–1891): A study in Russian «Heroic Vitalism». N. Y., 1967.

² *Cloutier H. H.* Leontiev on nationalism // Review of Politics. 1955. April; *Boess O.* Die Lehre der Eurasier // Ost-Europa Institut. Munchen, 1961.

³ *Gasparini E.* Le previsioni di Costantino Leont'ev. Venezia, 1957; *Gasparini E.* Scrittori russi: Pushkin, Lermontov, Gogol, Dostoevskij, Tolstoj, Cechov, Leont'ev. Padova; Marsilia, 1966.

⁴ *Kurland J. E.* Leontiev's views on the course of russian literature // American Slavic and East European Journal. 1957. № 16; *Swoboda E. K.* Leontiev's Erzählung in «Egipetskij Golub» // Wiener Slaw. Journal. 1966. № 13.

В СССР имя мыслителя в 40-е — 50-е годы было достоянием лишь узкого круга специалистов¹. Начиная с 1960 г. Леонтьев вновь стал упоминаться в советских изданиях². Это было связано, во-первых, с частыми ссылками на мыслителя в западной литературе и, во-вторых, с тем, что при сколько-нибудь глубоком изучении русской культуры и общественно-политической мысли конца XIX — начала XX веков постоянно игнорировать Леонтьева невозможно.

В 60-е — начале 70-х гг. в советской науке обозначилась тенденция возврата к изучению отечественной консервативной мысли. По меткому замечанию А. В. Репникова, «...обращение к однозначно «заклейменному» консерватизму представляло собой вынужденное явление и было в значительной мере связано с необходимостью как-то отреагировать на зарубежные исследования, в которых проводилось сравнение между имперской политикой царской и советской России, между консерватизмом и большевизмом. С другой стороны, обращение к теме консерватизма было обусловлено необходимостью дальнейшего развития отечественной исторической и философской науки»³. Именно в этот период в СССР появились философские статьи, разделы в фундаментальных трудах и даже диссертация, посвященные К. Н. Леонтьеву⁴.

На гребне идеологической борьбы с «буржуазными фальсификаторами» написаны ранние работы А. Л. Янова, в которых исследовалось соотношение общественно-политических взглядов Леонтьева и славянофилов. Их автор стремился развенчать создававшиеся на Западе, в первую очередь Э. Гаспарини, представления об этом мыслителе как о «пророке». В. Чалмаев, в отличие от Янова, не только «развенчивал» Леонтьева, но и, критикуя стандартность и пошлость массовой культуры капиталистических стран, пытался опереться на леонтьевский эстетизм.

В 70-е — 80-е годы в Советском Союзе было создано еще более значительное число трудов, в которых рассматривались различные аспекты творческого наследия К. Леонтьева⁵. Советских исследователей мыслитель

¹ См. Репников А. В. Указ. соч. С. 18.

² См.: Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. М., 1960; Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы. М., 1960.

³ Репников А. В. Указ. соч. С. 21.

⁴ Шкуринов П. Леонтьев К. Н. // Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1964; История философии в СССР. Т. 3. М., 1968; Чалмаев В. Неизбежность // Молодая гвардия. 1968. № 9; Янов А. Л. Славянофилы и Константин Леонтьев // Вопросы философии. 1969. № 8; Он же. Славянофилы и Константин Леонтьев (Буржуазный миф о «пророчестве Константина Леонтьева» и русская консервативная мысль XIX столетия). Дис. ... канд. филос. наук. М., 1970.

⁵ Гайденок П. П. Наперекор историческому прогрессу (К. Леонтьев — литературный критик) // Вопросы литературы. 1974. № 5; Бочаров С. Г. «Эстетическое охранение» в литературной критике (Константин Леонтьев о русской литературе) // Контекст. 1977. М., 1978; Голосенко И. А. К. Н. Леонтьев // Социологическая мысль в России. Л., 1978; Авдеева Л. П. Философско-методологические аспекты

интересовал главным образом как социолог и культуролог, религиозный философ и литературный критик. Вместе с Н. Я. Данилевским Леонтьев был классифицирован как «неославянофил», который обнажил классовую сущность славянофильства и близких к нему течений, служил национализму и экспансионистскому курсу самодержавия¹. И хотя в этот период наука СССР достигла немалых успехов в изучении творческого наследия К. Леонтьева, особенно по сравнению с предыдущим этапом, нельзя не обратить внимания на односторонность, узость методологической базы и идеологическую предвзятость в ее подходе к мыслителю.

В 1988–1989 гг. начинается новый и последний, современный, этап развития леонтьевоведения. Его наступление было связано, во-первых, с падением идеологических запретов, регулировавших интеллектуальную жизнь советского общества, во-вторых — с победой капиталистического лагеря в «холодной войне». После этого интерес к Леонтьеву за рубежом снизился, количество публикаций о нем сократилось.

Систематическое внимание к творчеству мыслителя в настоящее время проявляет лишь несколько иностранных авторов. Филолог Г. Мондри изучает главным образом леонтьевскую беллетристику. Историк философской мысли М. Брода дает анализ геополитических и философских концепций Леонтьева. Корни идей мыслителя он находит в русском православном «византизме» и в традициях европейского консерватизма².

консервативной социологии К. Леонтьева // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. Вып. 9. М., 1981; Губанков Н. Н. К истории борьбы эстетизма с техницизмом в буржуазной культурологии // Искусство в системе культуры. Л., 1981; Авдеева Л. П. Проблема «Россия и Европа» в воззрениях Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1982. № 3; Она же. Проблема государства в русской религиозной общественной мысли последней трети XIX — начала XX вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Теория научного коммунизма. 1982. № 5; Рабкина Н. А. Исторические взгляды К. Н. Леонтьева // Вопросы истории. 1982. № 6; Гальцева Р. П., Роднянская И. Б. Раскол в консерваторах. Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев, И. С. Аксаков, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев в споре об общественном идеале // Неоконсерватизм в странах Запада. Ч. 2. М., 1982; Рабкина Н. А. Антигерой Достоевского и штрихи реальной истории // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1984. № 4; Авдеева Л. П. Религиозно-консервативная социология К. Н. Леонтьева: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1983; Бажов С. И. Некоторые аспекты проблемы культурно-исторического самоопределения России в творчестве К. Н. Леонтьева // Актуальные проблемы истории русской философии XIX века. М., 1987; Лилияли Н. В. К вопросу о сущности консервативного общественного идеала К. Н. Леонтьева // Актуальные проблемы истории русской философии XIX века. М., 1987.

¹ См. Андронов Ю. В., Мясин А. Г., Шириняц А. А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К. Н. Леонтьев. М., 2000. С. 185–186.

² Mondry H. Another literary parody on Chernyshevsky in K Leontiev's In my own land // Die Welt der Slaven. 1990. # XXXV. 2; Mondry H. A Husband's Confession: towards the typology of Leontiev's Writing // Die Welt der Slaven. 1991. # XXXVI. 1;

В России, напротив, к Леонтьеву стали проявлять повышенное внимание. Интерес к мыслителю связан со следующими обстоятельствами. В условиях острого кризиса советской модели общественного устройства и последовавшего за ним распада СССР наше отечество опять, как и в начале XX века, оказалось перед проблемой выбора дальнейших путей развития. Поэтому идеи Леонтьева о расцвете и упадке цивилизаций, о либерализме, прогрессе, социализме, об отношениях России с Западом и Востоком, о Православии, как и идеи других русских консерваторов, вновь стали актуальны и востребованы на их родине¹. А.В. Репников справедливо отмечает, что в последние годы возникла своего рода интеллектуальная «мода» на консерватизм, произошло его «второе пришествие»². На волне этой интеллектуальной «моды» имя блистательного философа, смелого парадоксалиста К.Н. Леонтьева стало в настоящее время особенно популярным; к его идеям обращаются не только традиционалисты и монархисты, но и коммунисты, и либералы. Творческое наследие мыслителя изучает множество представителей отечественной науки. Поддержанию интереса к Леонтьеву способствует также публикация многих его трудов, в том числе извлекаемых из архивных фондов, осуществляемая в последние годы³.

Вопросы, так или иначе связанные с фигурой этого мыслителя, рассматриваются в сотнях разнообразных работ, созданных в нашей стране на современном этапе становления леонтьевоведения⁴. Значительная часть этого потока принадлежит жанру публицистики⁵. Появилось также немало

Mondry H., Thompson S. Konstantin Leont'ev. An Examination of His Major Fiction. M., 1993; Broda M. Najtrudniejsze z rosijskich wyzwan?: zagadka Leontiewa i Rosja. Lodz, 1994; Брода М. Проблемы с Леонтьевым. М., 2001.

¹ Об актуальности идей Леонтьева в современной России см.: Поляков Л.В. Консерватизм К. Леонтьева в современной России: пример «вдохновляющего пессимизма» // Поляков Л.В. Как Россия нас обустроивает. Избранная социально-философская публицистика. М., 1996.

² Репников А.В. Указ. соч. С. 29; См. также Репников А.В. Русский консерватизм: вчера, сегодня, завтра // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Вып. 1. Воронеж, 2001.

³ Наиболее значительные из этих публикаций: *Леонтьев К.Н. Избранные письма: 1854–1891 гг.* СПб., 1993; *Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891).* М., 1996; *Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т.* СПб. Издание осуществляется начиная с 2000 г.; *Леонтьев К.Н. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты (1865–1872).* М., 2003.

⁴ Библиографию новейших леонтьевоведческих публикаций см.: *Чернавский М.Ю. Библиография работ о К.Н. Леонтьеве (1991–2003).* М., 2003. Рукопись; *Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Ширинянц А.А. Указ. соч., С. 218–224; К.Н. Леонтьев: pro et contra.* Кн. 2. С. 678–680.

⁵ *Померанцева Т. «Всего лишь неполный год...»* // Литературная учеба. 1989. № 1; *Бибихин В.В. К.Н. Леонтьев* // Литературная газета. 1989. 5 апр.; *Глушко-*

исследований комплексного и обобщающего характера, включая энциклопедические статьи¹. Большинство из них и, в целом, основная масса работ, появившихся в период начиная с 1988–1989 года, невелико по объему, написано в тезисной форме. Наиболее фундаментальными из комплексных исследований являются монографии А.Ф. Сивака, А.А. Королькова и К.М. Долгова.

ва Т.М. «Боюсь, как бы история на оправдала меня...» // Наш современник. 1990. № 7; *Куликов Ю. Склоняя голову: обретение могил К.Н. Леонтьева и В. Розанова* // Литературная Россия. 1991. 18 окт.; *Сивак А.Ф. Всадник Русского апокалипсиса. Откровения и суды Константина Леонтьева* // Литературная газета. 1991. 20 ноября; *Багдасаров Р., Вовченко А. Возвращение Леонтьева* // Литературная Россия. 1991. 22 ноября; *Бочаров С.Г. «Ум мой упростишь я не могу»* // Литературная газета. 1991. 18 дек.; *Ерофеев В. Интимнейшие места русского консерватизма* // Московские новости. 1992. № 29; *Рабкина Н.А. «Хищный эстет» и аристократ духа* // Московский комсомолец. 1992. 28 февраля; *Нилов В. Внемли себе, Россия. Перечитывая Леонтьева* // Кубань. 1995. № 1–6; *Корольков А.А. Неуслышанный Леонтьев* // Смена. 1995. № 6; *Репников А.В. Константин Леонтьев сказал: «Я предчувствую, что какой-нибудь русский царь... станет во главе социалистического движения»* // Экономическая газета. М., 1999. № 43; *Хатуницев С.В. Русский ум (Жизнь Константина Леонтьева)* // Подъем. 2001. № 11.

¹ *Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева.* СПб., 1991; *Косик В.И. Константин Николаевич Леонтьев: реакционер, пророк?* // Советское славяноведение. 1991. № 3; *Сивак А.Ф. Константин Леонтьев.* Л., 1991; *Слесарева Г.Ф. Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891): К 100 — летию со дня смерти* // Философские науки. 1991. № 11; *Иванова Е.В. К.Н. Леонтьев: Судьба и идеи* // Литературная учеба. 1992. № 1–3; *Кочетков В. Жизнь и судьба неузнанного гения* // К.Н. Леонтьев. Записки отшельника. М., 1992; *Адрианов Б. Место и значение К.Н. Леонтьева в русской философии* // К. Леонтьев — наш современник. СПб., 1993; *К портрету Константина Леонтьева* // Российская социология. СПб., 1993; *Неволин С.Б. Константин Николаевич Леонтьев* // Русские философы (конец XIX — середина XX века): Антология. Вып. 1. М., 1993; *Носов С. Судьба идей Константина Леонтьева* // Константин Леонтьев. Избранные письма. 1854–1891. СПб., 1993; *Бочаров С.Г., Кремнев Г.Б. Леонтьев К.Н.* // Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994; *Котельников В.А. Парадокс о писателе. О жизни и творчестве Константина Николаевича Леонтьева* // Литература в школе. 1994. № 5; *Майорова О. «Он ужасно неталантливо родился...» (о К.Н. Леонтьеве)* // Новый мир. 1994. № 5; *Авдеева Л.Р. Леонтьев К.Н.* // Русская философия. Словарь. М., 1995; *Она же. Леонтьев К.Н.* // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995; *Корольков А.А. Пророк в своем Отечестве* // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2.; *Долгов К.М. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева.* М., 1997; *Чернавский М.Ю. Леонтьев К.Н.* // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 3. М., 2000; *Бажов С.И. Леонтьев К.Н.* // Новая философская энциклопедия. М., 2001; *Кондрашева Н.В. Нет пророка в своем отечестве: Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891)* // Судьбы творцов русской науки. М., 2002; *Прокопов Т.Ф. Неузнанный гений. Парадоксы судьбы Константина Леонтьева* // *Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба. Воспоминания.* М., 2002.

В них излагаются и анализируются философско-социологические, религиозные и общественно-политические взгляды Леонтьева, рассматривается его литературное творчество, некоторые аспекты его биографии. Авторы обобщающих работ касаются главным образом «позднего» Леонтьева, Леонтьева второй трети 70-х – начала 90-х годов XIX столетия.

Помимо комплексных исследований, в последние годы опубликовано немало трудов, в которых делается акцент на анализ отдельных сторон творческого наследия этого мыслителя. Наибольшее внимание традиционно уделялось философским и религиозным взглядам К. Н. Леонтьева¹,

¹ *Лилиевы Н. В.* Религиозно-философская концепция К. Н. Леонтьева // Религиозно-идеалистическая философия в России XIX – начала XX века. М., 1989; *Гачев Г. Д.* Три мыслителя: Леонтьев. Розанов. Пришвин (Главы из книги «Русские думы») // Московский вестник. 1990. № 8; *Морякова О. В.* Культурная традиция и политика в философии К. Н. Леонтьева // Человек и культурно-историческая традиция. Тверь, 1991; *Дробжева Г. М.* Проблема идеала всеобщего благоденствия в философской концепции К. Н. Леонтьева // Человек. Культура. Общество. Тезисы докладов к межвузовской научной конференции. Тамбов, 1992; *Булычев Ю.* Вольнолюбивый певец деспотизма. (О предназначении власти и смысле свободы в воззрениях К. Н. Леонтьева) // К. Леонтьев — наш современник; *Осипов В. К.* Христианство и нигилизм. (Опыт сравнения философских идей К. Леонтьева и Ф. Ницше) // Социальная теория и современность. Вып. 2. М., 1993; *Лазуко А. А.* Картина мира в эстетике К. Н. Леонтьева // Из истории русской эстетической мысли. СПб., 1993; *Черноглазов А.* Формула воцерковления. О Православии Константина Леонтьева // К. Леонтьев — наш современник; *Аленина Р. А.* Трактатка гуманизма в философии К. Леонтьева // Человекознание: гуманистические и гуманитарные ориентации в образовании. Курск, 1994; *Носов С. Н.* «Хищное» христианство К. Н. Леонтьева // Христианство и русская литература. СПб., 1994; *Шестаков В. П.* Философия эстетизма Константина Леонтьева // Свободная мысль. 1994. № 7–8; *Антонов А.* Смирение и воля: Леонтьев и Ницше // Москва. 1995. № 4; *Безносос В. Г.* Ф. Достоевский, К. Леонтьев, Вл. Соловьев о Преображении и Спасении // Достоевский и современность: Материалы IX Международных Старорусских чтений 1994 г. Новгород, 1995; *Гайденок П.* Соблазн «святой плоти» // Вопросы литературы. 1996. № 4; *Кожурин А. Я.* Социальные аспекты антропологии К. Н. Леонтьева и В. В. Розанова. Дис... канд. филос. наук. СПб., 1997; *Митрофанов Г.* Религиозно-философские воззрения К. Н. Леонтьева и их значение для русской церковной культуры // Начало. 1997. № 5; *Самусева А. Б.* Этические взгляды Константина Леонтьева // Вестник Международного славянского университета. 1997. № 2; *Балдин А.* Религия страха или религия любви: к истории одной полемики // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. Новокузнецк, 1998; *Бутов А. Ю.* Проблема традиционного идеала воспитания и образования в творчестве К. Н. Леонтьева // Философские исследования. № 4. 1998; *Глушкова Т. М.* «Высшее единство в высшем разнообразии». (О философии гармонии у Пушкина и Константина Леонтьева) // Московский пушкинист. Вып. 5. М., 1998; *Базурина Е. Н.* В. В. Розанов о К. Н. Леонтьеве // Мудрое слово русской философии: Труды аспирантов историко-философского семинара. СПб., 1999; *Чернавский М. Ю.* О связи мировоззрения К. Н. Леонтьева с учением святых отцов и русской православной традицией // Из истории общественной мысли: культура, идеология, политика (межкафедраль-

его социологии и культурологическим идеям¹. Среди авторов, разрабатывающих данную проблематику, следует отметить А. И. Абрамова, Д. М. Володихина, А. С. Гагарина, Е. С. Гревцову, Г. М. Дробжеву, В. А. Ермакова, В. М. Камнева, С. Н. Носова, М. Ю. Чернавского.

Широко изучалась философия истории и историософия К. Леонтьева², причем в рамках последней особое развитие получило исследование

ный сборник статей). М., 1999. С. 642–660. Деп. в ИНИОН РАН; *Володихин Д. М.* «Высокомерный странник». Философия и жизнь Константина Леонтьева. М., 2000; *Воскресенская М. Б.* Феномен эстетизма в философском творчестве К. Н. Леонтьева. Дис... канд. филос. наук. Кострома, 2000; *Гревцова Е. С.* Философия культуры А. И. Герцена и К. Н. Леонтьева: (Сравнительный анализ). Дис... канд. филос. наук. М., 2000; Она же. Философия культуры А. И. Герцена и К. Н. Леонтьева (Сравнительный анализ) // Научный вестник МГТУ ГА. Серия: Общество, экономика, образование. № 30. М., 2000; *Дробжева Г. М.* К. Н. Леонтьев о соотношении эстетики и морали // В поисках идеала: Очерки русской религиозно-идеалистической этики начала XX в. Тамбов, 2000; *Чернавский М. Ю.* Религиозно-философские основы...; *Ермаков В. А.* Диалектика «охранения» культуры, общества и государства в философии К. Н. Леонтьева // Историко-философский ежегодник – 99. М., 2001.

¹ *Абрамов А. И.* Культурно-историческая концепция русской цивилизации К. Леонтьева // Цивилизация: прошлое, настоящее и будущее человека. М., 1988; *Корольков А. А.* Константин Леонтьев и его эстетическая картина эгалитарного процесса // Философские науки. 1991. № 11; *Рубцова Т. Н.* Концепция культуры К. Н. Леонтьева // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1991. № 4; *Гагарин А. С.* Кризис европоцентризма и судьба России (культурологические воззрения К. Н. Леонтьева и О. Шпенглера) // Культуры в диалоге. Вып. 1. Екатеринбург, 1992; *Бенедиктова Е. Н.* Теория развития цивилизации в работах К. Н. Леонтьева // Россия и мир: Материалы международной научной конференции. Н. Новгород, 1993; *Григорьева Т. С.* Концепция культурного идеала К. Н. Леонтьева. Дис... канд. филос. наук. М., 1993; *Кожурин А. Я.* Проблема властных отношений в творчестве К. Н. Леонтьева и А. А. Зиновьева // Российская социология. СПб., 1993; *Дробжева Г. М.* Проблема социокультурного идеала в социально-философских воззрениях К. Н. Леонтьева. Дис... канд. филос. наук. М., 1995; *Пушкин С. Н.* Диалог культур в творчестве Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева // Современный ислам в диалоге культур. Н. Новгород, 1996; *Крестьянова Е. Н.* Концепция «культура — цивилизация» К. Н. Леонтьева // Философия культуры – 97. Самара, 1997; *Храмов В. Б.* Проблема взаимовлияния культур в социально-философской концепции К. Н. Леонтьева // Казачье самообразование. 1997. № 1; *Камнев В. М.* Россия как культурно-исторический тип и феномен (К. Леонтьев) // Христианство и русская литература. Сб. 3. СПб., 1999; *Королева Л. Г.* Концепция культурно-исторических стилей К. Н. Леонтьева // Россия. Духовная ситуация времени. Вып. 2. М., 1999; *Ермаков В. А.* К. Н. Леонтьев: противоречие культуры и цивилизации // Экология и гуманизм. Материалы второй международной научно-практической конференции 20-21 июня 2000 года г. Пушкин. СПб., 2000; *Ковешникова Н. А.* Идеи К. Н. Леонтьева в культуре Серебряного века. Дис... канд. культурол. наук. М., 2000; *Островская-младшая Е. А.* Идеи Константина Леонтьева в перспективе истории социологии XX века // Вестник русского христианского гуманитарного института. № 4. 2001.

² *Салмин А. М.* Политическая историософия Константина Леонтьева // Русская политическая мысль...; *Кириллова Е. А.* Необходимый момент в истории русского

взглядов мыслителя на Россию и ее будущее¹. Самые глубокие и оригинальные работы в данных областях созданы Г. Б. Кремневым, Р. А. Гоголевым и А. М. Салминым.

Во всех новейших отечественных леонтьевоведческих работах так или иначе затрагивались социально-политические взгляды мыслителя, но появилось также немало специальных исследований его общественно-политических воззрений как таковых. Они носят обобщающий характер²

самосознания: (Философско-историческая концепция Константина Леонтьева) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1990. № 5; Долгов К. М. Религиозно-эстетическая историософия К. Н. Леонтьева // Социальная теория и современность. Вып. 23. М., 1992; Дамье Н. В. Философия истории К. Н. Леонтьева. Дис... канд. филос. наук. М., 1993; Пушкин С. Н. Очерки русской историософии. СПб., 1996; Курганова О. Н. Россия и Запад в контексте историософской концепции К. Н. Леонтьева (Тезисы Второго международного симпозиума, ноябрь 1996 г.) // Россия и Запад: взаимовлияние идей и исторических судеб. Саратов, 1997; Пушкин С. Н. Об идейных истоках историософских взглядов К. Н. Леонтьева // Вече. Вып. 11. СПб., 1998; Чернавский М. Ю. О религиозных основаниях теории триединого процесса развития К. Н. Леонтьева // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сб. науч. трудов кафедры философии МПГУ. Вып. 4. М., 1999; Володихин Д. Хроника ненастья. К. Н. Леонтьев как историк // Леонтьев К. Н. Поздняя осень России. М., 2000; Гоголев Р. А. Философия истории К. Н. Леонтьева. Дис... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2001; Ермаков В. А. Эстетизм и природосообразность историософии К. Н. Леонтьева (о противоречиях культуры и прогресса) // Судьба наследия русской философской мысли на рубеже XXI века. М., 2001; Чикирев Д. С. Историософия К. Н. Леонтьева в контексте отечественной общественно-политической мысли. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2002.

¹ Замалева А. Ф. Три лика России // Россия глазами русского. Чаадаев. Леонтьев. Соловьев. СПб., 1991; Косик В. И. Судьба России и славянства в трудах Константина Леонтьева // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX — начале XX в. М., 1991; Кремнев Г. Б. Константин Леонтьев и русское будущее: К 100-летию со дня смерти // Наш современник. 1991. № 12; Сивак А. Ф. Судьба России в доказательствах и пророчествах: Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев // Слова и отзвуки. 1992. № 1; Слесарева Г. Ф. Образ России и предвидение ее будущего в интеллектуальных исканиях К. Н. Леонтьева // Россия в Новое время: Образ России в духовной жизни и интеллектуальных исканиях конца XIX — начала XX века. М., 1998; Базурина Е. Н. Константин Леонтьев о судьбах России // Мир человека: Ежегодник-альманах Нижегородского отделения РФО и Общероссийской академии человековедения. Вып. 1 (4). Н. Новгород, 2001; Шуугуров М. В. Будущее России в апокалиптических пророчествах Константина Леонтьева // Философское образование. М., 2001. № 5.

² Исаев И. А. Политико-правовая утопия в России (конец XIX — начало XX вв.). М., 1991; Новиков А. И., Григорьева Т. С. Консервативная утопия Константина Леонтьева // Россия глазами русского...; Адрианов Б. Иерархия — вечный закон человеческой жизни. (Стержневой, господствующий принцип К. Н. Леонтьева) // К. Леонтьев — наш современник...; Глушкова Т. «Боюсь, как бы история не оправдала меня...» // Леонтьев К. Н. Цветущая сложность. М., 1992; Дробжева Г. М. Об общественном идеале К. Н. Леонтьева. К вопросу о консервативной утопии // Кредо. Тамбов. 1994. № 6; Круглов Д. Н. Деспотизм и свобода (По Константину

или посвящены представлениям Леонтьева о тех или иных конкретных вопросах социально-политической жизни.

Подверглась дальнейшему изучению проблема соотношения его воззрений с доктриной славянофилов¹ и с развитием русской (а также мировой) общественно-политической мысли в целом².

Анализировалась леонтьевская концепция «византизма»³, взгляды мыслителя на либерализм⁴, на Восточный и национальный вопросы⁵.

Леонтьеву) // Исследования по консерватизму. Пермь, 1994. Вып. 1; Русская социально-политическая мысль России XIX — начала XX века. К. Н. Леонтьев. М., 1995; Ватиль В. Н., Ермаков Д. В., Ширинянц А. А. Социально-политическая правовая мысль XIX века (Очерки истории и теории) // Ч. 1. Гродно, 1997; Мясин А. Г. Указ. соч.; Репников А. В. Указ. соч.; Цимерман М. М. Общественно-политические взгляды К. Н. Леонтьева в системной реконструкции и интерпретации. Дис. ... канд. политических наук. Уссурийск, 2001; Андронов Ю. В., Мясин А. Г., Ширинянц А. А. Указ. соч.; Евлампиев И. И. Религиозно-консервативная «утопия» К. Леонтьева // История русской философии. М., 2002.

¹ Дамье Н. В. К. Н. Леонтьев и классическое славянофильство // Кентавр. 1994. № 1; Немцев И. А. Славянофильская идеология и ее влияние на формирование мировоззрения К. Н. Леонтьева. Пермь, 1997. Деп. в ИНИОН; Володихин Д. Славянофил ли Константин Леонтьев: историографический концепт против самооценки мыслителя // Историческое знание и интеллектуальная культура. М., 2001.

² Янов А. Л. Трагедия великого мыслителя: (По материалам дискуссии 1890-х гг.) // Вопросы философии. 1992. № 1; Мальчевский Н. Творчество К. Н. Леонтьева глазами современников // К. Леонтьев — наш современник...; Чикирев Д. С. К. Н. Леонтьев в контексте отечественной мысли // Сборник работ слушателей ДА МИД РФ. М., 1997; Чернавский М. Ю. Философские идеи К. Н. Леонтьева в контексте мировой и отечественной консервативной мысли // IV межвузовская научная конференция «Человек. Общество. Закон». Люберцы, 2002.

³ Рабкина Н. А. «Византизм» Константина Леонтьева // История СССР. 1991. № 6; Пашко Р. Г. Концепция «византизма» Константина Леонтьева // Русская культура на межконфессиональных перекрестках. М., 1995.

⁴ Шестаков Н. А. Константин Леонтьев и русский либерализм // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 2; Секиринский С. С., Филиппова Т. А. Родословная российской свободы. М., 1993; Тишуков В. М. К. Н. Леонтьев о русском либерализме и новые реалии XX века // Человек — сам себе непонятный. Новгород, 1997; Чикирев Д. С. К. Н. Леонтьев и проблема либерализма // Научные труды МПГУ. Сер. Социально-исторические науки. М., 1998.

⁵ Лурье С. В. Идеология и геополитическое действие. Вектор русской культурной экспансии: Балканы — Константинополь — Палестина — Эфиопия // Цивилизации и культуры. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М., 1996; Косик В. И. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему, М., 1997; Он же. К. Н. Леонтьев — болгарская тема — pro et contra // Славянский альманах. 1997. М., 1998; Мясин А. Г. Константин Леонтьев, русский консерватизм и Восточный вопрос // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1998. № 1; Хатунцев С. В. Восточный вопрос в работах К. Н. Леонтьева // Страницы истории и историографии отечества. Вып. 2. Воронеж, 1999; Он же. К. Н. Леонтьев о национализме и национальной политике // Там же. Вып. 3. Воронеж, 2001.

Воззрения Леонтьева на Восточный вопрос наиболее обстоятельно изучены в трудах известного балкановеда В.И. Косика.

Внимание современных отечественных исследователей закономерно привлекает тема «Леонтьев и социализм»¹; к последней тесно примыкает тема «Леонтьев и Л. А. Тихомиров»². Говоря об изучении данного вопроса, нельзя не отметить работы А. В. Репникова. Однако и эта, и другие проблемы общественно-политических взглядов мыслителя всё ещё нуждаются в дальнейшем анализе.

Достаточно широко изучалось в последние годы художественное творчество и литературная критика русского мыслителя³; исследовались

¹ Репников А. В. Оценка социалистической перспективы в работах К. Н. Леонтьева // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Общественные науки: Тезисы юбилейной конференции. Ярославль, 1995; Чернавский М. Ю. Идея социализма в консервативной системе К. Н. Леонтьева // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Вып. 5. М., 1999; Репников А. В. В ожидании «социалистического самодержца» // Армагеддон: Актуальные проблемы истории, философии, культурологии. Кн. 5. М., 1999; Воронин И. А. Константин Леонтьев: реакция, революция, социализм (к постановке проблемы) // Научные труды МПГУ. Сер. Социально-исторические науки. М., 2000; Репников А. В. «Славянский царь ... у кредит социалистическую форму жизни» // Россия XXI. 2002. № 2.

² Милевский О. А. Л. Тихомиров и К. Леонтьев: к истории взаимоотношений // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Сер. История. Филология. Вып. 1. 1997; Репников А. В. Константин Леонтьев и Лев Тихомиров // Эхо: Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. Вып. 3. М. 2000.

³ Бочаров С. Г. Эстетический трактат Леонтьева // Вопросы литературы. 1988. № 12; Котельников В. А. Оптина пустынь и русская литература // Русская литература. 1989. № 4; Рабкина Н. А. Литературные уроки (Тургенев и Константин Леонтьев — история взаимоотношений) // Вопросы литературы. М., 1991. № 4; Майорова О. Е. Мемуары как форма авторефлексии: к истории неосуществленного замысла Константина Леонтьева // Лица: Биографический альманах. Вып. 6. М.; СПб., 1995; Океанский В. П. Герменевтическое пространство «Легенды о Великом Инквизиторе»: вслед за К. Н. Леонтьевым... // Филологические штудии. Вып. 1. Иваново, 1995; Бушкова Т. В. Жанровое своеобразие произведений К. Н. Леонтьева восточного цикла // Жизнь и судьба малых литературных жанров. Иваново, 1996; Сумбатян М. Б. Грех и покаяние Константина Леонтьева (Повесть «Исповедь мужа» в системе христианских взглядов Леонтьева) // Русская литература XIX века и христианство. М., 1997; Белугина Н. М. Художественное время и пространство в повести К. Н. Леонтьева «Египетский голубь» // Проблема традиций в русской литературе. Н. Новгород, 1998; Захарова В. Т. Литературно-критическая мысль К. Н. Леонтьева и развитие русской литературы XIX–XX вв. // Там же; Зинченко Л. Н. Об одной грани мировосприятия К. Леонтьева (Цвет в художественной системе К. Н. Леонтьева) // Культура и текст. Литературоведение. Ч. 1. СПб.; Барнаул, 1998; Попов Д. Л. Повесть К. Н. Леонтьева «Исповедь мужа»: сюжет и поэтика // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература. Иваново, 1998; Репников А. В. «Эстетический аморализм» в произведениях К. Н. Леонтьева. М., 1999.

и некоторые аспекты его биографии¹. Особое развитие в нынешней российской науке получила тема «Леонтьев и Ф. М. Достоевский»² и нередко связанная с нею тема «Леонтьев и В. С. Соловьев»³.

По оценке Ю. В. Андропова, А. Г. Мячина и А. А. Ширинянца, «новые публикации о мыслителе не только заново ставят проблемы, вызывавшие интерес еще в начале [прошлого] века, но и пытаются по-новому осветить их»⁴.

Подводя итог, следует отметить, что к настоящему времени в мировой историографии сложился целый комплекс серьезных леонтьеведческих изысканий, однако далеко не все проблемы леонтьеведения, особенно проблемы, связанные с общественно-политическими взглядами русского мыслителя, освещены надлежащим образом и получили адекватное разрешение, тем более, что разные авторы нередко дают им самые противоречивые оценки.

¹ Мальгин А. Константин Леонтьев и Крым // Брега Тавриды. 1991. № 1; Володихин Д. «Пустынное место» в судьбе Константина Леонтьева // Персональная история. М., 1999; Берговская И. Н. Кудиново в жизни Леонтьева // История философии. М., 2000.

² Бодров Е. Н. Проблема идеала у К. Н. Леонтьева и Ф. М. Достоевского // Традиции отечественной философии. Ч. 1. Гродно, 1991; Буданова Н. Ф. Достоевский и Константин Леонтьев // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 9. Л., 1991; Глушкова Т. Два пророка: Достоевский и Леонтьев // Домострой. 1991. № 48; Янов А. Л. Три утопии (М. Бакунин, Ф. Достоевский, К. Леонтьев) // Искусство кино. 1992. № 9; Сивак А. Ф. Антиномия красоты в религиозном умозрении Ф. М. Достоевского и К. Н. Леонтьева // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 1. СПб., 1994; Панаэтов О. Т. Константин Леонтьев и Ф. Достоевский // Филология. — Philologica. 1996. № 9; Пращерук Н. В. К. Леонтьев и Ф. Достоевский: спор о христианском идеале // Ф. М. Достоевский и национальная культура. Вып. 2. Челябинск, 1996; Проскурина Ю. М. К. Н. Леонтьев о религиозных взглядах Ф. М. Достоевского // Русская литература XIX века и христианство. М., 1997; Панаэтов О. Г. Полифонизм и соборность как категории поэтики: Ф. М. Достоевский и К. Н. Леонтьев. Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1998; Сохряков Ю. И. Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, Н. А. Бердяев о славянской идее // Русско-славянская цивилизация: исторические истоки, современные геополитические проблемы, перспективы славянской взаимности. М., 1998; Бочаров С. Г. Леонтьев и Достоевский // Он же. Сюжеты русской литературы. М., 1999.

³ Козырев А. П. Вл. Соловьев и К. Леонтьев: диалог в поисках «русской звезды» // Начала. 1992. № 2; Константинов В. К истории одной полемики (К. Н. Леонтьев и В. С. Соловьев о проблемах христианской эсхатологии) // Там же; Носов С. Н. Идея «Москва — Третий Рим» в интерпретации Константина Леонтьева и Владимира Соловьева // Русская литература и культура нового времени. СПб., 1994; Полонская Л. Р. Между Сциллой и Харибдой: (Проблема Россия — Восток — Запад во второй половине XIX в.: К. Леонтьев, Э. Ухтомский, Вл. Соловьев) // Московское востоковедение: Очерки, исследования, разработки. М., 1997.

⁴ Андронов Ю. В., Мячин А. Г., Ширинянец А. А. Указ. соч. С. 20.

В этой связи необходимо отметить, что внимание специалистов, которые их исследуют, направлено главным образом на «позднего» Леонтьева, Леонтьева «классического» периода, т. е. второй трети 70-х — начала 90-х годов XIX века. Общественно-политические взгляды более ранних этапов его жизни, 50-х — начала 70-х годов, изучены слабо. Несмотря на обилие статей, монографий, глав и разделов в обобщающих трудах по истории русской философии и общественно-политической мысли, посвященных К. Н. Леонтьеву, данная тема так и не стала объектом ни монографического, ни диссертационного исследования и до сих пор не получила должного освещения ни в отечественной, ни тем более в зарубежной историографии. В леонтьевоведческих работах затрагивались лишь отдельные аспекты проблемы общественно-политических представлений К. Н. Леонтьева в указанный период.

Это объясняется тем, что для основной массы ученых, обращавшихся к его творчеству, общественно-политические взгляды К. Леонтьева 50-х — начала 70-х годов XIX столетия находятся в «тени» более поздних его воззрений. Однако для всестороннего освещения и правильного понимания фигуры этого выдающегося мыслителя и публициста, его идейной эволюции и интеллектуального наследия сложившийся дисбаланс следует ликвидировать: иначе наши представления о Леонтьеве останутся весьма однобокими и неполными, каковыми они являются вплоть до настоящего времени.

Кроме того, необходимо отметить, что К. Н. Леонтьевым занимаются главным образом философы, социологи и политологи, а также литературоведы и, отчасти, культурологи, причем далеко не все публикации этих специалистов носят вполне научный характер: данный мыслитель и его воззрения являются объектом не только научной полемики, но и политических спекуляций. Фундаментальных *исторических* трудов, монографий и диссертаций, в которых рассматриваются общественно-политические взгляды Леонтьева, крайне мало. Как исключение, можно назвать лишь работы В. И. Косика и А. В. Репникова, причем монография последнего посвящена воззрениям не одного К. Леонтьева, а нескольких выдающихся русских консерваторов конца XIX — начала XX веков¹. Ни тот, ни другой исследователь специальной задачи изучения общественно-политических взглядов «раннего» Леонтьева, Леонтьева 50-х — начала 70-х годов XIX столетия перед собой не ставили. И если В. И. Косик затрагивает некоторые весьма существенные аспекты этой проблемы, то А. В. Репников все свое внимание сосредотачивает на «классическом» периоде леонтьевского творчества.

¹ Косик В. И. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности.

Следует указать еще на один чрезвычайно важный момент. Большинство исследователей общественно-политических взглядов К. Н. Леонтьева — философы, социологи, политологи, фактически подходит к ним как к чему-то «ставшему», лишенному внутреннего развития, явленному в готовом и развернутом виде. Поэтому, несмотря на достаточную, казалось бы, изученность воззрений Леонтьева, довольно слабо исследована их динамика, конкретная эволюция: те изменения, которые они претерпевали с течением времени. Соответственно, мало изученными остались те исторические факторы, которые на них повлияли. В наибольшей степени это касается опять-таки общественно-политических взглядов Леонтьева 50-х — начала 70-х годов XIX в. Очерченные нами проблемы леонтьевоведения нуждаются в разрешении.

Общественно-политических воззрений К. Н. Леонтьева указанного периода касались главным образом леонтьевоведы дореволюционного периода — А. А. Александров, К. М. Аггеев, А. М. Коноплянцев, исследователи-эмигранты — Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский, Ю. П. Иваск, и представители советской и постсоветской науки начиная с 80-х гг. прошедшего века — Л. Р. Авдеева, А. А. Корольков, В. И. Косик, А. М. Салмин, А. Ф. Сивак и др.

Одной из первых работ, бросающих свет на общественно-политические воззрения К. Н. Леонтьева 50-х — начала 70-х годов XIX века, была работа его ученика и близкого друга А. А. Александрова «Константин Николаевич Леонтьев», опубликованная в 1892 году¹. Значительная ее часть посвящена опровержению необоснованных мнений о К. Леонтьеве, высказанных французским публицистом Портье Д'Арком, писавшим под псевдонимом «А Chernoff», несколькими годами ранее².

Александров не только подверг заслуженной критике Портье Д' Арка, но и охарактеризовал отношение Леонтьева в рассматриваемый период к религии вообще и к православию в частности, отметил неустойчивость его политических взглядов в эпоху Крымской войны, его положительное отношение к «либеральным веяниям» начала царствования преемника Николая I, в том числе — к освобождению крестьян.

Согласно Александрову, собственные, «совершенно особые» социальные теории сложились у Леонтьева уже к декабрю 1860 г., когда он отправился в Петербург, и они почти не отличались от тех общественно-политических идей, которых Леонтьев придерживался позднее, то есть в 70-е — 90-е годы XIX столетия. Мы же считаем, что оригинальной общественно-политической концепции у Леонтьева к концу 1860 г.

¹ Александров А. А. Константин Николаевич Леонтьев // Русский вестник. 1892. Т. 219. № 4. С. 250–284.

² См. Chernoff A. [Portier d'Arc]. Un portrait litteraire russe: M. Constantin Leontieff // La Nouvelle Revue. 1889. Т. 58. P. 754–764.

еще не сложилось. Сам Александров непоследователен и фактически противоречит собственным утверждениям, поскольку отмечает, что Леонтьев до 1861–1862 гг. политикой — и внешней, и внутренней, интересовался мало и консерватором еще не был, что только к 1863 году у него начали формироваться относительно твердые убеждения в вопросах и «государственной жизни, и практической политики»¹. Поэтому степень схождения общественно-политических воззрений Леонтьева до его переезда в столицу с теми взглядами, которых он придерживался в более зрелые годы, Александров преувеличил, хотя преемственность между ними, конечно, существовала.

А. Александров был одним из создателей «эстетической», основанной на сведениях, приводимых самим Леонтьевым, теории перехода последнего в начале 60-х годов XIX столетия в консервативный лагерь². На наш взгляд, эта точка зрения соответствует истине. Довольно объективно и мнение Александрова о том, что на Восток, в начале 1864 г., Леонтьев приехал врагом западного буржуазно-демократического либерализма и прогрессизма³, хотя вполне сознательным и последовательным противником этих явлений Леонтьев, на наш взгляд, еще не был. Согласны мы и с мнением А. А. Александрова, что жизнь на Востоке содействовала укреплению и развитию тех идей, которые стали зарождаться в уме Леонтьева еще до отъезда туда и которые впоследствии он страстно пропагандировал в своей публицистике⁴.

В целом работа Александрова освещает лишь наиболее общие аспекты общественно-политических взглядов К. Леонтьева 50-х — начала 70-х годов XIX в.

Вслед за Александровым данной проблемы коснулся К. М. Аггеев. В диссертации, посвященной богословской оценке идейного наследия К. Леонтьева, он отметил, что, начав обучение в университете, Леонтьев потерял детскую религиозную веру⁵, стал бессознательным материалистом, а по мере развития его медицинского образования этот бессознательный материализм сделался «формулированным «материализмом врачей»⁶. В этот период, пишет исследователь, Леонтьев, расставшись с «монархическими преданиями своей семьи», проникся демократическими представлениями, отдал дань европейскому либерализму, но и в его восприятии остался «эсте-

¹ Александров А. А. Указ. соч. С. 268.

² См. там же. С. 268.

³ Там же. С. 275.

⁴ Там же. С. 271.

⁵ Аггеев К. М. Христианство и его отношение к благоустройству земной жизни (Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства). Киев, 1909. С. 40.

⁶ Там же. С. 58.

тиком, каким он был и в детские годы»¹. Глубокой его увлеченность либерализмом и демократическими идеями Аггеев вполне справедливо не считал². С данным мнением вполне можно согласиться. Однако, слепо доверяя одной из автобиографических оценок К. Н. Леонтьева, он полагал, что с либерализмом этот мыслитель всецело и окончательно порвал уже в 1862 году³.

По мнению Аггеева, к своему сорокалетию, т. е. к 1871 г., Леонтьев был враждебен «до фанатизма к началам европейского демократического прогресса, преклонялся пред самобытными, хотя бы порою и «варварскими» проявлениями русской души», имел эстетическую симпатию к «формам религиозной жизни православия»⁴. Усомнившись в «фанатизме» Леонтьева, добавим, что последнему в указанный период он симпатизировал не только по эстетическим соображениям, но и по политическим мотивам.

Ряд немаловажных оценок и замечаний, касающихся общественно-политических взглядов К. Н. Леонтьева 50-х — начала 70-х годов XIX века, высказал в биографической по своему характеру работе «Жизнь К. Н. Леонтьева в связи с развитием его мирозерцания» А. М. Коноплянцев. Солидаризируясь с суждениями Александрова и Аггеева, он утверждал, что сочувствие Леонтьева к либеральному движению, которое он проявлял в молодости, не заходило глубоко, «до корней этого движения»⁵. Коноплянцев отметил, что в Петербурге, в 60-е годы, Леонтьев сблизился со славянофильством и воспринял из этого учения идею культурной самобытности России⁶.

Писал он и о повороте Леонтьева к консерватизму. 1862 год, заявлял А. М. Коноплянцев, следуя утверждениям самого мыслителя, был временем крутого душевного перелома и резкого разрыва Леонтьева с либеральным прошлым⁷. По нашему мнению, степень его расхождения с либерализмом в начале 60-х годов этот исследователь также преувеличил.

Он считал, что повороту Леонтьева к консерватизму и укреплению новых общественных симпатий мыслителя способствовало его отрицательное отношение к литературно-пропагандистской деятельности революционных демократов и к Польскому восстанию 1863–1864 гг. Согласно Коноплянцеву, эстетический склад сознания этого мыслителя «сам по себе был сроден охранительным началам и неизбежно приводил к ним»⁸. Данная точка зрения в целом соответствует реальному положению вещей.

¹ Там же. С. 39–40.

² Там же. С. 52.

³ Там же. С. 55–56.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Коноплянцев А. М. Указ. соч. С. 52.

⁶ Там же. С. 57, 89.

⁷ Там же. С. 54.

⁸ Там же. С. 57.

Ставя перед собой задачу изложить основные черты мировоззрения К. Леонтьева за разные периоды его жизни¹, Коноплянцев, однако, основное внимание уделил леонтьевской беллетристике, а не социально-политическим представлениям, поэтому с поставленной задачей справился не вполне. Общественно-политические взгляды Леонтьева 50-х – начала 70-х годов XIX столетия Коноплянцевым, как и остальными представителями дореволюционной историографии, освещены скудно.

Исследователи-эмигранты, стремясь как можно полнее осмыслить феномен К. Леонтьева, многие из прогнозов которого начиная с 1917 года стали осуществляться, проявили к данной теме несколько больший интерес, нежели леонтьеведы дореволюционной России.

Н. А. Бердяев в своей знаменитой работе 1926 г. в целом и сколько-нибудь подробно общественно-политические взгляды Леонтьева 50-х – начала 70-х годов XIX века не рассматривал, не анализировал и не оценивал, однако изменению его воззрений в период после освобождения крестьян уделил значительное внимание.

Согласно Бердяеву, в 1862 г. Леонтьев «окончательно [курсив наш — С. Х.] порывает с остатками прогрессивных, либерально-эгалитарных идей и делается консерватором». Разрыв этот, вслед за леонтьеведами дореволюционного периода, он считал эстетическим, справедливо заметив, что политические симпатии Леонтьева сформировались не под влиянием отвлеченной мысли как переживаний нравственного порядка, а под влиянием образно-пластических впечатлений².

Бердяев, вслед за А. А. Александровым, отметил любовь Леонтьева к А. И. Герцену и некоторое влияние последнего на Леонтьева³, однако не выявил всего круга представлений мыслителя, на которые могли иметь и имели воздействие идеи этого «дворянского революционера». В то же время он писал, что «старые», т. е. дореформенные славянофилы никакого непосредственного влияния на Леонтьева не оказывали⁴. Изучение общественно-политических взглядов мыслителя 60-х годов XIX века свидетельствует, что это не так, хотя нельзя не согласиться с Бердяевым, что Аполлону Григорьеву Леонтьев сочувствовал более, чем славянофилам, поскольку тот являлся выразителем иной, нежели славянофилы, русской стихии, стихии разгульной и чувственной, тогда как последние превозносили добрые семейные нравы⁵.

¹ Аггеев К. М. Христианство... С. 4.

² Бердяев Н. А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К. Н. Леонтьев: pro et contra... С. 47.

³ Там же. С. 76.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ См. Там же. С. 126.

Высказался Бердяев и по вопросу о значении пребывания Леонтьева в Турции для эволюции его общественно-политических представлений. По мнению этого мыслителя, Восток окончательно сформировал духовную личность Леонтьева, «страшно обострил его политическую, философскую и религиозную мысль»¹. Бердяев справедливо заключает, что наблюдения над жизнью балканских славян поколебали в нем веру в племенной, национальный принцип и привели к отрицательному отношению Леонтьева к панславизму². Однако произошло это только на последнем этапе его пребывания в Османской империи и главным образом благодаря усилению так называемой греко-болгарской распри, о чем Бердяев не пишет, избегая, как и большинство философов, конкретно-исторических оценок.

Понимая народничество как веру в русскую народную стихию, он отмечает, что в определенный период у Леонтьева имелись известные «славянофильско-народнические иллюзии», от которых этот мыслитель впоследствии освободился. Так, в славянофильско-народническом духе, как его понимал Н. А. Бердяев, написана относящаяся к концу 60-х годов статья Леонтьева «Грамотность и народность»: в ней можно встретить традиционную для отечественной интеллигенции XIX столетия идеализацию простого народа, крестьянства. По мнению Бердяева, Леонтьев «сбивается на эти народнические мысли по ... связи с нашими самобытно-народолюбивыми мнениями», освободиться от которых русскому интеллектуалу в этот период было весьма непросто.

Обращал Н. А. Бердяев внимание и на факт идеализации Леонтьевым сельской общины как охранительного начала, предупреждающего развитие пролетариата³. Однако знаменитый философ даже не задавался вопросом: каким образом и в какой период эта идея, выработанная «старым» славянофильством, влияние которого на Леонтьева он отрицал, попала в арсенал его общественно-политических взглядов.

В. В. Зеньковский, шедший по стопам Бердяева, также отмечал значимость периода жизни в Турции для развития общественно-политических представлений Леонтьева. Он считал, что на Востоке философская и политическая концепция последнего оформилась окончательно⁴. Это мнение нельзя принять безоговорочно: серьезные изменения в общественно-политических взглядах К. Леонтьева произошли по возвращении его на родину в 1874 г., определенную эволюцию претерпевали они и позже. Вторя Бердяеву, Зеньковский утверждал, что Леонтьев «развивался совершенно вне влияния старых славянофилов, хотя и находился в той же духовной,

¹ Там же. С. 58.

² Там же. С. 60.

³ Там же. С. 132.

⁴ Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 247.

религиозно крепкой русской среде»¹. Как говорилось выше, данная точка зрения нуждается в пересмотре: влияние классического славянофильства на Леонтьева 60-х гг. было весьма значительным.

Объективно отмечая воздействие на Леонтьева в его оценке мещанства А. И. Герцена, Зеньковский, однако, пишет, что «в генезисе идей у Леонтьева Герцен не играл никакой роли»². Это мнение также не соответствует реальному положению вещей: исследование взглядов Леонтьева 60-х годов выявляет целый пласт представлений, на генезис которых могли повлиять и, очевидно, повлияли воззрения А. И. Герцена.

Говоря, что на рубеже 60-х — 70-х годов Леонтьев пережил глубокий и тяжелый духовный кризис, Зеньковский постулировал, что в итоге этого кризиса «происходит распад прежнего комплекса идей, рождается новая — суровая и угрюмая концепция, которая и определяет собой те различные его взгляды, о которых обычно говорят, когда речь заходит о Леонтьеве»³. Между тем, многие элементы и звенья этого «прежнего комплекса идей», т. е. воззрений К. Леонтьева 60-х годов и более раннего периода, вошли в «классическую», широко изучаемую систему общественно-политических взглядов последнего, сформировавшуюся в первой половине 70-х гг., что, однако, осталось вне поля зрения В. В. Зеньковского, поскольку детально воззрения К. Леонтьева 50-х — начала 70-х годов этот выдающийся историк русской философии не рассматривал и не изучал.

Гораздо большее, по сравнению с другими исследователями, внимание к общественно-политическим взглядам К. Леонтьева 50-х — начала 70-х годов XIX в. проявил литературовед-эмигрант Ю. П. Иваск.

В своей монографии он постулировал, что будучи студентом, в начале 50-х, Леонтьев не интересовался политикой и разбирался в ней слабо⁴. Хотя в этот период он считал себя «республиканцем», его «республиканство», по мнению Иваски, которое мы разделяем, было сравнительно недолгим и чисто эмоциональным, эстетическим⁵. Являясь эстетом, но не по убеждениям, а по вкусам, влечениям, Леонтьев, после Крымской войны, сочувствовал и набравшему в это время силу «либеральному и честному направлению умов»⁶. Либералом, пишет Иваск, он оставался еще в начале 60-х⁷.

Исследователь не оставляет без внимания, что, находясь в Петербурге (конец 1860 — конец 1863 гг.), Леонтьев отошел от своего раннего и очень

¹ Зеньковский В. В. История русской философии. С. 248.

² Там же. С. 249.

³ Там же. С. 250.

⁴ См. Иваск Ю. П. Константин Леонтьев (1831–1861). Жизнь и творчество // К. Н. Леонтьев: pro et contra... С. 276.

⁵ Там же. С. 243, 244.

⁶ Там же. С. 299–300.

⁷ Там же. С. 304.

неопределенного либерализма и сблизился с кружком деятелей, группировавшихся около журнала «Время», которых Иваск назвал «петербургскими славянофилами» и которых в отечественной историографии классифицируют как представителей почвенничества.

Согласно Иваску, с начала по конец 60-х годов Леонтьев прошел через сферу влияния Аполлона Григорьева¹; это влияние было не столько идейным, сколько художественным: Леонтьев видел в нем не учителя, а героя². В то же время московские славянофилы, возглавляемые И. С. Аксаковым, ему не импонировали: Леонтьева отталкивало их резкое антизападничество и их патриархальная этика³. Все эти выводы и оценки основываются на сведениях, содержащихся в воспоминаниях самого Леонтьева, но необходимо заметить, что в 1862–1863 годах, когда он переходил на консервативные позиции, его отношение к славянофильству существенно изменилось, чего исследователь не учел. Эти изменения отразились в художественных и публицистических работах мыслителя.

Находясь в Петербурге, пишет Иваск, Леонтьев разделял чувства А. И. Герцена — его ненависть к буржуазии. Герцен, а также английский философ Дж. Ст. Милль, по выражению исследователя, «повернули» Леонтьева в сторону реакции⁴. В своем трактате «О свободе» Дж. Ст. Милль осуждал так называемое «коллективное ничтожество» (collective mediocrity) — общественное мнение буржуазной массы в современных демократиях США и Великобритании, и говорил о том, что эксцентрики, оригинальные личности должны оказывать сопротивление бездарному большинству, бороться с массовой тиранией этого «коллективного ничтожества». Согласно Иваску, эти, и только эти понятия заимствовал Леонтьев у Милля в начале 60-х⁵. На наш взгляд, данное мнение является не вполне адекватным. В действительности влияние вышеупомянутой книги Дж. Ст. Милля на общественно-политические взгляды Леонтьева было гораздо шире.

Иваск придерживался мнения, что Леонтьев никогда не был славянофилом, хотя и сочувствовал иногда некоторым славянофильским идеям, преимущественно консервативным⁶, отмечал, что в 60-е годы Леонтьев был настроен оптимистически: верил в синтез России образованной и народной, надеялся на то, что русские просветители западной выучки переработают европейские начала в новую национальную культуру, причем последняя, с точки зрения мыслителя, должна была получить общемировое значение. Подобно славянофилам и некоторым западникам, он идеализировал

¹ Там же. С. 310, 437.

² Там же. С. 320.

³ Там же. С. 301.

⁴ См. Там же. С. 313.

⁵ Там же. С. 514.

⁶ Там же. С. 438, 445.

русскую общину, видел в крестьянском мире наиболее своеобразную форму русской социальной жизни¹. В уже упоминавшейся статье «Грамотность и народность» Леонтьев, по мнению Иваска, предвосхитил свое позднейшее утверждение: самобытную неграмотную Россию следует подморозить, чтобы она не гнила², то есть выступил с крайне консервативных позиций. Однако в данном случае исследователь совершил ошибку: анализ общественно-политических взглядов Леонтьева 60-х годов как таковых он подменил проецированием на этот период леонтьевских воззрений 70-х — 80-х годов. В 60-е же К. Н. Леонтьев ратовал не за «подмораживание» России, а, в целом, за осуществлявшиеся царским правительством преобразования, которые, как он полагал, способствовали усилению культурного своеобразия страны, ее отличий от Запада.

Определял Иваск и отношение Леонтьева в этот период к православию. С утверждением исследователя о том, что восточное христианство, по мнению мыслителя, помогало сохранить самобытность, являлось силой, оказывающей сопротивление нивелирующей цивилизации Запада³, можно согласиться, тогда как другой постулат Иваска, о том, что «политическая переоценка», т. е. переход Леонтьева в стан консерваторов, была продумана и определена довольно поздно, около 1870 года⁴, вызывает недоумение хотя бы потому, что исследователь явно противоречит собственным утверждениям, высказанным в той же работе.

В целом освещение Ю. П. Иваском, как и остальными представителями русской эмиграции, общественно-политических взглядов Леонтьева 50-х — начала 70-х годов XIX века обзорно, мало детализовано, не всегда объективно, а порой противоречиво и фрагментарно. Тем не менее, монография этого литературоведа до сих пор остается исследованием, содержащим наибольший объем оценок и сведений, касающихся данной проблемы.

Представители советской и постсоветской науки стали обращать внимание на общественно-политические воззрения Леонтьева раннего периода его творчества главным образом с 80-х годов прошлого века, когда в стране, благодаря постепенному ослаблению идеологических запретов, налаживавшихся господствующим мировоззрением, начиналось широкое изучение наследия К. Н. Леонтьева в целом.

Л. Р. Авдеева, ссылаясь на его воспоминания, высказывает чрезвычайно спорное мнение, что увлечение мыслителя в молодости материалистическими и демократическими идеями было не только поверхностным, но и кратковременным, ограниченным годами его студенчества⁵, что кон-

¹ Иваск Ю. П. Константин Леонтьев (1831–1861). Жизнь и творчество. С. 362.

² Там же. С. 365.

³ Там же. С. 374.

⁴ Там же. С. 533.

⁵ Авдеева Л. Р. Религиозно-консервативная социология К. Н. Леонтьева. С. 18.

сервативная тенденция «наметилась у Леонтьева довольно рано, после окончания университета», и с этого периода стала «основным лейтмотивом его творчества»¹. Данным источников точка зрения исследовательницы прямо противоречит. Авдеева сама постулирует, что окончательно социально-политические симпатии Леонтьева, склонность его к консерватизму и охранительству, оформились только на Востоке².

А. М. Салмин, отмечая первый в жизни К. Леонтьева «умственный перелом», связанный с утратой им детской религиозной веры³, начальным этапом его интеллектуальной биографии считает продлившийся до 1860-х гг. период юношеского либерализма, за которым последовал поворот к консерватизму и эстетизму и этап формирования натуралистической «гипотезы триединого процесса», завершившийся в 1871 г. Он считает, что до указанного времени эстетизм являлся главной стихией К. Н. Леонтьева⁴. С этим утверждением вполне можно согласиться.

Гораздо труднее принять мнение, что Манифест 19 февраля 1861 г. послужил одним из толчков для перехода Леонтьева «к твердой и обдуманной реакционности»⁵. Спорно и то, что, как утверждает Салмин, свою собственную «гипотезу триединого процесса и вторичного смесительного упрощения» этот мыслитель разработал именно на основе концепции циклически развивающихся культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, хотя Леонтьев сам писал о том, что его идея «триединого процесса» неоригинальна и постоянно указывал на зависимость своей мысли от теорий автора «России и Европы»⁶. Имеются фактические данные, заставляющие предположить, что «гипотеза триединого процесса» и многие другие философско-политические идеи складывались у Леонтьева в 60-е годы XIX в. параллельно концепции Данилевского и *независимо* от нее.

Согласно А. Ф. Сиваку, отход Леонтьева от либерально-демократических воззрений начался не позднее осени 1861 года. По мнению исследователя, «окончательное осуждение демократизма и ... его аргументация были почерпнуты им у А. И. Герцена». Тем не менее, противореча самому себе и солидаризируясь с оценкой В. В. Зеньковского, Сивак утверждает, что «говорить о влиянии Герцена на Леонтьева не приходится...»⁷.

Он постулирует, что гражданская позиция и политические принципы, которым Леонтьев остался верен до конца жизни, в главных своих чертах определились уже в 1862 г., когда последний встал на сторону

¹ Там же. С. 20.

² Там же. С. 18.

³ Салмин А. М. Указ. соч. С. 95.

⁴ Там же. С. 112–113.

⁵ Там же. С. 97.

⁶ Там же. С. 139.

⁷ Сивак А. Ф. Константин Леонтьев. С. 7.

консерватизма¹. Превращению Леонтьева в консерватора, считает Сивак, способствовали разногласия в русском демократическом движении между Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым с одной стороны и Герценом — с другой, а также резкая активизация в России реакционных сил². Но как именно эти факторы воздействовали на взгляды Леонтьева, Сивак не показал, как не выявил он и другие, весьма немаловажные обстоятельства, оказавшие влияние на изменение воззрений мыслителя.

Следует отметить, что этот исследователь, подобно большинству философов, обращавшихся к фигуре Леонтьева, подходит к его идейному наследию неисторично, фактически игнорируя эволюцию его взглядов и рассматривая их как бы в «застывшем», раз и навсегда сложившемся виде. Поэтому, анализируя статью мыслителя 60-х годов «Грамотность и народность», в которой говорится о том, что Россия должна усвоить европейские влияния, переработав их так, как пчела перерабатывает нектар в воск, Сивак приходит к заключению, что Леонтьев «вступает в некоторое противоречие с самим собой», проявляет «временную слабость духа»³. Данный вывод — прямое следствие неразличения исследователем хронологически разных пластов его социально-политических воззрений.

Н. А. Шестаков в своей статье отмечает, что Леонтьев был воспитан на идеях московских литературно-философских кружков, придерживался общего либерального направления и сотрудничал с либеральными газетами⁴. Затем, в 1862 г., он перешел на позиции романтического консерватизма, оценивавшего действительность с точки зрения эстетизма. Однако этот исследователь, как и остальные леонтьеведы, не показывает самого процесса отказа Леонтьева от либерально-демократических представлений.

В отношении Леонтьева к либерализму Шестаков видит лишь два этапа: до 1862 г. — этап либеральный, и после 1862 г. — этап консервативный, внутри которого он никаких ступеней не выделяет. Шестаков пишет, что на втором этапе, то есть после 1862 года, Леонтьев, став критиком либерализма, подкреплял эту критику религиозным обоснованием⁵. Однако в действительности к религиозному обоснованию своего антилиберализма последний обратился только после духовного переворота 1871 года.

Статья Н. А. Шестакова не раскрывает всей гаммы отношений Леонтьева к либерализму в 60-е — начале 70-х годов XIX века.

В отличие от Шестакова, Н. В. Дамье стремилась проанализировать связи К. Н. Леонтьева не с либерализмом, а со славянофильством.

¹ Сивак А. Ф. Константин Леонтьев. С. 6, 19.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 43.

⁴ Шестаков Н. А. Указ. соч. С. 57.

⁵ Там же. С. 58.

Она полагает, что либерально-преобразовательная деятельность царского правительства соединилась у К. Леонтьева с национальными иллюзиями. Мыслитель поверил в то, что мистический русский дух возродит его эмансипированный хранитель — мужик, после чего оказался в идейном русле славянофильства. Но первые же пореформенные годы, считает Дамье, не подкрепили прекраснодушных надежд Леонтьева и быстро его разочаровали¹. Идеализируя народ в юности², в начале 60-х он перестал верить в благонамеренность русского мужика, в его могучий охранно-государственный инстинкт, и понял, что ценен он только своим невежеством, которое делает его неспособным расшатать устои византийской государственности³. На наш взгляд, генезис данной идеи, также как и разочарование Леонтьева в русском народе, ему необходимо предшествовавшее, должны быть отнесены к началу следующего десятилетия, когда Леонтьев оставил дипломатическую службу, вернулся на родину и окунулся в жизнь уверенно капитализировавшейся России.

Свои иллюзии в отношении народа, продолжает Н. В. Дамье, Леонтьев изживал в антиэгалитарном эстетизме, который стал реакцией этого мыслителя на либерализм, на теорию «естественных прав» каждого человека⁴.

В либерализме, полагает исследовательница, Леонтьев разочаровался благодаря деятельности революционных демократов — Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, которая убедила его в том, что либерализм не возрождает а, скорее, подтачивает державу. В 1862 году, пишет она, Леонтьев испытал переоценку ценностей и пережил разрыв с этим идейным течением. По мнению Дамье, это был первый крутой поворот в его мировоззрении⁵.

Порвав с либерализмом в 1862-м⁶, навсегда и окончательно с данным идейным течением Леонтьев разошелся во время Польского восстания 1863 года, считает она⁷. Отвернувшись от либерализма, замечает исследовательница, Леонтьев во многом сохранил верность славянофильскому духу⁸. Славянофильские симпатии остались у Леонтьева глубоко в сознании, но либеральная сущность классического славянофильства — западное эгалитарное свободопоклонство — уже тогда стала его нестерпимо раздражать. Кроме того, славянофильство показалось ему учением не государственным и не эстетическим, постулировала Н. В. Дамье⁹.

¹ Дамье Н. В. К. Н. Леонтьев и классическое славянофильство. С. 33.

² Дамье Н. В. Философия истории К. Н. Леонтьева. С. 102.

³ Дамье Н. В. К. Н. Леонтьев ... С. 44.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 40.

⁷ Там же. С. 34.

⁸ Там же. С. 35.

⁹ Там же. С. 34.

Мы с этой точкой зрения согласиться не можем. Переоценивать славянофильство Леонтьев начал не в 1862–1863 гг., а лишь в конце этого десятилетия, и окончательно разочаровался в нем только по возвращении в Россию, после того, как осенью 1874 г., в Москве, потерпел фиаско в попытке найти общий язык с лидерами этого идейного течения — И. С. Аксаковым и князем В. А. Черкасским. Сам факт обращения мыслителя к вождям славянофильства и многомесячного общения с ними в попытке установить взаимопонимание свидетельствует о том, что в даже в данный период он еще возлагал на славянофильство некоторые надежды.

Г. М. Дробжева, основываясь на том, что Леонтьев в молодости серьезно увлекался френологией и физиогномикой, считает, что его взгляды были близки к биологическому направлению в социологии, к признанию биологической обусловленности социального поведения человека¹. По ее мнению, медицинские занятия способствовали формированию у Леонтьева двух «парадоксальным образом совмещенных чувств, оказавших немалое влияние на его дальнейшее творчество». В первом чувстве, «клинической любознательности», на взгляд Дробжевой, лежит начало знаменитого «патологического подхода» Леонтьева к оценке явлений действительности. Второе чувство — «естественно-эстетическое». Оно привело Леонтьева к эстетическому неприятию «городов и прогресса», а также сформировало подспудную неприязнь к науке, особенно «кабинетной»². На наш взгляд, эти замечания Г. М. Дробжевой вполне справедливы.

С. Н. Пушкин полагает, что обучение на медицинском факультете Московского университета в дальнейшем позволило Леонтьеву сформировать естественно-натуралистическое понимание общественной жизни, а книга Н. Я. Данилевского была прочитана им уже после того, как он «выработал свои основные идеи»³. Однако оценка Пушкина основывается только на словах Леонтьева и на мнении В. В. Зеньковского, базирующемся на них же. Чтобы доказать справедливость данной оценки, ее необходимо обосновать, развить и конкретизировать. С. Н. Пушкин этого не делает, и его выводы «повисают в воздухе».

Подобно большинству исследователей, он считает, что Леонтьев очень быстро разочаровался в реформах Александра II и что окончательный разрыв этого мыслителя с либеральными и демократическими движениями произошел в эпоху Польского восстания 1863–1864 гг. Тогда же, отмечает С. Н. Пушкин, Леонтьев проникся влиянием славянофильства. При этом, по мнению исследователя, с трудами ранних славянофилов мыслитель был

¹ Дробжева Г. М. Проблема социокультурного идеала в социально-философских воззрениях К. Н. Леонтьева. С. 27–28.

² Там же. С. 34–36, прим.

³ Пушкин С. Н. Очерки русской историософии. С. 59, 60; Он же. Об идейных истоках историософских взглядов К. Н. Леонтьева. С. 39.

знаком плохо и особого интереса к ним не испытывал¹. Мы же считаем, что данная точка зрения не вполне корректна и нуждается в пересмотре и уточнении.

Пишет С. Н. Пушкин и о воздействии на Леонтьева А. А. Григорьева, который якобы в первую же их встречу (которая произошла в начале 1863 г.) сделал ему «эстетическую прививку против мещанства»². Если Леонтьев и получил от кого-либо «эстетическую прививку против мещанства», то, скорее, не от Григорьева, а от Герцена, влияние которого на взгляды мыслителя Пушкин и сам признает значительным³, но опять-таки не конкретизирует.

Отмечает этот исследователь и то, что в критике западноевропейской цивилизации большую помощь Леонтьеву оказал английский либерал Дж. Ст. Милль⁴. Однако задачи установить время, когда началось его воздействие на воззрения русского мыслителя, объем и значимость влияния Милля на его общественно-политические воззрения в 60-е годы XIX века С. Н. Пушкин перед собой не ставил и не решал.

В. И. Косику принадлежит единственная в исторической науке монография, всецело посвященная К. Н. Леонтьеву. Косик придерживается традиционной для леонтьевоведения точки зрения, согласно которой на путь высвобождения из-под власти либеральных идей этот русский мыслитель вступил на рубеже 50-х — 60-х годов, отказу его от либерализма способствовал журнал «Современник» со своими обличительными статьями, а консерватором Леонтьев стал из соображений эстетических⁵.

Привлекая множество фактических данных из истории балканских народов и русско-балканских связей, В. И. Косик анализирует положения, содержащиеся в «Записке о необходимости литературного влияния во Фракии»⁶, составленной Леонтьевым в 1865 г. Эти положения касаются Балкан и восточной политики Российской империи. По мнению Косика, при составлении указанного документа Леонтьев вынашивал мысль о будущей славянской конфедерации⁷.

Ценно замечание исследователя о том, что во время пребывания в Европейской Турции Леонтьева радовало отсутствие в ее городах «пролетариата»⁸.

Касается он и написанной на Востоке статьи «Грамотность и народность», в которой Леонтьев «последовательно развивает и обосновывает

¹ Он же. Об идейных истоках... С. 38.

² Там же. С. 40.

³ Он же. Очерки... С. 72.

⁴ Он же. Об идейных истоках... С. 42–43.

⁵ Косик В. И. Константин Леонтьев: размышления... С. 17.

⁶ См. Там же. С. 37–62.

⁷ Там же. С. 48.

⁸ Там же. С. 80.

тезис о том, что можно быть великой державой без национального своеобразия, но без последнего нельзя называться великой нацией». В ней же, продолжает В. И. Косик, русский мыслитель «показывает, что своеобразию жизни, уклада, быта мы обязаны русскому простому народу, сохранившему его лучше, нежели высшие, образованные слои общества»¹.

По мнению К. М. Долгова, Леонтьев уже в Петербурге, в начале 60-х гг. XIX столетия, в числе прочих вынашивал мысли о византизме². С этим представлением мы не можем согласиться категорически: концепцию «византизма» Леонтьев начал обдумывать только после многолетнего пребывания в Турции, глубоко ознакомившись с ее жизнью, культурой и общественно-политическими порядками.

Далее К. М. Долгов пишет, что еще в указанный период, т. е. тогда, когда Леонтьев только переходил на консервативные позиции, его идеи встретили в петербургском обществе сопротивление и неприятие, и оно стало смотреть на их носителя как на «опасного правого реакционера, осмелившегося выступить против исторического прогресса, демократии и свободы»³. Данный тезис вызывает недоумение. Фактов в его подтверждение Долгов не приводит. Между тем, известно, что даже в 1863–1867 годах, т. е. тогда, когда Леонтьев уже окончательно склонился к консерватизму, он продолжал сотрудничать с авторитетнейшими органами либеральной печати. Так, в №№ 62, 63, 67 газеты «Голос» за 1863 г. публиковалась его статья «Наше общество и наша изящная литература», в книгах V–VII журнала «Отечественные записки» за 1864 г. — роман «В своем краю», в том VII того же журнала за 1867 г. — повесть «Ай-Бурун» («Исповедь мужа»). Если бы Леонтьев еще в начале 60-х имел репутацию «опасного правого реакционера», то данные издания вряд ли поместили бы его сочинения на своих страницах. Сам Долгов, фактически опровергая собственные утверждения, пишет, что по-настоящему консервативные представления Леонтьева складывались на Востоке (т. е. после 1863 г.), и там же он обдумывал концепцию «византизма и славянства»⁴.

По мнению исследователя, даже в начале 60-х Леонтьев не ратовал за освобождение крестьян, поскольку «считал это величайшим заблуждением, которое принесет России большой вред»⁵. Данный тезис прямо противоречит тем сведениям о К. Леонтьеве, которыми мы располагаем, в том числе его собственным печатным высказываниям, сделанным на рубеже 60-х — 70-х гг. XIX века, также как в целом противоречит

¹ Там же. С. 74–75.

² Долгов К. М. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М., 1997. С. 29.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же. С. 33, 183.

⁵ Там же. С. 63.

им другой тезис исследователя — будто бы Леонтьев «с молодости не любил прогрессивно-демократические настроения, идеи и движения...»¹. В последнем случае К. М. Долгов не вполне адекватно интерпретировал одно из автобиографических свидетельств мыслителя².

Весьма спорно также утверждение исследователя, что идею необходимости и благотворности социального неравенства Леонтьев вынашивал и защищал всю свою жизнь³: сознательно эта идея защищалась им только с начала 60-х.

К. М. Долгову в соавторстве с А. В. Торкуновым принадлежит еще одна работа — «Генезис дипломата», касающаяся некоторых сторон общественно-политических взглядов К. Н. Леонтьева в 50-е — 60-е годы XIX столетия. По их мнению, горячим патриотом России и убежденным монархистом этого русского мыслителя сделал опыт Крымской войны⁴. Согласиться с данным тезисом трудно: патриотом Леонтьев стал благодаря семейной традиции, урокам, преподанным ему матерью, а предположение, что Крымская война привела Леонтьева в стан монархистов, требует серьезного обоснования и доказательств, которых указанные исследователи не предоставляют.

Пишут они о и том, что Леонтьев резко негативно относился к «православным на Востоке»⁵. Это утверждение не вполне соответствует реальному положению вещей. К тому же Долгов и Торкунов отчасти противоречат сами себе, поскольку далее пишут, что Леонтьев «очень сочувственно относился к болгарам, стремился помогать им»⁶. На самом деле негативные эмоции последний испытывал только к высшим слоям местного христианского общества, так называемым «приматам», которых, как отмечали сами исследователи, он «презирал за их мелочность, торгашество, бездуховность, продажность, подражание Западу»⁷, но по долгу своей консульской службы старался как можно лучше представлять и защищать их интересы перед лицом турецких властей. Что же касается балканского простонародья, то русский мыслитель питал к нему огромную и искреннюю симпатию, нашедшую воплощение в его художественных произведениях, посвященных Востоку.

Не вызывает возражений заключительный вывод авторов статьи «Генезис дипломата»: «дипломатическая деятельность Константина

¹ Там же. С. 141.

² См. Леонтьев К. Н. Анализ, стиль и веяние // Вопросы литературы. 1988. № 12. С. 204.

³ Долгов К. М. Восхождение на Афон. ... С. 374.

⁴ Долгов К. М., Торкунов А. В. Генезис дипломата // Леонтьев К. Н. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты. С. 18.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Там же. С. 19.

Леонтьева ... способствовала выработке наиболее важных понятий, категорий, отношений, которые составят мощный интеллектуальный пласт дальнейшего художественного, социально-политического, религиозного, нравственно-эстетического творчества выдающегося русского мыслителя»¹.

И. А. Немцев в своей диссертации справедливо отмечает, что Леонтьев некоторое время находился под непосредственным влиянием славянофильства, но выдвигает крайне спорное положение, согласно которому из-под влияния либеральной идеологии Леонтьев освободился благодаря неославянофилу Н. Я. Данилевскому. Он утверждает, что воздействие последнего изменило взгляды Леонтьева коренным образом, превратив его из либерала в убежденного консерватора².

Согласиться с точкой зрения Немцева мы не можем: ко времени знакомства с трудами Данилевского (1869–1870 гг.) Леонтьев уже давно стоял на консервативных позициях. Чтобы превратиться в крайнего, «идейного» консерватора, каким он стал в следующем десятилетии, ему оставалось избавиться от последних рудиментов либерально-демократических представлений — «родимых пятен» европейского эгалитаризма, однако роль, которую в данном процессе играло влияние Данилевского, представляется достаточно спорной — тем более, что последний сам от этих «родимых пятен» свободен никогда не был.

По мнению Немцева, главное, что Леонтьев воспринял от Данилевского и, опосредованно, от ранних славянофилов — это присущее им органическое представление о государстве и обществе, то есть органицизм. Свое учение об обществе как об организме Леонтьев выработал на основе доктрины Н. Я. Данилевского, считает он³. Данная точка зрения также дискуссионна. Влияние теорий Данилевского на учение К. Н. Леонтьева об обществе как об организме несомненно, но с органицизмом как таковым его познакомили не ранние славянофилы и даже не Данилевский: еще на студенческой скамье, в 50-е годы, Леонтьев штудировал оригиналы трудов одного из родоначальников «органической теории» К. Г. Каруса, был знаком с работами Т. Н. Грановского, сторонника «возрастной» концепции исторического процесса, подхваченной и развитой Н. Я. Данилевским в трактате «Россия и Европа».

Весьма спорно и утверждение Немцева, что славянофилы являлись учителями Леонтьева, хотя и не единственными, в сфере религии⁴: религиозно-философская часть славянофильской доктрины была ему совершенно чужда.

¹ Долгов К. М., Торкунов А. В. Генезис дипломата. С. 60.

² Немцев И. А. Славянофильство в истории российского консерватизма XVIII – начала XX веков. С. 161–162.

³ Там же. С. 162.

⁴ Там же. С. 168.

Едва ли соответствует истине и тезис исследователя о том, будто бы именно от славянофилов Леонтьев воспринял критическое отношение к современному Западу¹: по всей вероятности, последний обратился к славянофильству только после того, как сам разочаровался в нем.

Теперь рассмотрим работы А. Г. Мячина, Ю. В. Андропова и А. А. Ширинянца. Они утверждают, что Леонтьев, учась на медицинском факультете Московского университета, охладевал к вере «под сильным влиянием окружающей его студенческой среды»². Эта точка зрения не вполне соответствует фактам, излагаемым Леонтьевым в его мемуарах и принимаемым леонтьевоведами.

1861 год исследователи называют годом «духовного разочарования Леонтьева», подчеркивая, что его надежды на особое послереформационное развитие страны были обмануты. Это положение они обосновывают тезисом о стремительной потере Россией своих отличий от буржуазного Запада уже в начале 60-х³.

Ни данный тезис, ни точка зрения, согласно которой леонтьевские надежды на самобытное развитие страны рухнули уже в 1861 г., приняты быть не могут. Вслед за отечественными учеными З. В. Смирновой и Н. И. Цимбаевым мы полагаем, что характер процессов, происходивших в пореформенной России, окончательно прояснился лишь к середине 70-х годов XIX века. Только тогда стало по-настоящему ясно, что страна движется по западному, буржуазно-капиталистическому пути. К этому же периоду относится и окончательное разочарование Леонтьева в преобразованиях Александра II, крушение его надежд на самобытное развитие России посредством либерально-эмансипационных реформ.

Однако Мячин, Андронов и Ширинянец абсолютно правы, постулируя, что в начале 60-х именно рост нестабильности в обществе и эстетическая неудовлетворенность предлагаемым демократическим общественным идеалом изменили идейно-политическую позицию Леонтьева⁴. Следует лишь отметить, что пришедший на этот период отход мыслителя от либерализма был не столь последовательным и, во всяком случае, не столь радикальным, как утверждают данные исследователи и как представлялось самому К. Леонтьеву.

Нельзя не признать, что общественно-политические взгляды К. Н. Леонтьева 50-х – начала 70-х гг. XIX столетия историографией, имеющейся

¹ Там же. С. 173.

² Мячин А. Г. Социально-политические взгляды К. Н. Леонтьева. С. 13; Андронов Ю. В., Мячин А. Г., Ширинянец А. А. Указ соч. С. 6.

³ См. Мячин А. Г. Социально-политические взгляды... С. 15; Андронов Ю. В., Мячин А. Г., Ширинянец А. А. Указ. соч. С. 8.

⁴ Мячин А. Г. Социально-политические взгляды... С. 15; Андронов Ю. В., Мячин А. Г., Ширинянец А. А. Указ. соч. С. 8.

к настоящему времени, отражены слабо. Ее представители либо весьма поверхностно и обзорно освещают данные воззрения в целом, либо, в лучшем случае, рассматривают лишь отдельные их аспекты. Сколько-нибудь подробной и цельной картины общественно-политических представлений мыслителя указанного периода существующая историография не дает. Она только намечает пути и направления их исследования, а также постановку научных задач, связанных со взглядами Леонтьева 50-х — начала 70-х гг. Лучше всего в историографии, имеющейся на сегодняшний день, освещена проблема перехода мыслителя на консервативные позиции в начале десятилетия «Великих реформ», однако даже она изучена отнюдь не достаточно. Многие представления о социально-исторических факторах, оказавших воздействие на идейную эволюцию Леонтьева в указанный период, о влиянии на его воззрения А. И. Герцена, Дж. Ст. Милля, славянофилов и почвенников, о степени разрыва мыслителя с либерально-демократическими тенденциями, о его отношении к преобразованиям, проводимым царским правительством, к крепостному праву, русскому народу и доктрине славянофилов, также как и взгляды на сам процесс изменения общественно-политических позиций мыслителя и их характер в 60-е годы XIX в. нуждаются в корректировке, уточнении, развитии и конкретизации.

Всё это и является целью настоящей работы. Она представляет собой первое в историографии и, в целом, первое специальное научное исследование, посвященное общественно-политическим воззрениям К. Н. Леонтьева 50-х — начала 70-х годов XIX столетия.

В монографии рассматривается период идейной эволюции мыслителя с начала 50-х годов XIX века, когда в сознании Леонтьева происходил первый «умственный перелом» и он обратился к либерализму, по середине 70-х годов, время превращения его в крайнего, «принципиального» консерватора, классика консервативной идеи.

Источниковая база исследования представлена архивными и опубликованными источниками. Первые включают в себя письма К. Н. Леонтьева к редактору и издателю А. А. Краевскому, философу и публицисту Н. Н. Страхову, Т. И. Филиппову и оптинскому старцу Амвросию¹.

¹ *Леонтьев К. Н.* Письма к А. А. Краевскому / (ОР РНБ. Ф. 391. Краевский А. А. № 482); *Леонтьев К. Н.* Письма к Н. Н. Страхову / (ОР РНБ. Ф. 747. Страхов Н. Н. № 17); *Леонтьев К. Н.* Письма к Т. И. Филиппову / (РГАЛИ. Ф. С. Н. Дурьлина. Машинописная копия); *Леонтьев К. Н.* Моя исповедь / (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 7–9). Далее, чтобы не дублировать списка источников (см.) и не увеличивать без необходимости объем работы, в сносках приводятся данные только по тем источникам, которые входят в опубликованные сборники трудов К. Леонтьева и специально в соответствующем списке не указаны.

Письма Леонтьева А. А. Краевскому относятся к 1853–1856 гг. и посвящены его литературным делам, однако из их содержания можно сделать некоторые выводы об отношении Леонтьева в этот период к религии. Как исторический источник письма Леонтьева к А. А. Краевскому в научный оборот вводятся впервые. То же самое следует сказать и об использованных нами при работе над монографией письмах Леонтьева к Н. Н. Страхову от 26. 10. 1869 г. и от 19. 11. 1870 г. Из них можно узнать о том, кого Леонтьев считал своими единомышленниками, как оценивал состояние дел в России и значение для нее разгрома Франции во франко-прусской войне, во что он верил на рубеже 60-х — 70-х годов XIX в.

Письма к Т. И. Филиппову от 16.12.1887 г. и от 29.4.1888 г., к которым мы обращались, содержат сведения о том, когда Леонтьев перестал проявлять активный интерес к естественным наукам и когда закончилось изменение его позиций по греко-болгарскому вопросу. Эти источники, как и предыдущие, в научный оборот вводятся впервые.

Письмо духовному наставнику мыслителя, оптинскому старцу Амвросию, датируется декабрем 1878 г. и озаглавлено «Моя исповедь». Незначительный по отношению к общему объему данного документа отрывок из него опубликован Г. Б. Кремневым. Это письмо проливает свет на представления Леонтьева о греко-болгарской распри в начале 70-х годов.

Опубликованные источники делятся на несколько групп. Первую из них составляют произведения самого К. Леонтьева. Для нашего исследования данная группа источников является наиболее важной. Ее следует разделить на две подгруппы. 1. Произведения К. Леонтьева 50-х — начала 70-х годов XIX века. 2. Произведения К. Леонтьева, созданные после 1873–1874 гг., т. е. после превращения его в «идейного консерватора». Работы первой подгруппы наиболее репрезентативны, в них общественно-политические взгляды К. Леонтьева изучаемого периода выражены непосредственно. Произведения более позднего времени в силу большей хронологической отдаленности момента их создания от рассматриваемой эпохи имеют относительно меньшую ценность, однако исследование воззрений мыслителя 50-х — начала 70-х годов XIX в. без учета сведений, которые в них содержатся, было бы чрезвычайно неполным.

В первую подгруппу источников входят работы четырех видов: а) публицистические: статьи, корреспонденции и заметки; б) дипломатические документы, составленные К. Н. Леонтьевым; в) художественные произведения; г) письма.

Самая ранняя из заметок Леонтьева — «Несколько слов о трех евангельских характерах» — дает материал о его отношении к религии в начале 50-х годов. Для анализа общественно-политических воззрений К. Леонтьева рассматриваемого периода этот источник, обнаруженный и опубликованный лишь недавно, используется впервые.

Литературно-критические статьи «Письмо провинциала к г. Тургеневу», «По поводу рассказов Марка-Вовчка»¹ содержат данные о взглядах Леонтьева на освобождение крестьян, на женский вопрос, характеризуют представления Леонтьева о прогрессе накануне его перехода в консервативный лагерь.

Статья «Наше общество и наша изящная литература» говорит об отношении Леонтьева к либерально-демократической интеллигенции Петербурга во время этого перехода, позволяет судить об оформлявшихся у него консервативных и персоналистских идеях, о его отношении к крестьянской реформе. Эта статья никогда не переиздавалась и для изучения общественно-политических воззрений К. Леонтьева еще не использовалась.

Последнее относится и к его корреспонденциям в газете «Одесский вестник», публиковавшимся с сентября 1867 г. по февраль 1868 г. включительно. Данный источник чрезвычайно важен, поскольку дает материал для характеристики широкого спектра общественно-политических взглядов К. Леонтьева 60-х годов. Он раскрывает представления мыслителя о национальном своеобразии, Восточном вопросе, о Западе и России. Кроме того, в этих корреспонденциях содержатся первые наброски леонтьевской «гипотезы триединого процесса». Они же позволяют судить об идейном влиянии на мыслителя Дж. Ст. Милля и, отчасти, А. И. Герцена.

Статья «Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве»² — тоже очень ценный источник, к которому для реконструкции общественно-политических представлений К. Леонтьева 50-х — 60-х годов исследователи практически не обращались. «Несколько воспоминаний...» характеризуют его воззрения студенческих лет и периода второго «умственного перелома» — времен превращения мыслителя в консерватора, а также взгляды Леонтьева на Россию и Европу конца 60-х годов. В этой работе мыслитель впервые выразил опасение в отсутствии у России особого, отличного от западного пути общественного развития.

Статья «Грамотность и народность»³ известна достаточно широко, но специально для анализа общественно-политических воззрений Леонтьева 60-х годов она не использовалась. Между тем, эта статья, одна из немногих публицистических работ мыслителя указанного периода, содержит богатейший материал по данной тематике. На ее страницах Леонтьев

¹ *Леонтьев К. Н.* Письмо провинциала к г. Тургеневу // Он же. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М., 1912. С. 1–14; Он же. По поводу рассказов Марка-Вовчка // Он же. Собр. соч.... Т. 8. С. 15–63.

² Он же. Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве // Аполлон Григорьев. Воспоминания. Воспоминания Аполлона Григорьева и воспоминания о нем. М.; Л., 1930. С. 528–556.

³ *Леонтьев К. Н.* Грамотность и народность // Он же. Записки отшельника. М., 1992. С. 351–399.

высказывает свои суждения о России, русском народе, об их истории, о зарубежных славянах. Взгляды мыслителя в рассматриваемой работе изложены гораздо более полно, развернуто и концептуально, нежели в корреспонденциях «Одесского вестника». Есть в этой статье и очень важное примечание 1885 г. о разочаровании Леонтьева в отечественных «свободах» по возвращении на родину в 1874 году.

Фундаментальный труд «Византизм и Славянство»¹ и статья «Панславизм и греки»² позволяют судить об отношении мыслителя к греко-болгарской распре и его взглядах на Восточный вопрос в тот период, когда он превращался в «идейного консерватора».

Немалое значение для нашей темы имеют и дипломатические документы, составленные Леонтьевым, особенно его «Записка о необходимости литературного влияния во Фракии» от 20.10.1865 г. Для характеристики некоторых сторон общественно-политических взглядов мыслителя к ней обращался только В. И. Косик. В «Записке...» есть замечания, касающиеся воззрений Леонтьева в 50-е гг. XIX в., но основное внимание уделяется Восточному вопросу и балканской политике России 60-х годов. В других дипломатических документах мыслителя³ наиболее важны сведения

¹ Работа над этим «рубежным», «пограничным» трудом велась Леонтьевым в 1872–1873 и (правка, в т. ч. беловая) в 1874 гг., поэтому хронологически он может быть отнесен к «раннему» периоду творчества мыслителя, рассматриваемому в нашей работе, однако по характеру идей, которые в нем содержатся, данное эссе скорее принадлежит позднему, классическому этапу его творчества. Так считает большинство леонтьевоведов, и мы присоединяемся к их точке зрения.

² *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство // Он же. Записки отшельника. С. 19–90; Он же. Панславизм и греки // Он же. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) [Далее — Восток...]. М., 1996. С. 38–55.

³ Донесение Н. П. Игнатьеву № 85 от 8. 4. 1867 г. // Он же. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты. С. 132–133; Копия с донесения Коллежского Ассессора Леонтьева в Императорское посольство в Константинополь от 9 ноября 1867 года за № 290 // Там же. С. 161–162; Донесение Коллежского Ассессора Леонтьева № 29 и 35 от 12 февраля 1868 г. // Там же. С. 193–194; Копия с доверительного донесения Надворного Советника Леонтьева в Императорское посольство в Константинополе от 6 июля 1868 года за № 190 // Там же. С. 218–227; Копия с секретного донесения Надворного Советника Леонтьева в Императорское посольство в Константинополе от 3 августа 1868 года за № 232 // Там же. С. 236; Копия с донесения Надворного Советника Леонтьева от 30 июня 1870 г. за № 96 Господину Российско-Императорскому Послу в Константинополе // Там же. С. 283–289; Донесение Надворного Советника Леонтьева № 179 от 27 ноября 1870 года // Там же. С. 323–324; [Петру Николаевичу Стремоухову от 15 января 1871 г.] // Там же. С. 328–331; Г. Послу в Константинополе. [Донесение № 44 от 10/22 февраля 1871 г.] // Там же. С. 361–364; [Петру Николаевичу Стремоухову от] 14 ноября 1871 г. // Там же. С. 427–428.

об отношении его к восточным единоверцам, к русскому самодержавию и поземельной общине. Имеются в них и обличительные пассажи, направленные против турецких властей.

Из художественных произведений Леонтьева 50-х — 60-х годов самым ценным источником для нашей работы является роман «В своем краю»¹, создававшийся на протяжении 1858–1863 годов. В нем нашла выражение целая гамма общественно-политических и социально-философских воззрений мыслителя периода его перехода к консерватизму. Этот роман часто упоминается и весьма охотно цитируется лентьевоведами, однако подходят к нему неисторически. Никто из исследователей фактически не принимает во внимание того, что данный труд содержит представления К. Н. Леонтьева вполне конкретной эпохи, т. е. начала 60-х годов.

В отличие от романа «В своем краю», к очерку Леонтьева «Лето на хуторе» и повестям «Сутки в ауле Биюк-Дортэ», «Хризо», «Исповедь мужа»² («Ай-бурун») для выявления и анализа его общественно-политических воззрений исследователи не обращались. Леонтьевоведы интересовали главным образом литературные и философско-эстетические аспекты повести «Исповедь мужа»³. В очерке «Лето на хуторе», написанном в 50-е годы XIX столетия, мыслитель высказывается о своем отношении к науке, а «Сутки в ауле Биюк-Дортэ» — его единственное произведение данного времени (включая эпистолярные), которое проникнуто рельефно выраженными общественно-политическими тенденциями. Эта повесть имеет «обличительную» направленность. Повести 60-х годов «Хризо» и «Исповедь мужа» по большей части отражают взгляды Леонтьева, связанные с Восточным вопросом. Последнее из этих произведений позволяет составить представление о геополитических проектах мыслителя времен его дипломатической службы.

Опубликованные эпистолярные источники, использованные нами — письма Леонтьева 60-х — начала 70-х годов, адресованные Н. Н. Страхову и русскому дипломату Ф. Р. Остен-Сакену.

Письма к Страхову ценны выраженными в них воззрениями Леонтьева периода его перехода к консерватизму. В посланиях к Остен-Сакену мыслитель изложил план постепенного освобождения Балканского полуострова от власти османов.

Произведения позднего периода творчества мыслителя (созданные после 1873–1874 гг. XIX в.) целесообразно разделить на три категории. Это мемуары К. Леонтьева как таковые, публицистические работы, в ко-

¹ Леонтьев К. Н. В своем краю // Он же. Собр. соч... Т. 1. М., 1912. С. 263–593.

² Он же. Исповедь мужа // Он же. Египетский голубь. Романы, повести, воспоминания. М., 1991. С. 247–307.

³ См.: Репников А. В. «Эстетический аморализм» в произведениях К. Н. Леонтьева. С. 15–21.

торые он включил фрагменты воспоминаний, оценки и характеристики своих общественно-политических воззрений в рассматриваемую нами эпоху, и художественные произведения и письма, в которых он обращался к 50-м — началу 70-х годов.

Мемуары «Рассказ моей матери об императрице Марии Феодоровне», «Тургенев в Москве», «Мои дела с Тургеневым», «Сдача Керчи в 55 году (воспоминания военного врача)»¹, «Из студенческих воспоминаний» мыслитель посвятил 50-м годам. Все эти источники хорошо известны, леонтьевоведы обращались к ним неоднократно. Однако, говоря о Леонтьеве 50-х, данные работы нельзя игнорировать, так как без них составить представление о его общественно-политических взглядах этого периода невозможно. Кроме того, сведения, которые в них содержатся, могут (и должны) рассматриваться не только под теми углами зрения, под которыми они рассматривались в уже имеющейся литературе.

В отрывке под названием «Из воспоминаний К. Н. Леонтьева» говорится об эпохе 50-х — начала 60-х годов. Данные этого источника существенно дополняют и расширяют наши представления о его тогдашних общественно-политических взглядах.

Работы «Мои воспоминания о Фракии», «Консульские рассказы», «Польская эмиграция на Нижнем Дунае»² — свидетельства о временах дипломатической службы К. Н. Леонтьева. Они имеют вспомогательное значение, тогда как мемуар «Знакомство с Лессепсом» содержит важные сведения об отношении мыслителя в 60-е годы к западному прогрессу.

«Майносские староверы», «Воспоминания об архимандрите Макарии, игумене Русского монастыря св. Пантелеймона на Горе Афонской»³, «Моя литературная судьба» посвящены началу 70-х. Наиболее важна для изучаемой темы творческая автобиография Леонтьева — «Моя литературная судьба», проливающая свет на многие аспекты общественно-политических воззрений мыслителя рубежа 60-х — 70-х и созданная в 1875 г., т. е. вскоре после тех событий, которые в ней описываются, что весьма значительно повышает ее информационную ценность. Автобиография Леонтьева переиздавалась неоднократно, тогда как «Майносские староверы» — мемуар, публиковавшийся лишь единожды при его жизни и леонтьевоведами до сих пор не изучавшийся.

¹ Леонтьев К. Н. Мои дела с Тургеневым и т. д. // Он же. Собр. соч... Т. 9. СПб., 1913. С. 69–153; Он же. Сдача Керчи в 55 году (воспоминания военного врача) // Там же. С. 187–239.

² Он же. Консульские рассказы // Там же. С. 367–386; Он же. Польская эмиграция на Нижнем Дунае // Там же. С. 335–365.

³ Он же. Воспоминание об архимандрите Макарии, игумене Русского монастыря св. Пантелеймона на Горе Афонской // Восток... С. 572–586.

Важное значение в контексте реконструкции и анализа общественно-политических взглядов К. Леонтьева 60-х годов имеет статья «Письма отшельника»¹, в которой отражена эволюция отношения мыслителя к славянофильству, к зарубежным славянам и к османскому игу во время пребывания его на Востоке.

В «Записках отшельника» говорится о том, как Леонтьев воспринял итоги франко-прусской войны и когда у него впервые появилась мысль перенести «центр тяжести» религиозно-культурной жизни России на берега Босфора, а в «Дополнении к двум статьям о панславизме»² даются сведения об изменении позиций Леонтьева по греко-болгарскому вопросу и о разочаровании его в зарубежных славянах.

Еще более важны следующие работы мыслителя: «Кто правее? Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву», «Два графа», «Плоды национальных движений на православном Востоке», и фрагмент чернового автографа статьи «Национальная политика как орудие всемирной революции»³, подготовленный к печати и впервые опубликованный Г. Б. Кремневым. В этих трудах содержатся ценнейшие сведения, необходимые для анализа и характеристики целого спектра общественно-политических воззрений Леонтьева 50-х — начала 70-х годов.

Ряд статей — «Анализ, стиль и веяние», «О либерализме вообще», «Добрые вести» и др.⁴, несут фрагментарную информацию о некоторых сторонах общественно-политических представлений мыслителя рассматриваемого периода. Однако для выявления взглядов Леонтьева 50-х — начала 70-х годов данные, которые в них содержатся, чрезвычайно важны.

Остается сказать о художественных произведениях и письмах Леонтьева второй трети 70-х — начала 90-х годов, имеющих отношение к теме нашей работы. В романе «Египетский голубь»⁵ автор раскрывает причины

¹ *Леонтьев К. Н.* Письма отшельника // Там же. С. 166–175.

² Он же. Записки отшельника // Там же. С. 432–458; Он же. Дополнение к двум статьям о панславизме // Там же. С. 81–82.

³ Он же. Кто правее? Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву // Там же. С. 625–678; Он же. Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой // Там же. С. 458–466; Он же. Плоды национальных движений на православном Востоке // Там же. С. 534–566; Он же. Национальная политика как орудие всемирной революции. Приложение I // Там же. С. 733–737.

⁴ Он же. О либерализме вообще // Там же. С. 218–222; Он же. Добрые вести // Там же. С. 587–600; Он же. Не к стати и к стати // Там же. С. 567–572; Он же. Национальная политика как орудие всемирной революции // Там же. С. 512–534; Он же. Неотчуждаемость дворянского участка и борьба с крамолой // Там же. С. 257–260; Он же. Сквозь нашу призму // Там же. С. 298–311; Он же. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Там же. С. 400–431; Он же. Владимир Соловьев против Данилевского // Там же. С. 466–511; Он же. Культурный идеал и племенная политика // Там же. С. 600–625.

⁵ Он же. Египетский голубь // Он же. Египетский голубь. С. 308–493.

своего отъезда из России и говорит о своем отношении к дипломатической службе. Письма Леонтьева к философу В. В. Розанову от 24. 5. 1891 г., от 30. 7. 1891 г. и от 13–14. 08. 1891 г. содержат сведения о влиянии на Леонтьева естественных наук, о его отношении к Западу в 60-е годы, о влиянии религиозного обращения (произошедшего в 1871 г.) на его общественно-политические взгляды. Сведения о последнем имеются также в письме Леонтьева к своему ученику А. А. Александрову от 15.1.1888 г.

Следующая группа источников — воспоминания о К. Леонтьеве и работы о нем его учеников и друзей. Статьи А. А. Александрова «Константин Николаевич Леонтьев» и от. И. Фуделя «К. Леонтьев и В. Соловьев в их взаимных отношениях» являются одновременно и частью леонтьевской историографии. Александров, приводя слова самого Леонтьева, пишет о его общественно-политических взглядах 50-х — начала 60-х гг. И. Фудель, ссылаясь на не опубликованные и не дошедшие до нашего времени письма к нему К. Леонтьева, даёт немаловажные сведения об общей эволюции мировоззрения последнего в 50-е — 60-е годы. Е. Поселянин говорит об отношении Леонтьева к православию в первой половине 50-х, а один из лучших друзей мыслителя, крупный дипломат царской России К. А. Губастов — о его душевном кризисе перед обращением в глубинное, «личное» православие и о расхождении Леонтьева с русским послом в Константинополе Н. П. Игнатьевым по вопросу греко-болгарской распри.

Совершенно особо следует отметить письмо историка русской литературы М. Н. Лонгинова к писателю И. И. Панаеву от 2. 6. 1857 г., в котором говорится о критике Леонтьева славянофилами в этот период. До настоящего времени данное письмо для характеристики воззрений мыслителя в исследовательской литературе не использовалось.

И, наконец, последняя группа источников — хорошо известные произведения общественно-политических деятелей и представителей общественно-политической мысли XIX–XX столетий: славянофилов А. И. Кошелёва, А. С. Хомякова, И. С. Аксакова, И. В. Киреевского, почвенников Ф. М. Достоевского и А. А. Григорьева, а также Н. Я. Данилевского, В. Ф. Одоевского, А. И. Герцена, Дж. Ст. Милля, Н. П. Игнатьева, Н. С. Трубецкого, историка Д. А. Корсакова, русского дипломата Ю. С. Карцова. К ним мы обращались для сравнительного анализа различных сторон общественно-политических взглядов К. Леонтьева 50-х — начала 70-х годов XIX века.

Автор настоящей работы выражает искреннюю признательность д. и. н., профессору Л. М. Искре — за строгое научное руководство, леонтьевоведу Г. Б. Кремневу и к. и. н. А. Ю. Минакову — за чрезвычайно ценные консультации и предоставленные материалы, к. филос. н. М. Ю. Чернавскому — за предоставленные материалы.

ГЛАВА I

Общественно-политические взгляды К. Н. Леонтьева в 50-е — начале 60-х годов XIX века

Константин Николаевич Леонтьев родился (по старому стилю) 13 января 1831 г. в сельце Кудинове Калужской губернии, в имении своего отца, отставного гвардии прапорщика Николая Борисовича Леонтьева¹. Это было классическое «дворянское гнездо» эпохи позднего крепостничества. Детские годы будущего мыслителя-публициста прошли там же, в социальных условиях, сходных с теми, в которых воспитывалось множество других представителей наиболее привилегированного сословия России времен Николая I.

Семья, в которой он рос, была матриархальной, основную роль в ней играла мать К. Леонтьева, Феодосия Петровна, урожденная Карабанова, принадлежавшая к старинному русскому аристократическому роду, известному и богатому, женщина умная, волевая и хорошо образованная. Она была выпускницей Смольного института, любимицей вдовствующей императрицы Марии Федоровны², матери царей Александра и Николая Павловичей. Феодосия Петровна оказала огромное влияние на формирование личности будущего мыслителя, на его характер и умственный склад, привив ему важнейшие

¹ Биография К. Н. Леонтьева известна хорошо, различных ее сторон касалось большинство исследователей творчества этого мыслителя. Самые подробные и обстоятельные описания его жизненного пути принадлежат А. М. Коноплянцеву (Коноплянцев А. М. Жизнь К. Н. Леонтьева в связи с развитием его мирозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. СПб., 1911.) и Ю. П. Иваску (Иваск Ю. П. Константин Леонтьев (1831–1861). Жизнь и творчество // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2. СПб., 1995.). Нами опубликован посвященный Леонтьеву биографический очерк (Хатунцев С. В. Русский ум (Жизнь Константина Леонтьева) // Подъем. 2001. № 11.). Чтобы не повторять факты, непосредственно с темой нашего исследования не связанные, мы, в своей работе, осветили биографию мыслителя лишь в той мере, в какой это требовалось для выполнения стоявших перед нами задач.

² См. Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 235, 238.

элементы своего собственного мирозерцания: эстетизм — привязанность к изящным предметам, стремление и вкус к красоте, тонкое ее понимание, монархизм, важнейшей составной частью которого была пламенная любовь к династии Романовых и преданность ей, горячий русский патриотизм¹.

Отличала ее и христианская религиозность, хотя и не вполне ортодоксально-православная, а с каким-то протестантским оттенком². Однако преобладала в семейном окружении Леонтьева атмосфера именно бытового, русского православия. Одной из ее носительниц была тетушка со стороны отца, Екатерина Борисовна Леонтьева, которая довольно заметно повлияла на К. Н. Леонтьева в этот период³. К различным атрибутам православной веры он тянулся с детства⁴.

Вышеперечисленные идейные компоненты, как об этом можно судить по более поздним высказываниям К. Леонтьева, и определяли его мировосприятие до вступления во взрослую жизнь⁵. Так, уже «с ранних лет» он из эстетических соображений «всем сердцем» возненавидел европейскую одежду, которая казалась ему «возмутительно неживописной» и пошлой. Не нравилась Леонтьеву и ее «всеобщность»⁶.

1.1. Мировоззрение и общественно-политические взгляды К. Н. Леонтьева в 50-е годы XIX века

В ноябре 1849 г. Леонтьев начал учебу на медицинском факультете Московского университета. Этот факультет был избран главным образом по настоянию его матери, на что обратил внимание исследователь

¹ См.: Аггеев К. М. Христианство и его отношение к благоустройению земной жизни: Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства). Киев, 1909. С. 30–32; Коноплянцев А. М. Указ. соч. С. 8–10; Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 235, 239; Дурьлин С. Н. Примечания // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22–24; С. 492; Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 246; Корольков А. А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991. С. 7; Долгов К. М. Восхождение на Афон: Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М., 1997. С. 13; Чернавский М. Ю. Религиозно-философские основы консерватизма К. Н. Леонтьева: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. С. 22.

² Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 254, 255.

³ Коноплянцев А. М. Указ. соч. С. 8.

⁴ См.: Там же. С. 9; Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 255–258.

⁵ Леонтьев К. Н. Рассказ моей матери об императрице Марии Федоровне // Русский вестник. 1891. Т. 213. № 4. С. 86.

⁶ Он же. Владимир Соловьев против Данилевского // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. [Далее — Восток...] С. 495.

творчества К.Н. Леонтьева А.А. Корольков¹, а также потому, что в мае этого года контингент студентов в каждом университете на всех факультетах вместе (кроме медицинского и богословского), был ограничен тремястами человек², и получить гуманитарное образование неюридического характера, к которому Леонтьев тяготел по своим наклонностям, стало намного сложнее³. Кроме того, вероятно, сыграло роль и то, что с отрочества он испытывал страсть к зоологии⁴, которую, не питая склонности к математике и к физике⁵ и не собираясь учиться на физико-математическом факультете, подобно Н.Я. Данилевскому, мог в то время изучать только на факультете медицинском.

С началом учебы в университете его мировоззрение стало меняться. Первые два года пребывания в Москве Леонтьев переживал «горький,... жестокий процесс... умственного перелома»; мысль его серьезно перерождалась⁶. Началась вторая, либеральная, стадия его идейного становления.

Либерализм, еще в 30-х – 40-х гг. XIX в. оформившийся концептуально во взглядах таких выдающихся западников, как П.В. Анненков, В.П. Боткин, Т.Н. Грановский⁷, в это время превращался в господствующую идеологию наиболее «передовых», воспитанных на новейших европейских идеях, вкусах и модах представителей образованной части русского общества, становясь одной из важнейших форм их интеллектуальной реакции на жесткие охранительные меры последних семи лет царствования Николая Павловича, предпринятые в связи с революционными выступлениями 1848–1849 гг. в Европе. Его политика вызывала растущее

¹ Корольков А.А. Указ. соч. С. 8.

² Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 191. Также см.: Левандовский А.А. Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. М., 1990. С. 253.

³ Юристом молодой Леонтьев «не хотел быть ни под каким видом» (Коноплянцев А.М. Указ. соч. С. 13), и это, по всей вероятности, стало одной из важнейших причин того, что будущий мыслитель не задержался в стенах Ярославского Демидовского лицея, в котором успел поучиться до перевода в Московский университет.

⁴ Александров А.А. Константин Николаевич Леонтьев // Русский вестник. 1892. № 4. С. 264.

⁵ В выданном Леонтьеву гимназическом аттестате значится, что в преподаваемых предметах он оказал успехи отличные, исключая физику и математику, успехи по которым были только хорошими (Коноплянцев А.М. Указ. соч. С. 12).

⁶ Тургенев в Москве (Из воспоминаний К.Н. Леонтьева) // Русский вестник. 1888. № 3. Т. 195. С. 280.

⁷ См. Осипов И.Д. Философия русского либерализма: XIX — начало XX вв. СПб., 1996. С. 58. О русском западничестве 30-х — 40-х гг. XIX в. см. Олейников Д.И. Классическое российское западничество. М., 1996.

недовольство складывавшимся положением дел¹, причем с течением времени недовольство охватывало не только радикалов, но и людей весьма и весьма умеренных².

Главными очагами «мысленной оппозиции» по отношению к николаевскому режиму были столицы, Москва, колыбель как славянофильства, так и западничества, и Санкт-Петербург, причем Москва, владевшая громадной «умственной инициативой» в 1830-е — 1840-е гг., в рассматриваемую эпоху уже начала уступать последнюю городу на Неве³. Согласно другой точке зрения, даже на заключительных этапах Крымской войны Москва в создании независимой либеральной оппозиции все еще играла первенствующую роль⁴. По мнению Н.М. Дружинина, именно она «в период Крымской войны и непосредственно после ее окончания ... стала общественным центром, в котором сложился и громко заявил о себе российский либерализм»⁵.

Интеллектуальная жизнь тогдашних российских «диссидентов» сосредотачивалась в частных домах; идеологические дискуссии происходили главным образом в гостиных. Там протекал обмен мыслями среди глубоко образованных людей, зачастую обладавших настоящими ораторскими талантами. В Москве такие гостиные и такие кружки были особенно многочисленны. После 1849 г. эти кружки остались практически единственными очагами мысли, альтернативной правительственному направлению⁶. Либеральные умонастроения в них были чрезвычайно сильны. В той или иной степени они затронули представителей большинства тогдашних течений русской общественно-политической мысли. Не говоря о «западниках», носителях либеральной идеи изначально и «по определению», а также славянофилах, сочетавших консервативные черты с просветительскими и либеральными воззрениями, тяга к свободной мысли и стремление к переменам коснулись даже таких китов охранительства, как глашатай «официальной народности» М.П. Погодин⁷. Молодой Леонтьев, на длительный срок попавший из матриархально-идиллического мира

¹ См. Шестаков Н.А. Константин Леонтьев и русский либерализм // Вестн. Моск. ун-та. 1993. Серия 12. Социально-политические исследования. № 2. С. 57.

² См. Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика. М., 2000. С. 180.

³ См. Левандовский А.А. Указ. соч. С. 121, 281–283.

⁴ См. Китаев В.А. От фронды к охранительству: Из истории русской либеральной мысли 50–60 годов XIX века. М., 1972. С. 49–50.

⁵ Дружинин Н.М. Москва в годы Крымской войны // Вестник Академии наук СССР. 1947. № 6. С. 61.

⁶ См. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 168–169.

⁷ Русский консерватизм XIX столетия. С. 181, 182. Также см. Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX века. СПб., 1996. С. 44.

своего родного Кудинова и из учебных заведений таких провинциальных городов, как Смоленск, Калуга и Ярославль в Московский университет, один из важнейших центров оппозиционных настроений, живший последними веяниями эпохи, также оказался захвачен ими, что для учащейся молодежи в годы так называемого «мрачного семилетия» было явлением типичным¹.

Было бы логично предположить, как это сделали Ю. В. Андронов, А. Г. Мячин и А. А. Ширинянец, что студенческая среда, окружавшая Леонтьева, оказала на него весьма существенное влияние; по мнению вышеперечисленных исследователей, именно благодаря ему будущий мыслитель «постепенно охладевает к вере»². Но согласиться с этими тезисами не так просто: студенческая среда производила на Леонтьева отталкивающее впечатление, и общительностью с однокашниками по «alma mater» будущий мыслитель не отличался³. Об этом писал, опираясь на его мемуары, один из первых биографов Леонтьева А. М. Коноплянцев⁴, отмечал в своей работе А. А. Корольков⁵. По нашему мнению, значительное воздействие на Леонтьева оказала не студенческая среда в целом, а отдельный представитель этой среды, Алексей Георгиевский, о чем будет говориться ниже.

В отличие от студенческого окружения, сами занятия на факультете, им избранном, влияли на него очень сильно, хотя первые два-три года Леонтьев учился довольно неохотно. Курсы, читавшиеся в университете, знакомили его с бурно развивавшимися в середине XIX столетия материалистическими учениями, воспитывали леонтьевский ум на «медицинском эмпиризме и на бесстрастии естественных наук»⁶. Леонтьев сделался последователем материалистических учений⁷, «медицинский материализм» стал неотъемлемой частью мировоззрения этого начинающего московского литератора⁸. Его воздействию он подчинялся примерно до тридцатилетнего возраста⁹.

Благодаря этому «медицинскому материализму» и «эмпиризму», а также «бесстрастию естественных наук», Леонтьев утратил свою детскую

¹ См. Русский консерватизм XIX столетия. С. 180, 181.

² Андронов Ю. В., Мячин А. Г., Ширинянец А. А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К. Н. Леонтьев. М., 2000. С. 6.

³ Тургенев в Москве // Русский вестник. 1888. Т. 194. № 2. С. 98.

⁴ Коноплянцев А. М. Указ. соч. С. 14–15.

⁵ Корольков А. А. Указ. соч. С. 8.

⁶ Леонтьев К. Н. Кто правее? Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву // Восток... С. 669.

⁷ Коноплянцев А. М. Указ. соч. С. 28.

⁸ Первые литературные опыты К. Леонтьева приходятся на период его студенчества, начало 50-х годов.

⁹ См. Фудель И. К. Леонтьев и В. Соловьев в их взаимных отношениях // Русская мысль. 1917. Кн. XI–XII. С. 30.

религиозную веру, стал едва ли не атеистом, однако эстетическое тяготение к православию, к бытовой его стороне всё-таки сохранил: сказались крепкие и хорошо усвоенные христианские основы, заложенные материнским и, в целом, домашним воспитанием, окружением и атмосферой. Даже в начале 50-х, в период наибольшего отдаления от Церкви, он размышлял о религиозных вопросах, писал об апостолах — почтительно, с любовью, а порой с восхищением¹, говорил об их святости, которая «все уравнивает и оставляет одно удивление», хотя, под влиянием новых умственных веяний, воспринятых им, понимал сошествие Св. Духа как нечто похожее на «просвещение разума наукой и истинной верой»².

Уважительное отношение к православным праздникам прослеживается в тоне его письма к петербургскому издателю А. А. Краевскому от 1. 11. 1853 г.³, и это не удивительно, хотя может показаться парадоксальным: даже «в пору самого напряжённого отрицания» Леонтьев «готов был удушить собственными руками такого человека, который стал бы говорить что-нибудь против пасхальной заутрени в Московском Кремле»⁴.

Чувства по отношению к православным обрядам, подобные тем, которые он испытывал, очень хорошо выразил Ф. И. Тютчев после посещения, в августе 1843 года, молебна в московской часовне, где находился почитаемый чудотворным образ Иверской Божией Матери. Он писал: «Для того, кто приобщается к нему [к «обряду самого точного Православия» — С. Х.] лишь мимоходом и кто воспринимает от него лишь постольку, поскольку это ему заблагорассудится, ... в этих обрядах, столь глубоко исторических, в этом русско-византийском мире, где жизнь и обрядность сливаются, и который столь древен, что даже сам Рим, в сравнении с ним, представляется нововведением, — во всем этом для тех, у кого есть чутье к подобным явлениям, открывается величие несравненной поэзии...»⁵. Именно «величие несравненной поэзии» ощущал молодой Леонтьев при соприкосновении с Православием, хотя и потерял на какое-то время свою религиозную веру. Согласно А. А. Александрову, ученику и доверенному лицу К. Н. Леонтьева, с которым последний делился самыми сокровенными воспоминаниями,

¹ Апостола Петра, например, Леонтьев называл «святим рыбаком» [Леонтьев К. Н. Несколько слов о трех евангельских характерах // Он же. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 1. СПб., 2000. С. 602].

² Он же. Несколько слов... С. 604–605.

³ Он же. Письмо к А. А. Краевскому от 1. 11. 1853. ОР РНБ, ф. 391, Краевский А. А., № 482, лл. 5–6.

⁴ Поселянин Е. К. Н. Леонтьев в Оптиной пустыни // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. С. 392.

⁵ Цит. по: Кожин В. В. Пророк в своем отечестве (Ф. И. Тютчев и история России XIX века). М., 2001. С. 235–236.

период неверия продолжался у него не более 4–5 лет¹. Позднее, как писал сам Леонтьев, он успокоился на каком-то ему и самому неясном деизме, «эстетическом и свободном»².

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что «атеизм» Леонтьева не был явлением глубоким, скорее он являлся данью эпохе, интеллектуальной моде своего времени. Он не разрушил фундамента его мирозерцания, заложенного в детские годы и отмеченного чертами христианско-православной религиозности. Это доказывается и тем, что вытеснявшаяся, но подспудно жившая в душе Леонтьева тяга к православию в 1862–1863 годах окончательно пересилила в его сознании атеистические наклонности, а в начале 70-х возобладала и над его «эстетическим деизмом», или, по терминологии А. А. Александрова, «эстетическим монотеизмом»³. Эти перемены в мировоззрении К. Леонтьева будут рассматриваться ниже, в соответствующих частях данной работы.

Серьезные занятия анатомией, медициной, ботаникой, зоологией и другими естественными науками приучали его смотреть на жизнь объективно, т. е., говоря словами самого Леонтьева, «по возможности независимо от... личного характера и личных обстоятельств»⁴. Естествознание пробудило у него интерес к человековедению, к наукам, а также к паранаукам, связанным с антропологией. Он увлекся краниоскопией, френологией, физиогномикой и прочими подобными им предметами.

Леонтьев изучал труды австрийского медика и френолога Ф. Й. Галля, его последователей Й. К. Шпурцгейма и Г. Комба, читал такие книги, как «Символика человеческого образа» немецкого врача и анатома К. Г. Каруса, работу «О лицевом угле» выдающегося антрополога, профессора патологической анатомии и директора Берлинского патологического института Р. Вирхова, выписывал труды еще одного исследователя патологической анатомии, И. Энгеля, «о развитии костей черепа и лица», был «без ума» от книги профессора Йенского университета Гучке «Мозг, череп и душа». Большая часть этих авторов принадлежала к числу виднейших европейских специалистов в области антропологии — не исключая и Ф. Й. Галля, который являлся не только создателем френологии, но и автором одной из первых (1810–1819 гг.) теорий локализации психических функций в коре больших полушарий головного мозга и, следовательно, внес значительный, вполне объективный вклад в академическую науку.

Леонтьев мечтал найти в физиогномике, «физиологической психологии», исходную точку для «великого обновления человечества, для лучшего

¹ Александров А. А. Указ. соч. С. 262.

² Тургенев в Москве // Русский вестник. 1888. № 2. С. 98.

³ Александров А. А. Указ. соч. С. 262.

⁴ Леонтьев К. Н. Письмо к В. В. Розанову от 24. 5. 1891 // Русский вестник. 1903. № 5. Т. 285 С. 155.

и более сообразного с «натурой» людей распределения занятий и труда»¹. Со временем, полагал начинающий литератор, которому исполнилось чуть больше 20-ти лет, он укажет людям «возможность устроить общество на прочных физиономических основаниях, справедливых, незыблемых и приятных»². Таким образом, уже в то время Леонтьев проявлял заметную наклонность к социальному утопизму. Обращение его с целью разрешения широких общественных задач к антропологии и близким к этой дисциплине паранаукам свидетельствует о его стремлении к осуществлению социального идеала при помощи самых необычных, даже экстравагантных, мер; оно было свойственно Леонтьеву и в более поздние годы. На наш взгляд, это лишь подчеркивает известный утопизм леонтьевского мышления. В рассмотренном случае мы сталкиваемся с первыми зафиксированными в источниках проявлениями утопических тенденций, встречающимися у этого автора.

Б. А. Грифцов писал, что от попыток опереться на физиогномику, «физиологическую психологию» и тому подобные вещи с целью «великого обновления человечества» Леонтьев отказался быстро³. Однако автобиографическое свидетельство последнего показывает, что это не так, что даже в начале 60-х Леонтьев их не оставил⁴.

От увлечений краниоскопией, френологией и физиогномикой у него сохранилась привычка обращать внимание на внешность человека: лицо, форму головы, речь, голос, а также на его «приёмы», т. е. манеру поведения, жестикуляцию и т. д. Взлелеянный матерью и свойственный Леонтьеву до последних дней его жизни эстетизм сказался и здесь: он мог невольно больше любить врага, который ему «общим видом приятен», чем доброжелателя, наружность которого ему почему-либо была не по вкусу⁵. В. И. Косик в своей монографии также обратил на это внимание⁶.

Естественные науки с присущим им материализмом изменяли старые представления К. Н. Леонтьева и таким образом, с одной стороны, готовили интеллектуальную почву для его перехода в начале 50-х гг. к либерально-демократическим идеям и ценностям. В этом отношении он не отличался от большинства представителей русского студенчества второй половины

¹ Из студенческих воспоминаний К. Леонтьева // Русский архив. 1880. Кн. I. № 1–2–3. С. 494.

² Там же. С. 498.

³ См. Грифцов Б. А. Судьба К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. С. 319.

⁴ См. Из воспоминаний К. Н. Леонтьева // Лица. Биографический Альманах. М., СПб., 1995. Вып. 6. С. 467.

⁵ Из студенческих воспоминаний... С. 494.

⁶ Косик В. И. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997. С. 10.

XIX в., изучавших соответствующие дисциплины, хотя, конечно же, далеко не все россияне, получавшие естественнонаучную, в частности — медицинскую, подготовку, превращались в либералов, как А. И. Шингарев, один из будущих лидеров «партии народной свободы», или нигилистов, подобно тургеневскому Базарову. Так, например, консерваторами являлись знаменитый анатом, хирург и общественный деятель Н. И. Пирогов и крупный естествоиспытатель, выдающийся публицист Н. Я. Данилевский.

С другой стороны, естественные науки и, в частности, медицина, влияли на Леонтьева и диаметрально противоположным образом, закладывая фундамент, в том числе — теоретический, хотя в случае Леонтьева термины «теоретический», «теория» следует применять с большой осторожностью — для преодоления либерализма и отрицания современных демократии и прогресса. Это противоположное влияние было гораздо менее заметным, можно сказать подспудным, оно проявилось только в начале 60-х. И здесь Леонтьева следует сравнить именно с Н. Я. Данилевским, к которому на рубеже 60-х — 70-х гг. XIX столетия он был довольно близок идейно и с которым его роднил метод, подход к социальным феноменам как таковым, претендовавший на строгость и научную объективность. Этот подход, заимствованный именно из естествознания, был принципиально близок к подходу, использованному при создании так называемой «органической теории общества», достаточно распространенной в конце XIX — начале XX веков. Однако Данилевский, в отличие от Леонтьева, в прогресс — научный и исторический — верил¹. Принципиальным его противником он так и не стал, тогда как Леонтьев с начала 70-х годов XIX столетия к прогрессу, который называл «эгалитарно-утилитарным», т. е. к успехам эмансипационно-уравнительных движений и к развитию промышленности, науки и техники относился пессимистически.

Указанное подспудное влияние выражалось в следующем. Как писал Леонтьев, медицинские занятия, изучение физиологии и анатомии располагали его любить «здоровье, силу, красоту и досадовать нередко очень сильно на печальные физические явления столичной цивилизации»². Его «эстетико-физиологическое» чувство страдало, когда, в старом университете и клинике, он наблюдал различные сцены, связанные с анатомированием «человеческого материала», видел «серые, свинцовые лица умирающих больных и их врачевателей»³ — «честных тружеников»⁴.

¹ Пивоваров Ю. С. Николай Яковлевич Данилевский. Проблема целостности этико-политических воззрений // Русская политическая мысль второй половины XIX в. М., 1989. С. 33.

² Из студенческих воспоминаний... С. 495.

³ Там же. С. 497.

⁴ В то время Леонтьев не отрицал, что путь «честного труженика», уже тогда казавшийся ему «узким», может быть благороден (См. *Леонтьев К. Н.* По поводу

Такого рода зрелища, по словам Леонтьева, имели заметное влияние на его жизнь и судьбу. В минуты их созерцания в его душе поселялось не вполне осознаваемое им отвращение к большим европейским городам, к тому, что называли «прогрессом» и к тому, что связано с этими городами и с этим прогрессом¹. И хотя в молодости Леонтьев науку любил², видел в ней «спасение для поэзии»³, у него появлялась неприязнь и к самой науке, точнее, к «тому образу жизни, который слагается почти неизбежно при постоянных и правильных занятиях кабинетною наукою»⁴.

По всей вероятности, обращению Леонтьева если не к либеральным, то к демократическим идеям (и, несколько ранее, к атеизму) помогла его юношеская дружба со студентом-земляком Алексеем Георгиевским, окончившим вместе с ним Калужскую гимназию. Прямых указаний на это в источниках не содержится, но такое предположение можно сделать на основании различных косвенных данных. По признанию Леонтьева, Георгиевский имел на него огромное интеллектуальное влияние, его «независимый и мощный» ум даже подавлял Леонтьева, и тот почти два года находился в «сердечном и умственном рабстве» у своего старшего товарища⁵. Таким образом, А. Георгиевский не мог не внести существенный вклад в изменение мировоззрения будущего мыслителя в столь важный для его идейного становления период первого «умственного перелома». Согласно Леонтьеву, по отношению к нему Георгиевский играл роль, подобную той, которую Мефистофель играл по отношению к Фаусту. Юноша незнатный и небогатый, разночинец — вырос он в знакомой с нуждой семье уездного чиновника⁶ — Алексей был недоволен жизнью, которая «не давала ему ничего», и потому «ядовит», от него исходили «ирония и отрицание», «умственная злость»⁷. С Леонтьевым он «много, свободно

рассказов Марка-Вовчка // Леонтьев К. Н. Собр. соч.: В 9 т. М.; СПб., 1912–1913 (Далее — Собр. соч.). Т. 8. М., 1912. С. 17.). Однако позднее, с конца 60-х — начала 70-х гг. XIX в., он стал рассматривать «честных тружеников» как представителей ненавистного для него типа «среднего человека», «торжествующего хама», европейского буржуа. И в этом отношении специфический писатель Леонтьев выступил в качестве антипода всей пореформенной русской литературы с присущим ей вниманием к «честному труженику», берущим начало от любви к «маленькому человеку» Гоголя и раннего Достоевского и получившим законченное воплощение в творчестве такого «буржуазно-интеллигентского» писателя, как А. П. Чехов.

¹ Из студенческих воспоминаний... С. 498.

² *Леонтьев К. Н.* Письмо к В. В. Розанову от 30. 7. 1891 // Русский вестник. 1903. № 6. Т. 285. С. 413–414.

³ Он же. *Лето на хуторе* // Отечественные записки. 1855. № 5. С. 48.

⁴ Из студенческих воспоминаний... С. 498.

⁵ Тургенев в Москве... // Русский вестник. 1888. № 2. С. 119, 125.

⁶ *Коноплянец А. М.* Указ. соч. С. 18.

⁷ Тургенев в Москве... // Русский вестник. 1888. № 2. С. 99, 119.

и «современно» рассуждал о литературе, в частности о Белинском, о героях Герцена, о любви и дружбе, об «общих началах науки и поэзии», о вере и о безверии¹. Стимулируя кризис старой системы ценностей будущего мыслителя, Георгиевский едва ли проповедовал ему взгляды либерального характера — судя по вышеприведенным высказываниям Леонтьева о своем друге, ему скорее могли импонировать идеи демократические с оттенком нигилизма, и именно их должен был внушать он Леонтьеву. Последний, во всяком случае, признавал, что в рассматриваемую эпоху он был «почти [курсив наш — С. Х.] нигилистом»², и если относительной близостью к нигилизму Леонтьев был обязан личностным, персональным влияниям, то их источником почти наверняка был именно А. Георгиевский.

Бесспорно и однозначно, в отличие от воздействия естествознания, переходу Леонтьева к либерально-демократическим умственным установкам способствовали его литературные вкусы и интересы. В студенческие годы особенно сильное влияние на него оказывали такие авторы, как Ж. Санд, В. Г. Белинский, И. С. Тургенев³, творчество которых было проникнуто искусно (и изящно) выраженным эмансипационно-демократическим пафосом. Эти авторы, кумиры, в большей или в меньшей степени, множества других современников К. Леонтьева, особенно из числа молодежи⁴, по его признанию, «воспитывали»⁵ его во времена «первой юности».

Определенное воздействие на него оказал также «дворянский революционер» А. И. Герцен⁶, однако наиболее сильное впечатление производил на Леонтьева всё же И. С. Тургенев. Хорошо известно, что уже в 40-е — 50-е гг. XIX столетия Тургенев был не только крупным писателем, но и одним из главных представителей русского либерализма и западничества. В рассматриваемый период он «влият издали даже на мою частную, личную жизнь, на мои вкусы, желания и на такие решения, от которых прочного поворота назад в жизни уже не бывает»⁷, — писал К. Леонтьев спустя несколько десятилетий. Однако Тургенев не имел на него и десятой доли того умственного воздействия, которым обладал А. Георгиевский, а уж «про чувство сердца или про какое-нибудь невольное подчинение воли» этому великому писателю «и помину быть не могло», отмечал Леон-

¹ Там же. С. 119, 120.

² Леонтьев К. Н. Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой // Восток... С. 458.

³ Там же; Он же. Рассказ моей матери... С. 77.

⁴ См. Левандовский А. А. Указ. соч. С. 253.

⁵ Леонтьев К. Н. Два графа... С. 458.

⁶ Александров А. А. Указ. соч. С. 263; Также см. Леонтьев К. Н. Рассказ моей матери... С. 77.

⁷ Леонтьев К. Н. Мои дела с Тургеневым и т. д. // Собр. соч. Т. 9. СПб., 1913. С. 101–102.

тьев¹. Его слова — еще один, причём — весомейший — аргумент в пользу предположения о значительности воздействия Георгиевского на взгляды Леонтьева в эпоху его первого «умственного перелома». Влияние Тургенева, однако, усилилось после личного знакомства и с началом дружбы Леонтьева с ним. Леонтьев внимательно прислушивался к его суждениям и оценкам, был до конца своих дней благодарен за бескорыстную поддержку и помощь, оказанные ему Тургеневым².

Тургенев, по всей вероятности, заметно повлиял на начинающего автора в духе либерализма, который всего лишь через несколько лет, после смерти Николая I, стал одним из наиболее активных направлений русской общественно-политической мысли. Ю. П. Иваск даже называл юношеский либерализм Леонтьева «тургеневским»³, сам Леонтьев, однако, именовал его «европейским»⁴. Роль Тургенева в идейном развитии К. Леонтьева не ограничилась личным, персональным влиянием на него. Тургенев ввел Леонтьева в литературно-философский кружок графини Е. В. Салиас де Турнемир (писательницы Евгении Тур), урожденной Сухово-Кобылиной. Она была хозяйкой и вдохновительницей либерального московского салона⁵, в котором, помимо самого Тургенева, бывали многие другие лидеры русского либерализма и западничества конца 40-х — начала 50-х гг.: Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, М. Н. Катков, В. П. Боткин, а также П. М. Леонтьев, Е. М. Феоктистов, А. В. Сухово-Кобылин⁶, графиня Е. П. Ростопчина, поэт Н. Ф. Щербина.

Особого внимания среди вышеназванных лиц заслуживает Т. Н. Грановский — профессор всеобщей истории Московского университета, выдающийся ученый, известный лектор и пропагандист науки, оказавший большое воздействие на современников, писателей и ученых. Его считают главным представителем либерального мышления в царствование Николая I, безусловным лидером западнической партии⁷. Эта личность,

¹ Тургенев в Москве... // Русский вестник. 1888. № 2. С. 125.

² См. Долгов К. М. Указ. соч. С. 16; Корольков А. А. Указ. соч. С. 9.

³ См. Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 301.

⁴ См. Леонтьев К. Н. Рассказ моей матери... С. 85.

⁵ См. Дурьлин С. Н. Указ. соч. С. 491.

⁶ Тургенев в Москве... // Русский вестник. 1888. № 3. С. 266.

⁷ Роль духовного лидера либерально настроенных западников отводил ему уже А. И. Герцен. По мнению В. В. Леонтовича, Грановский принадлежал к той горстке россиян, которые стояли на точке зрения, отражающей сущность либерализма (Леонтович В. В., Указ. соч. С. 310–311). Грановского называют «признанным всеми лидером западнической партии», самым видным представителем западнического направления (Китаев В. А. Указ. соч. С. 38, 79), создателем «идеального первообраза профессора» — ключевой фигуры в истории отечественного просветительства и умеренной оппозиционности (Секиринский С. С., Шелохаев В. В. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX — начало XX в.). М., 1995. С. 8). В. И. Приленский говорил о Грановском как о человеке, внутренне проникну-

бывшая эпицентром тогдашнего русского либерализма, должна была сыграть важную роль в приобщении Леонтьева к либеральным идеям и ценностям, хотя прямых указаний на это источники не содержат. Имеются лишь косвенные свидетельства: признание Леонтьевым «несомненности» культурного влияния Грановского на Россию, сделанное в 1865 году¹, и его же более поздние воспоминания о том, как он, будучи гимназистом, конспектировал одну из работ московского просветителя².

Люди, собиравшиеся у графини Салиас, «даровитые, учёные и влиятельные», жившие, согласно оценке Леонтьева, «готовыми, ясными европейскими идеями и вкусами», в целом довольно сильно повлияли на будущего публициста, который, как и многие другие, по молодости подчинился «тому, что слышал», тем более — из столь авторитетных уст, и начал исповедовать те взгляды, которые они излагали³. Учитывая персональный состав кружка Е. Тур, следует напомнить и подчеркнуть, что в рассматриваемый период своими идеями на него воздействовали именно московские западники, и именно западничеству Леонтьев отдавал предпочтение.

Встречал он в то время и некоторых славянофилов, например А. С. Хомякова, а также теоретика «официальной народности» М. П. Погодина, но они не нравились ему «лично», а их сочинениям он тогда ещё не находил в своей душе «ни малейшего отголоска»⁴; и славянофилы, и А. А. Григорьев — литератор, во многих отношениях близкий и дорогой Леонтьеву в более зрелом возрасте, в юности казались ему «одинаково чуждыми»⁵. Поэтому в данный период интеллектуалы антизападнического склада на его воззрения, в том числе — эстетические (это замечание касается главным образом А. А. Григорьевой) несколько не повлияли.

Ориентирами Леонтьева в лоне либерализма и западничества стали идеалы прогресса, образованности, науки, равенства и свободы, что отме-

том либеральным духом и провозвестнике либерализма в России, хотя и не считал его либералом вполне сформировавшимся (Либерализм в России. М., 1996. С. 137, 139). С авторами, полагающими, что Грановский являлся центральной фигурой складывавшегося российского либерализма, солидаризировался и В. Ф. Пустарнаков (Там же. С. 155).

¹ Леонтьев К. Н. Записка о необходимости литературного влияния во Фракии // Русия и българското национално-освободително движение. 1856/1876. Документи и материали. София, 1990. Т. II. С. 214.

² Он же. Владимир Соловьев... С. 492.

³ Он же. Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве // Аполлон Григорьев. Воспоминания. Воспоминания Аполлона Григорьева и воспоминания о нем. М.; Л., 1930. С. 531.

⁴ Тургенев в Москве... // Русский вестник. 1888. № 2. С. 103.

⁵ Леонтьев К. Н. Несколько воспоминаний... С. 531.

тила в своей диссертации Н. А. Ковешникова¹. Он сам свидетельствовал об этом², что заставляет усомниться в справедливости мнения Б. Адриано-ва о том, что Леонтьев «всю свою сознательную жизнь был убежден в изначальном и глубинном неравенстве [курсив мой — С. Х.] людей»³, что вера в их «горизонтальную иерархию» присутствовала у него «во все периоды его жизни, был ли он «язычником» или христианином, врачом или дипломатом, состоял ли на государственной службе или был в отставке, жил в миру или в монастыре»⁴. Оценку Адрианова следует признать преувеличением. Однако и достаточных оснований считать, вслед за А. А. Корольковым, что прогрессистские идеи Леонтьев в рассматриваемый период воспринимал «пылко»⁵, а либерально-нигилистическими теориями «увлекался»⁶, мы также не видим. Он настолько плохо разбирался в такого рода теориях и идеях, что ему казалось, что и прогресс, и образованность, и наука, и равенство, и свобода — это «одно и то же...»⁷. В своих ранних произведениях Леонтьев не пытался не только развивать или проповедовать, но даже хоть как-то конкретизировать данные понятия, за исключением понятия «прогресс». Прогресс он сравнивал с падением на берег морской волны, оставляющей на суше различные предметы, которые «не уносятся обратным движением, и человек мимоходом, не ныряя, может, если хочет, поднять их...»⁸. Такого рода предметами, для него священными, являлись, в частности, «свободы женщин и простолюдина»⁹. Молодой Леонтьев выражал уверенность, что «все усилия реакции не сотрут с лица земли осадков прогресса»¹⁰.

Можно сделать вывод, что прогресс мыслился им как движение возвратно-поступательное, волнообразное и циклическое, каждая фаза которого привносит в общество те или иные необратимые изменения, хотя далеко не каждый стремится воспользоваться ими. Ранние (рубежа 50-х — 60-х гг. XIX в.) представления Леонтьева о прогрессе довольно оригинальны. Нельзя исключить, что они восходят к концепциям зарубежных

¹ Ковешникова Н. А. Идеи К. Леонтьева в культуре Серебряного века: Дис. ... канд. культурологии. М., 2000. С. 137.

² Леонтьев К. Н. Два графа... С. 458.

³ Адрианов Б. Иерархия — вечный закон человеческой жизни (стержневой, господствующий принцип К. Н. Леонтьева) // К. Леонтьев, наш современник. СПб., 1993. С. 423.

⁴ Он же. Место и значение К. Н. Леонтьева в русской философии // Там же. С. 7.

⁵ Корольков А. А. Указ. соч. С. 40.

⁶ Там же. С. 70.

⁷ Леонтьев К. Н. Два графа... С. 458.

⁸ Он же. Письмо провинциала к г. Тургеневу // Он же. Собр. соч. Т. 8. С. 9.

⁹ Он же. По поводу рассказов Марка-Вовчка // Там же. С. 27.

¹⁰ Он же. Письмо провинциала... С. 9.

философов — Дж. Вико и И. Г. Гердера, с сочинениями или изложениями взглядов которых русский литератор мог быть знаком, хотя источники указаний на это не содержат. Во всяком случае, связь данных представлений Леонтьева с идеями Гердера и Вико является не прямой, а косвенной; заметно, что он прорабатывал их самостоятельно.

Частью леонтьевского либерализма стала и его любовь к революциям, однако, как писал мыслитель позднее, в революциях его и в этот период привлекала только романтическая, эстетическая, т. е., в леонтьевском контексте, военная, боевая их сторона: «опасности, вооружённая борьба, сражения и «баррикады» и т. п.». Сильному воображению К. Леонтьева нравились сами воинственные средства демократических движений, но не общественные, гражданские цели их. О вреде или пользе революций, об их социальных последствиях и значении он в молодые годы почти не думал¹. Его, например, почти не заботило: кто после победы или поражения революций будет господствовать в Европе, труд или капитал, буржуазия или кто-то ещё. Леонтьев смотрел на них не как на перестройку обществ, а только как на «занимательные инсurreкции», его приковывал драматизм событий, живущая в них поэзия, которую он находил у обеих сражающихся сторон.

Зачастую отношение Леонтьева к революциям граничило с гражданской незрелостью. Так, по свидетельству самого Леонтьева, в юности Французская революция 1848 г. импонировала ему главным образом потому, что в получаемом его матерью иллюстрированном журнале были очень героические картинки с изображением парижских событий и потому, что «Французы сочиняли тогда очень смешные песни»².

О том, насколько малое значение придавал Леонтьев социальной сущности и политической окраске событий свидетельствует тот факт, что симпатизировал он не только вышеупомянутой революции, но и контрреволюционному перевороту, устроенному второго декабря 1851 г. Наполеоном III. Понравился он Леонтьеву, очевидно, благодаря тому, что новоявленный французский монарх «проехался по Парижу верхом, с напомаженными усами»³: эта картина явно произвела впечатление на молодого эстета, искавшего ярких жизненных впечатлений.

Практически так же, как к революциям, относился Леонтьев к мятежам и бунтам. Следует лишь добавить, что бессознательно он и в истории, и в романах всегда радовался усмирению мятежей; «Пусть они будут [для драматизма и «поэзии жизни» — С. Х.], но чтобы их усмиряли!», — так определялось безотчётное отношение к ним взрослому Леонтьеву⁴.

¹ Леонтьев К. Н. Два графа... С. 458.

² Тургенев в Москве... // Русский вестник. 1888. № 3. С. 273.

³ Там же. С. 272, 273.

⁴ Александров А. А. Указ. соч. С. 267; Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 313.

Осознавать это он стал лишь в годы так называемого «второго умственного перелома», т. е. в начале 60-х¹.

Изменение идейно-умственных установок означало также превращение его из «наивного монархиста» в приверженца республиканской формы правления. Этот переворот, писал он на склоне лет, «был лишь один юношеский порыв хвалить то, чего у нас нет и особенно что тогда, при Государе Николае Павловиче, хвалить было даже небезопасно». Республика, которую Леонтьев начал предпочитать монархии, как таковая ему «ни к чему не была нужна», в республиках он ценил не то, чем отличаются они от монархий, т. е. не политическую свободу и равноправие а, напротив, то, что великие республики с монархиями роднило: «силу, вырабатываемое сословным строем разнообразие характеров, борьбу, битвы, славу, живописность и т. д.»² — практически то же самое, что нравилось ему в революциях.

Необходимо сказать, что в этот период мировоззрение Леонтьева не отличалось отчетливостью и цельностью; в его душе совмещались самые несовместимые вкусы и мнения. Он в одно и то же время был не только «почти нигилист», но и романтик, и если романтику нравилась война, то нигилисту претили военные³. На войну Леонтьев смотрел как на дело «славное и высокое —... потому, что ей... трагизм присущ»⁴. Настоящая, большая война, например Отечественная война 1812 года, казалась ему сильным, эстетически насыщенным экзистенциальным переживанием, уникальной возможностью броситься в гущу жизни, и когда такая возможность Леонтьеву представилась, он, и по велению собственной души, и по совету своих литературных друзей, М. Н. Каткова и И. С. Тургенева, рекомендовавших ему попробовать «широкой действительной жизни»⁵, ею воспользовался: отправился в Крым, которому угрожала высадка англо-французских войск.

Однако и патриотических мотивов этого поступка, помимо эстетико-романтических соображений, со счетов сбрасывать не следует. Увлечённость Леонтьева патриотическими настроениями в 1854 г. отмечал еще А. А. Александров⁶, а А. М. Коноплянцев, являвшийся, как и Александров, одним из первых исследователей жизни и творчества К. Н. Леонтьева, писал даже об охватившем его «патриотическом воодушевлении»⁷.

¹ См.: Александров А. А. Указ. соч. С. 267.

² Леонтьев К. Н. Рассказ моей матери... С. 86.

³ Он же. Два графа... С. 458.

⁴ Он же. Сдача Керчи в 55 году (воспоминания военного врача) // Собр. соч. Т. 9. С. 226.

⁵ Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 291.

⁶ Александров А. А. Указ. соч. С. 263.

⁷ Коноплянцев А. М. Указ. соч. С. 30.

Возможно, Коноплянцев чувство «воодушевления» преувеличил, однако оно в той или иной мере присутствовало. Это отличало Леонтьева, отправившегося врачом в прифронтовой госпиталь, от так называемых «пораженцев», которых в западническом, наиболее близком ему в рассматриваемую эпоху общественном лагере, было много. Западники с самого начала Крымской кампании считали поражение России единственным фактором, могущим ускорить падение в ней ненавидимого ими полицейско-бюрократического порядка¹. К партии «пораженцев», желавших дискредитации режима Николая I в глазах миллионов подданных имперской короны, принадлежали, например, такие фигуры, как уже упоминавшийся М. Н. Катков, а также историк литературы А. Д. Галахов и писатель Н. Ф. Павлов². Следует, однако, сказать, что значительная часть членов славянофильского кружка во время Крымской войны тоже считала, что «... поражения России сноснее и даже для нее и полезнее того положения, в котором она находилась в последнее время»³.

Нельзя не отметить, что отношение молодого Леонтьева к революциям, войнам, бунтам и мятежам, как и его «республиканизм», определялись не столько воспринятыми им либеральными идеями и представлениями, сколько его юношеским романтизмом, свойственным не только ему самому, но и множеству его современников, а также, что гораздо более специфично и показательно, ярко выраженными эстетическими наклонностями, составлявшими наиболее характерную, отличительную и оригинальную черту всего мирозерцания Леонтьева с детства до последних дней его жизни. Можно сказать, что его тогдашние взгляды были пронизаны юношеским эстетическим романтизмом.

На основании всего вышесказанного автор данной работы приходит к выводу, что в 50–е годы XIX столетия события общественно-политической жизни воспринимались Леонтьевым как сцены из постановки, разыгрывающейся на подмостках грандиозного, всемирного театра, где перед ним развевалась увлекательная, приковывающая внимание драма истории человечества; однако и сам он старался играть в ней какую-то свою роль (участие Леонтьева в Крымской кампании), т. е. являлся одновременно и зрителем, и актером, но в гораздо большей степени зрителем, чем актером. Данный вывод подтверждает следующий эпизод из молодости Леонтьева, описанный им самим много позже. Дело происходило в мае 1855 г., при взятии Керчи англо-французским десантом. Русские войска уже покидали город, на улицах его царил неразбериха, отряды

неприятеля готовились к высадке. В это время Леонтьев, военный лекарь, сидит с сигарой на балконе керченской гостиницы, пьет кофе и мечтает, чтобы сейчас на его глазах разразился бой, а он сам, «ничуть... не избегая опасности», взирал бы на эту «внезапно развернувшуюся на интересном месте страницу из современной истории...»¹.

Либерализм в некоторых отношениях неотделим от демократии². По словам А. В. Гоголевского, либерализм и демократия подразумевают друг друга так же, как тоталитаризм и деспотизм³, поэтому неудивительно, что в рассматриваемый период Леонтьев, как ему казалось, испытывал горячие симпатии к демократическому направлению⁴ и считал себя «крайним демократом»⁵. Однако сколько-нибудь точного представления о том, что такое «демократия», «демократическое направление», у Леонтьева, судя по его же произведениям, в 50–е годы не выработалось. Он не конкретизировал своих юношеских представлений о демократии ни в рассматриваемую эпоху, ни в последующие годы. Из этого можно заключить, что демократические пристрастия молодого Леонтьева являлись весьма расплывчатыми, если не всецело бесформенными. Ни к какой конкретной общественно-политической деятельности, например, к созданию художественных или, тем более, публицистических произведений соответствующей политической окраски они не вели.

Кого он считал демократами — тоже не вполне ясно. Все более или менее определенное, что можно извлечь из работ Леонтьева, — это то, что к представителям демократического направления он относил Н. А. Некрасова и Н. В. Гоголя как автора «обличительных» произведений. Н. А. Некрасов, безусловно, был демократом, тогда как воззрения Гоголя содержали лишь элементы демократизма. Однако парадокс заключается в том, что «демократ» Леонтьев именно к демократическим компонентам творчества этих русских писателей уже в рассматриваемую эпоху относился отрицательно. Он не любил, за редкими исключениями, «демократические» стихи Н. А. Некрасова, которые вслед за литератором Е. Л. Марковым (1835–1903) колко именовал «деревянными виршами»⁶; претила Леонтьеву и гоголевская сатира, «бессознательное революционерство» великого писателя. Слишком многое в окружающей русской жизни было ему по сердцу, поэтому для России будущий мыслитель желал не коренных перемен, тем более — революции, а только того, чтобы «помещики

¹ *Леонтьев К. Н.* Сдача Керчи... С. 204.

² См. *Шелохаев В. В.* Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 37.

³ *Гоголевский А. В.* Указ. соч. С. 4.

⁴ Из воспоминаний К. Н. Леонтьева. С. 465.

⁵ Тургенев в Москве... // Русский вестник. 1888. № 2. С. 105.

⁶ *Леонтьев К. Н.* Не кстати и кстати // Восток... С. 567.

¹ *Китаев В. А.* Указ. соч. С. 37.

² См. Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли: Вторая половина XIX — начало XX века. Л., 1974. С. 322, 323.

³ Записки А. И. Кошелева. Берлин. 1884. С. 82.

и чиновники были к простолюдинам как можно добрее»¹, сам же хотел быть просто «полезен бедным»².

Можно сделать вполне обоснованный вывод, что фактически «демократизм» Леонтьева сводился к патриархально-благодушному отношению к крепостным крестьянам и к простолюдинам вообще. В предреформенную эпоху такого рода «демократизм» был свойствен многим русским помещикам, числившим себя либералами, а сам Леонтьев сохранил его — в виде отечески-покровительственного отношения к людям, которые от него зависели, составляли его окружение, его большую семью, до смертного одра.

Однако настоящая демократия в традиции либерально-демократических исследований и реальной политической борьбы XVIII–XIX столетий определяется как совокупность вполне определенных гражданских, социальных и политических прав и свобод для всех членов общества. Эти права и свободы включают в себя право собраний, ассоциаций, участия в политической власти, свободу совести, мнений, сознания, передвижения, переписки и т. д., а также то, что называют «естественными правами человека» на жизнь, безопасность, жилище, труд и т. п.³ За введение в России — в большем или в меньшем объеме — вышеперечисленных прав и свобод выступали такие общественные деятели, как В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. М. Унковский, представители левого крыла кружка петрашевцев.

Следовательно, даже в 50-е годы подлинным демократом Леонтьев не был, а уж заподозрить его в радикальном демократизме, в революционно-нигилистических настроениях, нет, как видно на примере уже тогдашнего отношения К. Н. Леонтьева к творчеству Н. В. Гоголя, решительно никаких оснований. Однако француз Портье Д'Арк, скрывавшийся под псевдонимом А. Чернофф, стремясь к публицистическому эффекту контрастности, утверждал, что в молодости Леонтьев был нигилистом наподобие тургеневского Базарова и даже «революционером», обещал стать «пламенным апостолом современных разрушительных идей», отличался глубокой искренностью своих революционных теорий. Кроме того, он приписывал Леонтьеву желание поднять материальное благосостояние всех слоев общества до уровня высших сословий.

Высказывания Портье Д'Арка опроверг уже А. А. Александров. Согласно этому автору, точку зрения которого мы разделяем, Леонтьев ни настоящим нигилистом в духе знаменитого героя Тургенева, ни «пламенным апостолом современных разрушительных идей» никогда не был⁴. Объектив-

¹ Тургенев в Москве... // Русский вестник. 1888. № 3. С. 272.

² Указ. соч. № 2. С. 108.

³ Политология/ Под ред. Ю. И. Аверьянова. М., 1993. С. 94.

⁴ Чернофф А. [Portier d'Arc]. Un portrait litteraire russe: M. Constantin Leontieff // La Nouvelle Revue. 1889. Т. 58. См. Александров А. А. Указ. соч. С. 251–253, 262.

ным представляется и мнение Александрова о том, что Леонтьев, с ранних лет упивавшийся «жизненным разнообразием», даже будучи сторонником (в рассматриваемый период) либерально-демократических идеалов, не выступал с проповедью уравнивания всего человечества хотя бы в «высшей роскоши и высшем богатстве»¹. Справедливость утверждений этого исследователя подтверждается анализом представлений Леонтьева о демократии. К. М. Аггеев и Н. А. Бердяев, придерживавшиеся в данном вопросе точки зрения, близкой к точке зрения Александрова, также не считали молодого мыслителя подлинным нигилистом, равно как и подлинным демократом. В целом юношеский «демократизм» Леонтьева, подобно его же юношескому «атеизму», следует оценивать только как дань эпохе, интеллектуальной моде своего времени.

Что касается собственно политических взглядов Леонтьева в рассматриваемый период, то о них почти ничего конкретного сказать невозможно. Будучи студентом (1849–1854 гг.), он на политические дела никаких определенных воззрений вообще не имел² и о государственно-политических вопросах задумывался мало. Тогда он, по его собственным словам, «вовсе... не понимал их и не искал понимать, сводя всё на вопросы или личного счастья, или личного достоинства, или на поэзию встреч, борьбы, приключений и т. д.»³. Во время Крымской войны, события которой заставили задуматься над политическими вопросами многих образованных русских, ранее вникавших в них мало, Леонтьев начал проявлять к политике большее внимание, стал размышлять о ней. По его собственному выражению, он превратился в человека «слегка политикующего». Однако и тогда Леонтьев не имел ещё стойких политических убеждений. Их заменяли «какие-то смутные подобию политических мнений... несколько либерального оттенка»⁴.

В сознании Леонтьева эти «смутные подобию политических мнений... несколько либерального оттенка» продержались практически до начала 60-х гг. XIX столетия, пока у него не появились свои собственные политические пристрастия, которые, как полагал Леонтьев, для формирования политических убеждений просто необходимы. Даже превратившись в «человека политикующего», он и о внутренней, и о внешней политике думал довольно мало, «Восточным вопросом», который впоследствии занял огромное место в его социально-политической историософии, почти не интересовался, хотя некоторые собственные политические идеи у него имелись; об их содержании остается только догадываться, поскольку в источниках эти идеи не отразились. И хотя политические вопросы Леонтьев во второй половине 50-х годов по-своему понимал, с большим

¹ Александров А. А. Указ. соч. С. 266.

² Там же. С. 262.

³ Тургенев в Москве... // Русский вестник. 1888. № 3. С. 272.

⁴ Леонтьев К. Н. Сдача Керчи... С. 191.

удовольствием и вниманием читал политические обозрения тогда ещё либерального «Русского вестника», по-настоящему его в этот период интересовали «женщины, любовь, поэзия, естественные науки и какая-то эстетическая философия»¹. Только годам к тридцати у Леонтьева сформировалось действительно серьезное отношение к политике, в результате чего появились собственные политические пристрастия, однако размышлять о политических вопросах «по-настоящему», т. е. в специфическом для него ключе он, по собственному признанию, стал ещё позднее².

Характеризуя взгляды К. Н. Леонтьева либерального периода, нельзя не сказать о собственно эстетических его представлениях, определявших стиль жизни и множество экстравагантных поступков этого начинающего писателя. Он смолodu не терпел бесцветности, скуки, буржуазного плебейства, ненавидел посредственность в искусстве³. Уже тогда его живое, ничем не искоренимое эстетическое чувство больше дорожило поэзией действительной жизни, нежели художественным совершенством её отражений в искусстве, в том числе и в литературе⁴. Прекрасное он считал высшим из явлений природы. Красота, полагал Леонтьев, бессмертна: «... огонь исторических, временных стремлений гаснет, а красота... растёт по мере отдаления во времени, прибавляя к самобытной силе своей ещё обаятельную мысль о погибших формах иной, горячей и полной жизни»⁵. Красота — это «та же истина, только не ясная, не голая, а скрытая в глубине явления», — считал он. И чем явление сложнее, тем красота его полнее, глубже, непостижимее⁶. Если истины прекрасного лишено творение художника, то это творение «падает ниже всякой посредственной научной вещи, всяких поверхностных мемуаров, которые, по крайней мере, богаты правдой реальной и могут служить материалами будущей науки жизни и духовного развития». Красоту, полагал молодой писатель, можно найти не только в светлых, но и в негативных с точки зрения господствующей морали явлениях: чувство эстетического восторга овладевает нами даже при глубоком изображении порока⁷.

Эта мысль открывает собой целый ряд высказывавшихся в печати идей К. Леонтьева, давших повод для обвинения его в «эстетическом имморализме». Данный термин для оценки леонтьевского мировоззрения используется настолько часто, что А. В. Репников, один из современных исследователей русского консерватизма второй половины XIX столетия,

даже назвал свою работу, в которой разбираются различные стороны художественного творчества мыслителя, ««Эстетический аморализм» в произведениях К. Н. Леонтьева»¹. Правомерность использования данного термина будет рассмотрена при анализе общественно-политических взглядов мыслителя 60-х годов XIX века. Здесь же необходимо отметить, что по мере возмужания Леонтьева эстетика становилась для него мерою всех вещей. Уже в студенческие годы к уму его начала подкрадываться мысль, что нет ничего безусловно нравственного, а все нравственно или безнравственно только в эстетическом смысле. Идея, что критерий всему должен быть не моральный, а эстетический, довольно быстро возобладала над остальными и примерно с двадцать пятого до сорокового года жизни Леонтьева лежала в основе его мировоззрения, проникая в различные произведения этого литератора².

Необходимо отметить оригинальность и самобытность леонтьевского предпочтения «эстетики жизни», то есть красоты, встречающейся в реальной действительности, «эстетике отражений», красоте, воплощенной в шедеврах искусства, и его идеи о превосходстве эстетики над моралью. Эти идеи и представления Леонтьевым не заимствовались, а вырабатывались самостоятельно. В своих эстетических воззрениях предшественников он не имел, ни на Западе, ни в России, — исключая, в известном смысле, А. А. Григорьева, с которым у Леонтьева, как говорилось выше, в рассматриваемую эпоху точек соприкосновения еще не было и который никакого влияния на его эстетические представления 50-х годов XIX века не оказывал. Н. А. Бердяев, несмотря на то, что в общественной и литературной деятельности А. Григорьев выразил себя раньше, чем К. Леонтьев, именно последнего называет «первым русским эстетом», указывая, что «в его время эстетизм был чужд в России всем направлениям»³. По словам К. М. Долгова, анализировавшего леонтьевскую эстетику, этот литератор не занимался изучением произведений выдающихся европейских мыслителей, выдвигавших философско-эстетические концепции: Гегеля, Шеллинга, Шопенгауэра, а потому и «не испытал непосредственного воздействия их идей»⁴. Леонтьев сам в некоторых отношениях оказался — хронологически, а не по преемственности и непосредственному воздействию своей мысли и «текстов», произведений, предтеч эстетики европейской «философии жизни» и одного из ее родоначальников, Фридриха Ницше,

¹ Из воспоминаний К. Н. Леонтьева. С. 464–465.

² Тургенев в Москве... // Русский вестник. 1888. № 3. С. 273.

³ Указ. соч. № 2. С. 103, 105.

⁴ Указ. соч. № 3. С. 271.

⁵ Леонтьев К. Н. Письмо провинциала... С. 14.

⁶ Он же. По поводу рассказов... С. 24.

⁷ Он же. Письмо провинциала... С. 6, 13.

¹ Репников А. В. «Эстетический аморализм» в произведениях К. Н. Леонтьева. М., 1999.

² Тургенев в Москве... // Русский вестник. 1888. № 3. С. 282–283.

³ Бердяев Н. А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2. С. 30.

⁴ Долгов К. М. Указ. соч. С. 110.

эстетики, предпочитавшей «становление», живой, органический процесс, «ставшему», его механическому результату.

Вероятно, некоторое влияние на леонтьевский эстетизм оказал Тургенев, не раз советовавший своему молодому другу: «Смелей бросайтесь в жизнь! Смелей! Женщины! Лошади, товарищи... Greiff't hinaus ins vollen Menschenleben!»¹. Сказанную Тургеневым фразу почти дословно повторяет герой романа Леонтьева «В своем краю» Василий Милькеев, который провозглашает: «... Давайте нам женщин, вина, лошадей и музыку!»². Но Милькеев (за которым стоит сам автор произведения) — проповедник «хищного», виталистического эстетизма, который практически ничего общего с эстетикой собственно Тургенева не имеет и невыводим из нее. Это еще раз доказывает, что корни, истоки эстетических идей и представлений К. Леонтьева следует искать в особенностях его творческой индивидуальности, в специфике его личности.

Эстетические воззрения Леонтьева были явлением органическим, глубинным и даже экзистенциальным, и именно развитие своеобразных эстетических взглядов, ставших «визитной карточкой» Леонтьева как писателя, публициста и историософа, составляло важнейшее, наиболее заметное и оригинальное направление его идейно-мировоззренческой эволюции. Однако в либеральный период эстетические взгляды Леонтьева только вызревали и не получили еще сколько-нибудь полного воплощения в тех или иных литературно-художественных формах.

Начало правления и первые преобразования Александра II Леонтьева воодушевили, а крестьянскую реформу он, по словам А. М. Коноплянцева, встретил «с восторгом»³. Оценку Коноплянцева повторяет современный исследователь А. А. Корольков⁴. Данной точки зрения придерживаемся и мы: эпоха реформ воспринималась Леонтьевым как «какой-то рассвет, какая-то умственная весна... порыв, ничем не удержимый!»⁵. «... Заря занимается, свежим воздухом повеяло... Великий народ пробуждается к великой жизни... Великая, деятельная, разумная жизнь начинается»⁶, — писал об этом времени и А. А. Григорьев. Леонтьеву, как и подавляющему большинству по-европейски образованных русских людей, не без оснований казалось, что от толчка, данного преобразованиями, силы России

¹ «Окунитесь во всю полноту человеческой жизни!» (нем.). Цит. по: Долгов К. М. Указ. соч. С. 20.

² Леонтьев К. Н. В своем краю // Собр. соч. Т. 1. М., 1912. С. 401.

³ Коноплянцев А. М. Указ. соч. С. 45.

⁴ Корольков А. А. Указ. соч. С. 10.

⁵ Леонтьев К. Н. Плоды национальных движений на православном Востоке // Восток... С. 553.

⁶ Григорьев А. А. Безвыходное положение (из записок ненужного человека) // Аполлон Григорьев. Воспоминания. С. 328–329, 337.

удесятерились. Он с оптимизмом взирал не только на ближайшие перспективы, но и на отдаленное будущее своего отечества, был непоколебимо уверен и в сердечной, и в умственной правоте тех, кто выступал за реформы. Тех же, кто либеральному движению не сочувствовал, Леонтьев, вполне в духе своего времени, считал людьми сухими, ограниченными и «отсталыми»¹.

С середины 50-х по начало 60-х гг. XIX века русский либерализм, вполне сформировавшийся как общественно-литературное направление, переживал период кратковременного расцвета². Исходным моментом активизации либерального движения послужило «небывалое отрезвление», испытанное русским обществом в эпоху Крымской войны, и, в целом, во второй половине 50-х³. В отечественной историографии высказывалось мнение, что неудача Крымской кампании привела к практически «повальному увлечению либерализмом»⁴, хотя это, конечно же, является преувеличением. Так или иначе, благодаря военному поражению усилился критический дух, начала действовать оппозиция, либеральные настроения охватили широкий круг людей, включая представителей правящего слоя империи. Либеральные идеи становились фактом общественной жизни, силы либерализма консолидировались⁵. Уже при жизни Николая Павловича появились планы заведения рукописной либеральной публицистической литературы⁶. С воцарением Александра II, в 1855–1856 гг., еще во время Крымской войны, ее произведения начали широко распространяться по России, вызывая к себе большой общественный интерес⁷; кроме того, заметно увеличилось число подписчиков на легальные политические журналы⁸. Затем в дворянских собраниях и в созданных для проведения крестьянской реформы губернских комитетах развернулась напряженная борьба между сторонниками и противниками преобразований по вопросу об освобождении крестьян. Вместе с другими реформаторами в этих учреждениях на основе либерально-эмансипационной программы сотрудничали славянофилы и западники; либералы, считавшие крепостную зависимость грубейшим нарушением естественного права человека на свободу, играли

¹ Леонтьев К. Н. Плоды национальных движений... С. 553.

² Гоголевский А. В. Указ. соч. С. 5, 42; Левин Ш. М. Указ. соч. С. 348, 349.

³ Китаев В. А. Указ. соч. С. 25.

⁴ См. Дамье Н. В. К. Н. Леонтьев и классическое славянофильство // Кентавр. 1994. № 1. С. 33.

⁵ Габидулина Н. Либерализм в России (историко-философский анализ) // Вестник высшей школы. 1992. № 7–9. С. 73.

⁶ Левин Ш. М. Указ. соч. С. 348.

⁷ Китаев В. А. Указ. соч. С. 38.

⁸ Левин Ш. М. Указ. соч. С. 352, 353, 395.

большую роль в постановке крестьянского вопроса¹. Они участвовали в разработке программы реформ, осуществлявшихся правительством в 1861–1874 годах², подавали новому императору адреса, защищавшие либеральные идеи и принципы: освобождение крестьян с землей за выкуп по справедливой цене, отмену цензуры, сословий, разделение властей, введение гласности судопроизводства и суда присяжных, равенства всех перед судом и т. п., активно выступали с аналогичной платформы в печати; часть их (дворянские либералы) инициировала и поддерживала конституционное движение³.

К. Н. Леонтьев во всей этой деятельности участия не принимал. В данный период общественно-политическая борьба его, как уже говорилось, интересовала скорее как созерцателя — эстета, чем как активного деятеля. Либеральным веяниям нового царствования Леонтьев лишь радовался, и, согласно мнению А. А. Александрова, которое автор данной работы поддерживает, «дальше по пути «прогресса»... и тогда не заботился ничуть идти». Он занимался практической медициной, писанием и отделкой своих художественных произведений, «личными привязанностями и увлечениями, ... борьбой за материальное существование, ... чтением, и старался к тому же жить как можно полнее»⁴. При этом основной круг чтения К. Леонтьева составляли книги по естествознанию, философии, русской и иностранной изящной литературе. В 1858–1860 годах, то есть накануне реформы, когда образованная часть российского общества была охвачена кипением политических страстей, Леонтьев, по словам Коноплянцева, «подводил итоги выяснявшегося своего эстетического мирозерцания»⁵.

Н. А. Шестаков пишет, что в молодости Леонтьев сотрудничал с либеральными газетами⁶. Это соответствует истине, однако реальные результаты такого сотрудничества свелись лишь к публикации в литературном отделе редактируемых либералами «Московских ведомостей» двух художественных произведений Леонтьева — повести «Благодарность» и очерка «Ночь на пчельнике»⁷, причем повесть увидела свет еще в 1854 г., т. е. тогда, когда николаевская цензура была особенно строгой. Суровые цензоры сочли возможным позволить напечатать ее, то есть не нашли в ней

ничего умственно предосудительного. Следует добавить, что помимо либеральных газет сотрудничал он и с либеральными журналами, но не избегал и изданий, которые некоторые историографы считают консервативными («Библиотека для чтения»)¹, публиковал же главным образом беллетристику. В либерально-западнических «Отечественных записках» до конца 1861 г. вышло несколько его художественных вещей — повести, комедия и роман, а в «Библиотеке для чтения» увидела свет повесть Леонтьева «Второй брак». Эти работы, в том числе напечатанные в «Московских ведомостях», не отмечены сколько-нибудь явственными чертами принадлежности ни к либеральному, ни к какому-либо иному общественно-политическому течению. Леонтьев и сам называл характер своих ранних художественных произведений «каким-то бессмысленным»², то есть весьма неопределенным. Они всецело аполитичны. Лишь «обличительный» и проникнутый западническими тенденциями рассказ молодого писателя «Сутки в ауле Биюк-Дортэ» да некоторые проанализированные выше абзацы литературно-критических статей «Письмо провинциала к г. Тургеневу» и «По поводу рассказов Марка-Вовчка», которые публиковались в тех же «Отечественных записках»³, несут на себе заметный отпечаток либерально-демократических идеалов. Эти же идеалы заставили его защищать интересы кудиновских крестьян, ущемлявшиеся его матерью, Феодосией Петровной, очень консервативно настроенной по отношению к реформе⁴.

Вот и все, что можно записать в актив К. Леонтьева как либерала-практика. Суммируя то, что о либеральных его воззрениях говорилось выше, можно повторить сказанное ранее о его же демократизме: леонтьевский либерализм был неопределенным, неярким, малооригинальным

¹ Вопрос об общественно-политической ориентации этого журнала дискусионен. По мнению А. А. Корнилова, приводимому авторами монографии «Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика», возглавивший его с 1856 г. известный критик А. В. Дружинин пытался превратить его в «серьезный орган консервативного направления, причем в английском духе» [См. Русский консерватизм XIX столетия... С. 205.]. Согласно А. А. Корнилову, Дружинин мечтал «о создании в России партии просвещенных консерваторов...» [Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 234.]. Однако на страницах политического раздела этого журнала выступали А. Ф. Писемский, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, поэтому обоснованно и утверждение Н. Габидулиной о том, что дружининская «Библиотека для чтения» проводила либеральные идеи [См. Н. Габидулина. Указ. соч. С. 72. См. также Левин Ш. М. Указ. соч. С. 395].

² Леонтьев К. Н. Где разыскать мои сочинения после моей смерти? // Русское обозрение. 1894. Кн. 8. Т. 28. С. 814.

³ Он же. Сутки в ауле Биюк-Дортэ // Отеч. записки. 1858. № 7; Он же. Письмо провинциала к г. Тургеневу // Там же. 1860. № 5; Он же. По поводу рассказов Марка-Вовчка // Там же. 1861. № 3.

⁴ См. Коноплянцев А. М. Указ. соч. С. 45.

¹ См. Новикова Л., Сиземская И. Идеи истоки русского либерализма // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 130.

² Гоголевский А. А. Указ. соч. С. 6.

³ Там же. С. 45–47.

⁴ Александров А. А. Указ. соч. С. 263.

⁵ Коноплянцев А. М. Указ. соч. С. 42.

⁶ Шестаков Н. А. Указ. соч. С. 57.

⁷ Леонтьев К. Н. Благодарность // Московские ведомости. Литературный отдел. 1854. №№ 6–9, 10; Он же. Ночь на пчельнике // Московские ведомости. Лит. отдел. 1857. № 146.

и неглубоким, и в литературной, и в общественной деятельности этого мыслителя он проявился слабо. Либерализм Леонтьева был не только поверхностен, но и неорганичен для его мирозерцания, в отличие, например, от либерализма Т. Н. Грановского, И. С. Тургенева, Б. Н. Чичерина, К. Д. Кавелина и многих других общественно-политических деятелей России 40-х годов и второй половины XIX столетия. Обращение Леонтьева в либерала определялось главным образом конкретно-историческими обстоятельствами, в которых проходило становление его личности: ростом в России в последние годы правления Николая I либерально-оппозиционных настроений, которые охватывали все более широкие круги русской общественности, жизнью и учебой Леонтьева в Москве, важнейшем на рубеже 40-х — 50-х годов XIX века центре отечественного либерализма, тесным общением с И. С. Тургеневым и другими крупнейшими московскими (и российскими в целом) либералами-западниками. Эти сильные и многообразные влияния пришлись на переходный в жизни К. Леонтьева период, когда он превращался из юноши во взрослого человека, и к системе ценностей, ко взглядам и идейным установкам старшего поколения, «отцов»¹, настроенных консервативно и охранительно, относился критически, подобно множеству его сверстников. Этот критицизм стал предвестником такого все более заметного с середины XIX столетия явления в русской жизни, которое Г. Флоровский назвал «восстанием «детей» против «отцов»...»². Таким образом, мы поддерживаем, развиваем и конкретизируем на историческом материале точку зрения Ю. В. Андронova, А. Г. Мячина и А. А. Ширинянца, считающих, что в рассматриваемый период общественно-политические взгляды К. Н. Леонтьева представляли собой «не что иное, как аморфный либерализм, обусловленный духом эпохи и окружающей обстановкой»³.

Следует подчеркнуть, что уже в 50-е годы базис леонтьевского мирозерцания составляли представления эстетические, тогда как либеральные взгляды всего лишь наслаивались на них, были явлением «надстроечным». Когда оригинальные и органически-самобытные эстетические воззрения Леонтьева созрели в достаточной степени, выявилось коренное несоответствие им наносных, заимствованных либеральных идей, и наступил кризис леонтьевского либерализма. Это означало вторую «переоценку ценностей», второй «умственный перелом». Кризис разрешился путем замены либеральных представлений представлениями в целом консервативного плана, в гораздо большей степени соответствовавшими тому эстетическому базису, на который они наложились и из которого в значительной

¹ В случае К. Леонтьева правильнее было бы сказать — «матерей».

² Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 285.

³ Андронов Ю. В., Мячин А. Г., Ширинянец А. А. Указ. соч. С. 7.

степени выросли. К. Леонтьев и сам считал, что решающим импульсом его перехода к консерватизму в политике служил момент эстетический¹. В этом не сомневается и большинство исследователей его творчества: А. А. Александров, А. М. Коноплянцев, П. Ф. Преображенский, Н. А. Бердяев, Н. А. Шестаков, В. И. Косик, А. Г. Мячин и, вместе с ним, Ю. В. Андронов, А. А. Ширинянец, а также В. М. Тишуков, М. Ю. Чернавский, Д. М. Володихин, М. М. Цимерман². Б. А. Грифцов считал, что поворот Леонтьева к политическому консерватизму являлся внешним показателем завершения создания им своей эстетической теории³.

Юношеский либерализм К. Леонтьева был преодолен и отвергнут после долгих и порою мучительных сомнений. К рассмотрению процесса перехода его на консервативные позиции мы и приступим.

1.2. Изменение общественно-политических позиций К. Н. Леонтьева в начале 60-х годов XIX века

Новая «переоценка ценностей» началась и завершилась в столице, куда Леонтьев приехал из родового Кудиново в конце декабря 1860 г.⁴ для того, чтобы выступать там с лекциями, речами, романами и публицистическими статьями, в которых хотел развить свои оригинальные и становящиеся все более ясными ему самому представления о прекрасном, «о ценности разнообразия в жизни, о развитии сильной личности»⁵. Он полагал, что правильное понимание ботаники, зоологии, френологии и социологии

¹ Леонтьев К. Н. Два графа... С. 459.

² Александров А. Указ. соч. С. 268; Коноплянцев А. Указ. соч. С. 57; Преображенский П. Ф. Александр Герцен и Константин Леонтьев (сравнительная морфология творчества) // Печать и революция. 1922. № 2. С. 84; Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 47, 49; Шестаков Н. А. Указ. соч. С. 58. Косик В. И. Указ. соч. С. 17; Мячин А. Г. Социально-политические взгляды К. Н. Леонтьева: Дис. ... канд. полит. наук. М., 1998. С. 15; Андронов Ю. В., Мячин А. Г., Ширинянец А. А. Указ. соч. С. 8; Тишуков В. М. К. Н. Леонтьев о русском либерализме и новые реалии XX века // Человек — сам себе непонятный. Новгород, 1997. С. 106; Чернавский М. Ю. Указ. соч. С. 26; Володихин Д. М. «Высокомерный странник». Философия и жизнь Константина Леонтьева. М., 2000. С. 10; Цимерман М. М. Общественно-политические взгляды К. Н. Леонтьева в системной реконструкции и интерпретации: Дис. ... канд. полит. наук. Уссурийск, 2001. С. 61.

³ Грифцов Б. А. Указ. соч. С. 305.

⁴ Александров А. А. Указ. соч. С. 264.

⁵ Коноплянцев А. М. Указ. соч. С. 46.

как науки, основанной на законах естествознания, разовьет в обществе то эстетическое мирозерцание, которым дышал он сам, и заставит большинство людей стать умнее, великодушнее, энергичнее и даже красивее внешне, а для пропаганды этих воззрений задумывал «великие творения», которые должны будут произвести «революцию», сперва в России, а потом — во всем человечестве¹. Одним из таких «творений» явился роман «В своем краю», опубликованный в 1864 г. в «Отечественных записках» (Кн. V–VII), и в том же году вышедший отдельным изданием.

Под «революцией» Леонтьев, вне всякого сомнения, понимал переворот не социально-политический, а идейный и, в известном смысле, духовный. Подобно Л. Н. Толстому, думавшему, что достаточно будет большинству людей лишь захотеть стать моральными, как на земле воцарятся мир и любовь, он считал, что стоит большинству приобрести хороший вкус, эстетический взгляд на жизнь и послушать его проповеди, как мир наполнится «новым, неслыханным разнообразием блага и зла, всяких антитез и всякой поэзии, начиная от идиллии «Старосветских помещиков» и кончая трагизмом народных мятежей», и жизнь тогда станет похожа на «благородную драму, на величавую трагедию, на красивую оперу»².

Мысль, что стоит лишь понять «истину» и разъяснить ее людям, как ее победа в жизни обеспечена, сама по себе утопична. Она, в частности, была одной из характерных иллюзий ряда утопических социалистов, таких как Ш. Фурье, Р. Оуэн, К. А. Сен-Симон, которые верили в то, что их учение «победит силой истины, в нем заключенной»³. Сходные представления — и самого Леонтьева, и Толстого, трудно не назвать утопическими.

При этом эстетическая утопия, с которой выступал в то время К. Н. Леонтьев, в отличие от моралистических утопий Л. Н. Толстого никакого общественного резонанса не вызвала. В 60-е годы XIX столетия образованное русское общество интересовало совершенно другое, в первую очередь — проводившиеся в России реформы⁴ и острые социальные вопросы, возникавшие в связи с их осуществлением. Большинство интеллигенции жило гуманистическими, либерально-демократическими идеями и стремлениями, склонялось к утопическому морализму, мечтало о равенстве, конституции и т. п.⁵, все более проникаясь при этом материализмом и утилитарными ценностями. Согласно В. В. Леонтовичу, утилитаризм, реализм (т. е. материализм), а также рационализм и возведение в абсолютный идеал жизни и свободы являлись самыми выдающимися отличительными чертами духовного развития русского общества между 1857

¹ Из воспоминаний... С. 467.

² Александров А. А. Указ. соч. С. 265.

³ Смирнова З. В. Социальная философия А. И. Герцена. М., 1973. С. 265.

⁴ Коноплянцев А. Указ. соч. С. 46.

⁵ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 49; Флоровский Г. Указ. соч. С. 287; Долгов К. М. Указ. соч. С. 58.

и 1870 годами¹. Поэтому образованным россиянам было не до эстетики, и культ красоты, утверждаемый Леонтьевым, был чужд людям 60-х годов². Большинство их (от Д. И. Писарева до Л. Н. Толстого), напротив, стремились к «разрушению эстетики»³. Слишком резкое отличие мыслей и настроений Леонтьева от мыслей и настроений, господствовавших в эту эпоху⁴, а также неподготовленность русского общества к их восприятию и были, по нашему мнению, основными причинами того, что его идеи остались в реформируемой России практически незамеченными.

Время перелома А. А. Александров датировал с осени 1861 г. по осень 1863 г.⁵ Пик его пришелся на 1862 г., что отмечал А. М. Коноплянцев и о чем писал сам Леонтьев⁶. Однако первые признаки поворота его к консерватизму и охранению прослеживаются уже на страницах литературно-критического очерка «По поводу рассказов Марка-Вовчка», опубликованного в мартовском номере журнала «Отечественные записки» за 1861 год. В одном из его пассажей Леонтьев обрушивается на «друзей прогресса», пишущих «народные, обличительные и любовные повести»: он считает, что их произведения — «сброд, в котором нет ни реальной, ни эстетической правды»⁷. Таким образом, начало перехода мыслителя в ряды консерваторов следует отнести не к осени, а к весне 1861 г., т. е. уже к первым месяцам его пребывания в Петербурге.

Именно в период второго «умственного перелома» у него сформировалось серьезное отношение к политике и начали складываться твердые политические убеждения. Политикой, внутренней и внешней, Леонтьев в это время заинтересовался по-настоящему: видя начало глубоких изменений, происходящих в России в связи с реформами Александра II, находясь в эпицентре важнейших событий, в столице огромной империи, он понял, что «нельзя оставаться и лично в каком-то беспристрастном созерцании, ... что надо решиться быть на той или другой стороне»⁸ общественно-политической жизни.

По мнению А. М. Салмина, Манифест 19 февраля 1861 года послужил одним из толчков для перехода Леонтьева «к твердой и обдуманной реакционности»⁹. Мы данной точки зрения не разделяем: как отмечалось

¹ Леонтович В. В. Указ. соч. С. 183.

² Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 46.

³ Флоровский Г. Указ. соч. С. 288.

⁴ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 46.

⁵ Александров А. А. Указ. соч. С. 269.

⁶ Коноплянцев А. Указ. соч. С. 54; Леонтьев К. Н. Два графа... С. 458–459.

⁷ Леонтьев К. Н. По поводу рассказов Марка-Вовчка // Он же. Собр. соч. Т. 8. С. 17, 18.

⁸ Александров А. А. Указ. соч. С. 268.

⁹ Салмин А. М. Политическая историософия Константина Леонтьева // Русская политическая мысль... С. 97.

выше, крестьянскую реформу Леонтьев принял с воодушевлением, на протяжении 60-х годов, о чем будет говориться ниже, оценивал ее позитивно, и даже в более поздний период находил в ней положительные черты¹. Так, в публикации от 15 марта 1863 г. как на «чрезвычайно достойную черту» одного ученого помещика, чье имя не называется, Леонтьев указывал на то, что последний еще задолго до Манифеста 19 февраля 1861 г. («до эмансипации») освободил своих крестьян с землей и «жил почти одним жалованьем»². Возможно, А. М. Салмин развивает точку зрения Н. Л. Мещерякова, писавшего, что «падение крепостного права произвело на Леонтьева потрясающее впечатление»³, но о том, что это «потрясающее впечатление» подвигло его к охранительству, тем более — к реакционности, прямо не говорившего. Мнение Салмина о переходе Леонтьева в 60-е годы XIX века к «твердой и обдуманной реакционности» мы также считаем не соответствующим действительности. Более подробно об этом будет сказано ниже.

Сильное влияние на воззрения К. Леонтьева на рубеже 50-х — 60-х оказали Александр Герцен и Дж. Ст. Милль⁴. Именно они, как это ни парадоксально на первый взгляд, более, чем какие-либо другие мыслители или же события общественно-политической жизни страны, способствовали его переходу на консервативные позиции. Из революционно-демократического учения Герцена и либерального учения Милля Леонтьев сделал свои собственные, совершенно оригинальные антидемократические и антилиберальные выводы. В этом в полной мере сказалась специфика его индивидуального мышления.

К. Н. Леонтьев, по справедливому замечанию знатока его творчества С. Н. Дурылина, был «одним из прилежнейших читателей Герцена»⁵, и старался знакомиться со всеми его сочинениями. В период кризиса либерально-демократических воззрений мыслителя его отношение к Герцену стало двойственным. Как издателя и автора статей русской революционной газеты «Колокол» Леонтьев уже с начала 60-х гг. стал его ненавидеть, и не только ненавидеть, но даже не уважать, зато герценовские инвективы по поводу «буржуазности и прозы новейшей Европы»⁶ он воспринял как аутентичное выражение своих собственных взглядов. По мнению,

¹ *Леонтьев К. Н.* Владимир Соловьев... С. 482–483.

² Он же. Наше общество и наша изящная литература // *Голос*. 1863. 15 марта. № 63.

³ *Мещеряков Н. Л.* У истоков современной реакции // *Литературное наследство*. М., 1935. Т. 22–24. С. 427.

⁴ См. *Фудель И. К.* К. Леонтьев и В. Соловьев в их взаимных отношениях // *Русская мысль*. 1917. Кн. XI–XII. С. 30.

⁵ *Дурылин С. Н.* Указ. соч. С. 479.

⁶ *Леонтьев К. Н.* Кто правее?... С. 668.

высказанному им позднее в беседе с А. А. Александровым, «со стороны своего отвращения к буржуазному прогрессу Герцен очень полезен — он просто незаменим»¹.

Действительно, в своих произведениях периода эмиграции, известных Леонтьеву, Герцен, по словам В. В. Зеньковского, с «неподражаемой силой» рисует «острое отвращение к буржуазной («мещанской») психологии»². Это чувство, как и разочарование в Западной Европе, появилось у А. И. Герцена еще в 1847 году³, когда он только попал на чужбину, но окончательно овладело им после подавления Июньского восстания 1848 г. в Париже⁴. После Июньских дней лейтмотивом всего, что писал Герцен, в том числе — посланий к друзьям, являлся мотив увядания и распада старого мира⁵. Испытания 1848 года, по его убеждению, обличили умирание «западного старика», разложение элементов, составляющих его организм⁶. Особенно рельефно разочарование в Западе и неприязнь к европейской буржуазии, к «вечно обвешивающим, вечно обмеривающим лавочникам»⁷, выражены в «Письмах из Франции и Италии» и в книге «С того берега», создававшихся на протяжении 1847–1852 годов⁸. Последнюю из этих работ З. В. Смирнова называла самым скептическим и пессимистическим произведением духовного отца «русского социализма»⁹, а П. Ф. Преображенский полагал, что именно в ней сосредоточен «пафос его жизни и творчества»¹⁰. Почему же смыкавшийся, сотрудничавший с либералами-западниками К. Леонтьев воспринял герценовскую критику европейской буржуазной культуры?

Причина этого — в «сродстве «природы»¹¹ двоих мыслителей, в близости эстетических интенций Герцена и Леонтьева. Им обоим, в той или в иной степени, был присущ своего рода эстетический романтизм. Выше мы видели, что эстетом-романтиком являлся Леонтьев. Герцен также искал

¹ Цит. по: *Александров А. А.* Указ. соч. С. 267.

² *Зеньковский В. В.* Указ. соч. С. 73.

³ *Смирнова З. В.* Указ. соч. С. 85.

⁴ См. *Зеньковский В. В.* Указ. соч. С. 78; *Воровский В. В.* Был ли Герцен социалистом? // Он же. Литературно-критические статьи. М., 1956. С. 380. Период идейного развития Герцена, связанный с его реакцией на Революцию 1848 года во Франции, принято называть временем его «духовной драмы» (См. *Смирнова З. В.* Указ. соч. С. 140).

⁵ *Смирнова З. В.* Указ. соч. С. 146.

⁶ Там же. С. 205.

⁷ *Герцен А. И.* Джон Стюарт Милль и его книга «On Liberty» // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XI. М., 1957. С. 69.

⁸ Комментарии // Герцен А. И. Собр. соч.: В 8 т. М., 1975. Т. 3. С. 481, 497.

⁹ *Смирнова З. В.* Указ. соч. С. 243.

¹⁰ *Преображенский П. Ф.* Указ. соч. С. 83.

¹¹ Выражение К. Н. Леонтьева, см. *Леонтьев К. Н.* Кто правее?... С. 668.

в красоте не только эстетического наслаждения, но и ответа на романтические искания своей души¹. И для Герцена, и для Леонтьева глубокое эстетическое чувство было одним из важнейших свойств их натуры². Как и К. Н. Леонтьев, А. И. Герцен остался верен эстетическому подходу к жизни до самой кончины³. Поэтому неудивительно, что в страстной критике Герценом духовного строя, духовного мира Западной Европы с особенной силой звучал эстетический мотив, а его обличение моральной ограниченности и духовного ничтожества европейского мещанства (буржуазии) определялось не только социально-политическими принципами, которые он исповедовал, но и, как писал В. В. Зеньковский, эстетическим отвращением к данному феномену как таковому⁴. Зеньковский, а вместе с ним от Г. Флоровский и П. Ф. Преображенский считали герценовскую критику Запада эстетической *par excellence*⁵. Морально-эстетическим назвала подход Герцена к оценке буржуазии З. В. Смирнова⁶.

Одним из первых точку зрения об эстетическом неприятии мещанства этим «дворянским революционером» высказал К. Леонтьев, оценивавший любые явления, в том числе социально-политические, с позиций своего эстетизма. Последнему именно данная, т. е. эстетическая сторона нелюбви Герцена к буржуазии Запада внутренне была близка и понятна: как говорилось выше, он сам с ранних лет испытывал бессознательную эстетическую неприязнь к некоторым элементам буржуазной культуры (к «буржуазному» европейскому платью), и, позднее, к «плебейству» буржуазии. Исходя из этого, следует согласиться с мнением В. М. Камнева, считавшего, что чувство «контрастного эстетического отвращения от общеевропейского стандарта, начиная от деталей усредненной моды и кончая серой посредственностью суждений благоразумно-пошлых европейских умов» было у Леонтьева изначальным⁷. Поэтому нельзя сказать, что Леонтьев *заимствовал* у Герцена выработанные им взгляды на западное мещанство. Скорее, благодаря его влиянию он осознал и сформулировал *свою собственную*, основанную на оригинальных эстетических установках, точку зрения на данное явление в целом.

Весьма показательно следующее. Сочинения Герцена, как и другую «прогрессивную» литературу, в том числе — периодические издания, Леонтьев читал уже с конца 40-х — начала 50-х годов XIX века. Книги

¹ Зеньковский В. В. Указ. соч. С. 101.

² Преображенский П. Ф. Указ. соч. С. 79.

³ Зеньковский В. В. Указ. соч. С. 86.

⁴ Там же. С. 79.

⁵ Флоровский Г. Указ. соч. С. 305; Преображенский П. Ф. Указ. соч. С. 80–81.

⁶ Смирнова З. В. Указ. соч. С. 90, 96.

⁷ Камнев В. М. Россия как культурно-исторический тип и феномен (К. Леонтьев) // Христианство и русская литература. СПб., 1999. Сб. 3. С. 368.

«Письма из Франции и Италии», «С того берега» и другие произведения Герцена, в которых он эстетически, по мнению К. Леонтьева, развенчивал европейскую буржуазию, были известны последнему хотя бы в неполном объеме еще в николаевскую эпоху. Так, первые четыре главы («письма») «Писем из Франции и Италии», уже содержавшие острую критику западного мещанства и устанавливаемого им общественного порядка, под заглавием «Письма из Avenue Marigny» были опубликованы в №№ 10, 11 журнала «Современник» за 1847 год, и вызвали ожесточенную полемику среди друзей Герцена о роли буржуазии в развитии общества¹. На эти «Письма...», в которых резко отрицательные суждения о мещанстве занимали, по оценке З. В. Смирновой, главное место², откликнулись В. П. Боткин, Т. Н. Грановский, А. Д. Галахов, Е. Ф. Корш, М. А. Бакунин, В. Г. Белинский³. Леонтьев должен был ознакомиться с данной публикацией «дворянского революционера» не позднее 1850–1851 гг., т. е. периода своего первого «умственного перелома», когда он примкнул к лагерю сторонников либерализма и демократического прогресса. Однако герценовские инвективы в адрес западного мещанства были восприняты им только на стыке 50-х — 60-х, т. е. тогда, когда развитие его собственных эстетических взглядов подготовило для этого необходимую почву.

Дж. Ст. Милль повлиял на Леонтьева в том же направлении, что и Герцен. Позитивист Милль, буржуазный либерал по социально-политическим взглядам, был самым авторитетным философом в англоязычном мире в течение XIX столетия, прославившись своей защитой индивидуализма и представительного правления⁴. Часть отечественных авторов относит его к теоретикам классического либерализма, часть считает связующим звеном между старым, классическим, и новым, постклассическим, либерализмом⁵. На общественно-политические взгляды Леонтьева оказал воздействие трактат Дж. Ст. Милля «О свободе». Эта книга, вышедшая в начале 1859 г., вызвала в русском обществе значительный резонанс⁶; в англоязычных странах она считается классической и переиздается до сих пор⁷. Однако прак-

¹ О ней см. Смирнова З. В. Указ. соч. С. 91–96; Габидулина Н. Указ. соч. С. 75; Комментарии // Герцен А. И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. С. 482; Черноуцан И. В. В. Воровский — литературный критик // В. В. Воровский. Литературно-критические статьи. С. 25.

² Смирнова З. В. Указ. соч. С. 89.

³ Там же. С. 91.

⁴ Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К. Буржуазная философия середины XIX — начала XX века. М., 1988. С. 49, 51.

⁵ Либерализм в России. С. 71.

⁶ Веселовский А. Н. Западное влияние в новой русской литературе // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М., 1997. С. 322.

⁷ Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К. Указ. соч. С. 51.

тически никто — ни в России, ни на Западе, не воспринял ее так, как ее воспринял К. Н. Леонтьев. Единственным исключением являлся, пожалуй, лишь А. И. Герцен, что само по себе чрезвычайно симптоматично. В указанной работе Дж. Ст. Милля, главным образом в третьей ее главе, «Об индивидуальности как об одном из условий человеческого благополучия»¹ Леонтьев увидел, во-первых, талантливое выражение близких ему самому идей о необходимости максимальной силы и разнообразия человеческих характеров², а также общественных положений³. Леонтьев считал, что «при разнообразии и глубине характеров и произведения ума, и действия людей бывают глубоки и сильны»⁴, а это совершенно необходимо для существования столь ценной им «эстетики жизни».

Однако гораздо более важной явилась для него намеченная Миллем в той же третьей главе картина современного состояния Запада и господствующих тенденций его социально-политического развития. Леонтьев из этой картины вынес следующее. Главенствующей силой в «передовых» странах, и, следовательно, во всем мире, оказывается масса, посредственность⁵. Все люди, все умы в Европе упрощаются, становятся пошлыми и схожими⁶, сводятся к единому типу⁷ и постепенно утрачивают всякое понятие о разнообразном развитии характеров, об индивидуальности и ее пользе⁸. Европа «решительно стремится к китайскому идеалу — сделать всех одинаковыми»⁹; условия, формирующие различные классы общества и различных людей, условия, создающие их характеры, с каждым днем становятся на Западе все однообразнее¹⁰. Таким образом, там происходит процесс всеобщего уподобления, всеобщей ассимиляции¹¹, и это уподобление, эта ассимиляция, растет и растет. Ей благоприятствуют все новейшие социально-политические перевороты, которые возвышают низшие классы и принижают высшие, а также распространение образованности, улучшение путей сообщения, усиление торговли и промышленности.

¹ См. Милль Дж. Ст. О свободе. СПб., 1906. С. 107–149.

² Леонтьев К. Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Восток... С. 410, 414.

³ Там же. С. 416, 417.

⁴ Там же. С. 410.

⁵ См. Милль Дж. Ст. Указ. соч. С. 130–131.

⁶ Леонтьев К. Н. Сквозь нашу призму // Восток... С. 309.

⁷ Он же. Средний европеец... С. 412.

⁸ Он же. Кто правее?... С. 637.

⁹ Он же. Средний европеец... С. 411. Ср. «Европе... грозит участь сделаться вторым Китаем», она «несомненно постепенно приближается к китайскому идеалу уравнивания людей под одну общую мерку» — Дж. Ст. Милль. Указ. соч. С. 144, 146.

¹⁰ Леонтьев К. Н. Средний европеец... С. 411.

¹¹ Он же. Культурный идеал и племенная политика // Восток... С. 606.

Но в наибольшей степени этой нивелировке способствует авторитет общественного мнения — «собираетелной бездарности»¹, которая лишает нонконформистов самой наималейшей поддержки. Своеобразие личности соединение вышеперечисленных причин убивает².

Идеи такого рода в рассматриваемом трактате Милля действительно содержались³, но не они, а защита буржуазных прав и свобод определяли основной его пафос. На мысли и умонастроения, сходные с вышеупомянутыми мыслями и умонастроениями Дж. Ст. Милля, Леонтьев должен был обратить внимание и при чтении герценовских работ, в частности, книги «С того берега»⁴, и не только. В 50-е — 60-е годы внимание Герцена особенно привлекала «развивающаяся при господстве буржуазии стандартизация жизни, «стирание» личностей, выступление на первый план посредственности»⁵. Весьма показательна в данном отношении его работа «Концы и начала». При этом в подтверждение своих критических наблюдений А. И. Герцен ссылается на ее страницах именно на миллевский трактат «О свободе»⁶.

С годами, под воздействием критических по отношению к современной западной цивилизации представлений Дж. Ст. Милля и А. И. Герцена, у Леонтьева зародилась мысль, что в результате осуществления «средне-буржуазного торгового идеала» Европу ожидает не только «мертвенное однообразие», но и смерть «всего наивного, энергического и утонченного»⁷. Поэтому «однообразие воспитания и положений, к которому стремится Европа, есть гибель»⁸ — гибель для истории и культуры, поскольку именно разнообразие, по мнению Леонтьева, определяло их богатство и силу, порождало вдохновлявшую его «поэзию жизни».

Именно благодаря своеобразно воспринятому влиянию Милля и Герцена Леонтьев, в отличие от массы представителей своего круга, перестал считать современную ему Европу эталоном социально-политического устройства, хотя в юности общественная жизнь западных наций казалась ему «оживленнее, утонченнее и выше нашей» и его не отталкивали

¹ Леонтьев К. Н. Средний европеец... С. 411.

² Там же. С. 412.

³ См. Милль Дж. Ст. Указ. соч. С. 144–149.

⁴ Герцен А. И. С того берега // Он же. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. С. 271–272, 322, 323.

⁵ Смирнова З. В. Указ. соч. С. 250.

⁶ Герцен А. И. Концы и начала // Он же. Собр. соч.: В 30 т. Т. XVI. М., 1959. С. 141, 145, 148.

⁷ Леонтьев К. Н. (подп. Ив. Русонетов) С Дуная II // Одесский вестник. 1867. 16 сент. № 202.

⁸ Он же. Национальная политика как орудие всемирной революции // Восток... С. 519.

изображения «типичных страданий или неудобств» социального устройства Европы, встречавшиеся в иностранных книгах¹. Впрочем, оснований преувеличивать эти чувства и считать, что в юношеский период своей жизни Леонтьев испытывал пламенную любовь к Западу, тем более — преклонялся перед ним, автор данной работы не видит.

Но если ранее к либерально-демократическим идеалам и ценностям, присущим европейской культуре, Леонтьев, как говорилось выше, относился благожелательно, то размышления над очерком «О свободе» Дж. Ст. Милля и работами Герцена, однако, подчеркнем еще раз, не над проникнутыми революционным духом публикациями «Колокола», а над теми, в которых критиковался Запад с его мещанством, привели к тому, что уже в начале 60-х гг. «западное равенство и бездушное однообразие демократического идеала» ему разонравилось². С 1861—1862 годов к формам и духу «новейшей европейской жизни», выражениями которой Леонтьев считал рационализм, «цилиндры», «пиджаки» и т. п., он проникается философской ненавистью³.

На утверждении в сознании мыслителя негативного отношения к либерализму и демократии сказало и долгое, почти двухлетнее общение в Петербурге со столичной либерально-демократической интеллигенцией, с теми, кого он впоследствии назвал «второстепенными редакторами, плохими и озлобленными фельетонистами, незначительными докторами и т. д.»⁴. Леонтьев был знаком с представителями различных течений как либерального, так и демократического лагерей, в том числе с радикалами, например, с И. А. Пиотровским, сотрудником «Современника», «учеником и пламенным поклонником Чернышевского и Добролюбова»⁵. Неприязню по отношению к петербургским либерально-демократическим кругам в целом проникнута статья Леонтьева «Наше общество и наша изящная литература», опубликованная в №№ 62, 63, 67 газеты «Голос» в марте 1863 г. Он обвинял их представителей в дурном прогрессизме и эстетическом безвкусию, утверждая, что эти люди «самое плохое новое, вчерашнее, предпочитают самому прекрасному и оригинальному, но старинному, хотя бы и близкому по духу с этим ново-плохим», например бесцветную, но свеженапечатанную демократическую статью — книгу Ж. Ж. Руссо, а материализму Вольтера — «материализм сегодняшнего фельетона»⁶.

¹ Леонтьев К. Н. Записка о необходимости... С. 214.

² Он же. Плоды национальных движений... С. 554.

³ Он же. Письмо к В. В. Розанову от 14. 8. 1891 г. // Русский вестник. 1903. № 6. С. 421.

⁴ Из воспоминаний... С. 465.

⁵ Александров А. А. Указ. соч. С. 266.

⁶ Леонтьев К. Н. Наше общество... // Голос. 1863. № 62. 14 марта.

Контакты со столичной либерально-демократической интеллигенцией помогли ему лучше разобраться в ее общественно-политических взглядах. У Леонтьева сложилось стойкое мнение, подтверждавшее выводы, сделанные им из учений Милля и Герцена, что идеал всех этих сторонников по-европейски понимаемого общественного прогресса — «не просто гражданское равенство, а полнейшее однообразие общественного положения, воспитания и характера». Эстетическая сторона перспективы всеобщего однообразия его ужаснула¹, и это разрушило симпатии Леонтьева сначала к демократическим идеалам, а потом и к либерализму. Однако о социально-политической подоплеке процесса универсализации и нивелировки он в этот период, по-видимому, еще не задумывался.

Прежде всего Леонтьев понял, что с его эстетическими позициями несовместимы в первую очередь взгляды нигилистические и революционно-демократические, поэтому от учений, проповедуемых журналами «Русское слово» и «Современник», отвернулся с негодованием². И. С. Тургенев и многие другие либералы с конца 50-х тоже не могли воспринимать «Современник» «без негодования и омерзения»; даже Герцен в своих статьях «Very dangerous!!!», «Лишние люди и желчевики» выступил против направления, отстаиваемого этим журналом³, но никто из вышеперечисленных деятелей отказываться от своих идейных установок не собирался. У Леонтьева же сформировалось чувство «ранней ненависти к демократии», которое отчётливо проявилось в его отношении к Н. А. Добролюбову, к тому же «Современнику» и к «гуманности» Н. А. Некрасова, для К. Леонтьева — лживой⁴.

Леонтьев пришел к убеждению, что разнообразие «положений и чувств», необходимое для его «поэзии жизни», «развивается благодаря неравенству и борьбе», поэтому её поддержание требует «форм и видов» человеческого развития, закрепляющих общественное неравенство. К такого рода «формам и видам» он отнёс монархию, чины, привилегии, знатность, военных и «самый вид войск», пестроту «положительных вероучений» — всё то, к чему в течение предыдущего десятилетия Леонтьев был равнодушен и порой недоброжелателен, чем прежде был готов охотно пожертвовать — отчасти во имя гуманизма, отчасти для «поэзии либерального движения». Теперь же он стремился противодействовать их «утилитарному разрушению».

¹ Из воспоминаний... С. 465.

² Леонтьев К. Н. Плоды национальных движений... С. 555.

³ Подробнее см.: Китаев В. А. Указ. соч. С. 219—220; Воронский В. В. Указ. соч. С. 382.

⁴ Леонтьев К. Н. Анализ, стиль и веяние // Вопросы литературы. 1988. № 12. С. 204.

Кроме того, мыслитель начал «и жалеть, и любить дворянство», восхищаться М. Н. Муравьевым-Виленским, статьями неопита охранительства М. Н. Каткова¹. Так К. Н. Леонтьев стал консерватором. Фундаментальный консервативно-аристократический принцип необходимости «решительного перевеса» требования качества над требованием количества уже в начале 1863 г. звучит в его статье «Наше общество и наша изящная литература»².

Монархия в перечне леонтьевских святынь консерватизма первой упомянута не случайно. Монархистом, сторонником самодержавия, Леонтьев, обратившийся к охранению, должен был стать прежде всего: сказалось, как признавал он сам, сильнейшее влияние матери, растившей его «в преданиях монархической любви и настоящего русского патриотизма»³, причем, как говорилось выше, мать, Феодосия Петровна, внушала Леонтьеву любовь не столько по отношению к какой-то абстрактной монархии и самодержавию вообще, сколько по отношению к самодержавию конкретному, русскому, к династии царей Романовых, которых она считала едва ли не небожителями⁴. Несколько позднее мыслитель привязался к церкви и к православию. С этого времени он считал, что «благо тому государству, где преобладают... «жрецы и воины» (епископы, духовные старцы и генералы меча), и горе тому обществу, в котором первенствуют «софист и ритор» (профессор и адвокат)... Первые придают *форму* жизни; они способствуют ее охранению; они не допускают до расторжения во все стороны общественный *материал*; вторые по *существу* своего призвания наклонны способствовать этой гибели, этому плачевному всерасторжению...»⁵.

Необходимо отметить, что отказ Леонтьева от либерализма происходил на фоне стремительной радикализации некоторых слоев русской интеллигенции и практически синхронно с временным отходом значительной части русского общества от либеральной идеи, пришедшимся на 1862–1863 годы⁶. По мнению А. В. Гоголевского, серьезные потрясения либерализм испытал еще в 1861 году⁷, т. е. именно тогда, когда К. Леонтьев и начал пересматривать свое к нему отношение. Либералы жаждали от правительства более широких преобразований⁸, ограниченные масштабы реформ вызывали у них разочарование. Подавление властями студен-

¹ Из воспоминаний... С. 465–466; Леонтьев К. Н. Два графа... С. 459.

² Леонтьев К. Н. Наше общество... // Голос. 1863. № 62. 14 марта.

³ Он же. Рассказ моей матери... С. 86.

⁴ Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 238–239.

⁵ Леонтьев К. Н. Два графа... С. 459.

⁶ Гоголевский А. В. Указ. соч. С. 49.

⁷ Там же. С. 47.

⁸ Искра Л. М. Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве и истории. Воронеж, 1995. С. 20.

ческих беспорядков усилило это чувство¹. Тогда же, с 1861 года, в России стали появляться революционные прокламации. «Ошеломляющее», по оценке А. А. Корнилова, впечатление на русское общество произвела прокламация «Молодая Россия» (май 1862 г.)², прямо призывавшая к кровавому террору по отношению ко всем, кто не разделял революционных идей ее составителя, московского студента П. Г. Заичневского. В это же время пожары, устраивавшиеся неизвестными поджигателями, опустошали целые кварталы Петербурга и ряд поволжских городов, в том числе Симбирск. Ответственность за них и полицией, и общественным мнением возлагалась на революционеров — русских или поляков³.

Масла в огонь политических страстей подлило польское восстание 1863 г., которое угрожало территориальной целостности Российской империи. Правительственный либерализм в это смутное время переживал кризис, а в либеральном общественном движении стал обозначаться раскол. По словам того же А. В. Гоголевского, с ростом противоречий между умеренными и крайними течениями либерализма «исчезала и притягательность либеральной идеи»⁴ как таковой. Многие либералы, наблюдая за активизацией революционно-демократических сил, крестьянских выступлений, ожидая «общего европейского волнения», приходили к мысли о том, что революция становится в России реальной возможностью⁵. В этих условиях часть их, опасаясь дальнейшей дестабилизации положения и анархии, быстро рассталась со своими убеждениями⁶ и перешла на консервативные позиции. К этой группе принадлежали К. П. Победоносцев и М. Н. Катков, ставшие столпами русского охранительства, а также теоретик либерального консерватизма западнического толка Б. Н. Чичерин⁷. К ней же относился и К. Леонтьев, хотя, в отличие от остальных представителей данной группы, при переходе в консервативный лагерь он руководствовался не столько политическими, сколько эстетическими соображениями. В. А. Китаев считает, что поворот к охранительству в начале 60-х совершила «основная масса», то есть большинство дворянских либералов⁸. Однако поворот к охранительству не означает превращение в охранителей. Китаев сам признает, что этот поворот «не был сопряжен с отказом от проводившихся правительством буржуазных преобразований»⁹, поэтому мы считаем, что в данном случае справедливо

¹ Гоголевский А. В. Указ. соч. С. 49.

² Корнилов А. А. Курс истории России... С. 246.

³ Там же. С. 246–247.

⁴ См. Гоголевский А. В. Указ. соч. С. 50.

⁵ Китаев В. А. Указ. соч. С. 281.

⁶ Гоголевский А. В. Указ. соч. С. 49.

⁷ См. Искра Л. М. Указ. соч. С. 17–18, 20.

⁸ Китаев В. А. Указ. соч. С. 235, 248, 281.

⁹ Там же. С. 281.

говорить лишь об утрате «основной массой» дворянских либералов симпатий к революционной демократии и, в той или иной степени, демократических компонентов своего идейного багажа, что привело к превращению их не столько в охранителей, сколько в представителей умеренного либерализма, более или менее верноподданных, то есть в тех классических русских либералов, каковыми они известны отечественной истории. Некоторые из них стали сторонниками так называемого «охранительного либерализма», чье политическое кредо Б.Н. Чичерин сформулировал как «либеральные меры и сильная власть»¹. К таким результатам привел процесс размежевания либерализма и демократии, завершившийся в России в начале 60-х².

Заметно большее пополнение, нежели ряды консерваторов, получили в эти годы революционные демократы. Из либерализма выделилось, по терминологии А.В. Гоголевского, «социальное» направление, которое прижилось в среде разночинной интеллигенции. Идеал социализма в интерпретации Н.Г. Чернышевского и А.И. Герцена в 60-е годы XIX века вдохновил тех, кто находился в оппозиции правительственному курсу³. В ряды оппозиционеров радикального толка вливалась главным образом молодежь, так называемые «шестидесятники».

Удары и потрясения, обрушившиеся на русский либерализм в это время, значительно ослабили его силы. До самого кризиса самодержавия на рубеже 70-х — 80-х годов XIX столетия он так и не сумел вернуть себе тех политических позиций и того влияния на умы, которыми обладал в первые шесть — шесть с половиной лет царствования Александра II.

То, что К. Леонтьев покинул стан либералов и то, что он испытал заметное влияние воззрений А.И. Герцена, было в его идейно-политической эволюции начала 60-х достаточно типичным и характерным для образованного русского общества⁴. Однако, наряду с Н.Г. Чернышевским

¹ *Искра* Л.М. Указ. соч. С. 25.

² *Китаев В.А.* Указ. соч. С. 279.

³ См. *Гоголевский А.В.* Указ. соч. С. 50.

⁴ О влиянии Герцена в России в этот период говорят следующие оценки и факты. Издаваемая им газета «Колокол» до 1862 года расходилась в 2,5–3 тысячах экземпляров (*Корнилов А.А.* Указ. соч. С. 250). Для сравнения: в 1854 году общий тираж легального, издававшегося в России журнала «Современник» составлял около четырех тыс. экз., и для своего времени, как отмечал В.В. Кожин, «это был по-своему «массовый» тираж» (*Кожин В.В.* Указ. соч. С. 299–300). Авторитетность герценовского «Колокола» в конце 50-х — начале 60-х годов у либеральной аудитории, т.е. у большей части русской образованной публики, в той или иной степени проникнутой соответствующими умонастроениями, подчёркивает В.А. Китаев (*Китаев В.А.* Указ. соч. С. 209). К.Д. Кавелин в начале 1858 г. утверждал, что едва ли не все благонамеренные и думающие люди в России являлись «более или менее» почитателями А.И. Герцена (См. Там же. С. 206). На широкое распространение изданий последнего и их громадное влияние в России

и Н.А. Добролюбовым, А.И. Герцен был «властителем дум» в первую очередь молодого поколения¹, к которому Леонтьев отнюдь не принадлежал.

Поэтому довольно характерным и закономерным являлся и его переход в правый, консервативно-охранительный, а не в левый, радикально-демократический, лагерь. Но совершенно особая, связанная с таким переходом черта интеллектуальной трансформации К. Леонтьева — восприятие им антизападных и антибуржуазных сторон учения А.И. Герцена, пронизанных, в той или иной степени, своеобразным эстетическим пафосом, при полном отмежевании от его политических идей — концепции «русского социализма», разрабатывавшегося этим «дворянским революционером». Данная особенность предопределялась свойственным самому Леонтьеву оригинальным эстетическим мирозерцанием.

В начале второй «переоценки ценностей» наиболее привлекательной для Леонтьева была позиция, занятая «почвенническим» журналом «Время», издававшимся братьями Ф.М. и М.М. Достоевскими. Этот журнал устраивал его больше, чем такие издания, как «Современник», «Отечественные записки» и «Русский вестник», тоже переходивший с платформы либеральной на платформу консервативную². Он сблизился с одним из главных сотрудников «Времени», Н.Н. Страховым³. Об этом свидетельствует его переписка с последним, начавшаяся не позднее 1863 г.⁴ Под влиянием отвращения, которое вызывал в Леонтьеве «Современник», он стал больше внимания обращать на окружавшую его русскую жизнь, в его душе начали просыпаться «зародыши славянофильских наклонностей». Однако,

указывал и Ф.И. Тютчев (См. *Кожин В.В.* Указ. соч. С. 322). Сам Александр II «от корки до корки прочитывал каждый номер «Колокола»» (*Масарик Т.Г.* Россия и Европа. СПб., 2000. С. 370). Никакого исторического парадокса здесь нет; согласно Н.С. Русанову, «Герцен, ... оставляя почти всегда в стороне свои личные, радикальные взгляды, старался брать среднюю ноту и формулировал с неподражаемым блеском и красотой средние же взгляды тогдашних прогрессистов» (Русанов Н.С. (Подп. В.Г. Подарский) Наша текущая жизнь. (Газетно-журнальное обозрение) // Русское богатство. 1901. № 12. Отд. II. С. 205).

¹ См. *Корнилов А.А.* Общественное движение при Александре II (1855–1881). Исторические очерки. М., 1909. С. 123.

² По мнению В.А. Китаева, к исполнению охранительных функций «Русский вестник» приступил уже с начала 1861 г. (*Китаев В.А.* Указ. соч. С. 227), что выразилось в напаках на печатный орган русской революционной демократии — журнал «Современник». А.И. Герцен отметил соответствующее изменение идейных позиций катковского издания только в 1862 г. — после появления в нем статьи Каткова «К какой принадлежим мы партии?» (Там же. С. 238). Точку зрения Герцена мы считаем более близкой к истине.

³ *Коноплянец А.М.* Указ. соч. С. 56.

⁴ См. письма К.Н. Леонтьева к Н.Н. Страхову. ОР РНБ. Ф. 747. Страхов Н.Н. № 17.

по оценке мыслителя, славянофилы очень сухо относились к различным проявлениям «русского европеизма», в частности, к литературе и к литературным героям, с которыми протекала юность Леонтьева — Рудину, Онегину и другим подобным им персонажам, во «Времени» же он встретил именно то, что ему хотелось — сердечное сочувствие к этому «русскому европеизму», «печальным, но прекрасным идеалам 40-х годов».

Другая черта, которая влекла Леонтьева к этому журналу больше, чем к московскому славянофильству — то, что «Время» менее строго смотрело на, по выражению этого мыслителя, «психическую» сторону так называемого «женского вопроса», которая его интересовала больше, чем «гражданская», т. е. политическая сторона данной проблемы¹.

В целом мнение редакции «Времени» Леонтьев понимал так: «В будущем мы желаем для России жизни полной и широкой, но своеобразной донельзя; перед этим своеобразием пусть побледнеет и покажется ничтожным наше полуевропейское недавнее прошедшее. Однако и к этому недавнему прошедшему мы не можем относиться без теплоты. И в нем мы видим элементы, без которых не может обойтись богатая национальная культура и жизнь; мы бы желали только, чтобы эти общие элементы приняли бы более русские формы»². Фактически это была точка зрения не столько издателей и авторов «Времени», сколько самого К. Леонтьева. Так выглядел его социокультурный идеал в рассматриваемый, «переходный», период, и он его сформулировал, правда с опозданием — только в 1869 году, в статье об Аполлоне Григорьеве, выполненной в форме письма к Н. Н. Страхову.

По фундаментальным общественно-политическим вопросам «Время», на взгляд Леонтьева, интересных и своеобразных позиций не выработало, и кроме «простой демократии, которая с большей силой и ясностью проповедовалась в «Современнике», ничего не давало...»³. Поэтому остановиться на «Времени» он не мог. Его стало привлекать московское славянофильство, причём всё сильнее и сильнее⁴.

Еще в 1857 году славянофилы, в рамках кампании «беспощадной борьбы», которую они объявили западникам и проводили на страницах принадлежавшей им газеты «Молва»⁵, подвергли К. Леонтьева критике⁶; только в январе 1858-го он сам закончил работу над «обличительной» и заостренной против славянофильских и официально-охранительных

¹ Леонтьев К. Н. Несколько воспоминаний... С. 531–534.

² Там же. С. 535.

³ Там же. С. 534–535.

⁴ См. Там же. С. 534.

⁵ См. Китаев В. А. Указ. соч. С. 80.

⁶ См. Лонгинов М. Н. Письмо к И. И. Панаеву от 2. 6. 1857 // Панаев И. И. Литературные воспоминания, с приложением писем. СПб., 1888. С. 416.

представлений о «гнилости» Запада и превосходстве над ним России повестью «Сутки в ауле Биюк-Дортэ»¹. Однако всего лишь через несколько лет, в 1862–1863 годах, идеями, «более или менее близкими к идеям Хомякова и Аксакова» Леонтьев проникается настолько, что, по его собственным словам, начинает «жить» ими².

Это вполне закономерно, хотя на первый взгляд кажется довольно парадоксальным. Под влиянием Герцена и Милля К. Н. Леонтьев быстро превращался в антиевропеиста, противника парламентской демократии; недоверие к Западу и враждебность по отношению к его социально-политическим институтам испытывали славянофилы³. Сближало Леонтьева со славянофилами и то, что всем формам власти он предпочитал правление монархическое, самодержавное. И его самого, и большинство славянофилов отличал страстный русский патриотизм. Патриотом Леонтьев был на протяжении всей своей жизни, поэтому разочарование в Европе компенсировалось у него, как и у Герцена, и, вероятно, не без влияния со стороны мыслителя-эмигранта, верой в Россию. Самого Герцена, тоже горячо любившего свою родину, вера в Россию в конце 40-х гг. XIX в. «спасла... на краю нравственной гибели»⁴. «Дворянский революционер» начал возлагать упования на русскую общину, рассматривая ее как «животворящий принцип» русского народа и считая что она составляет особенность, самобытность России⁵ — вслед за ним «полюбил» ее, хотя и не по-герценовски, К. Н. Леонтьев. Он проникся культурософскими, а не социально-утопическими, как Герцен, симпатиями к русскому простонародью, стал рассчитывать на преобразование отечественных общества и культуры национальными, самобытно-русскими началами, поверив в их силу. Эти начала должны были, по мнению Леонтьева, Россию от Запада обособить и направить по пути, который позволит ей избежать растворения в обще-европейском буржуазном культурно-бытовом типе. Вера в русский народ и в Россию в том смысле, что они откроют новую, незападную страницу всемирной истории, высокая оценка крестьянской общины как исконного

¹ См. Леонтьев К. Н. Сутки в ауле Биюк-Дортэ // Отеч. записки. 1858. Кн. 7. С. 252. К данному времени серьезная литературная полемика между западниками и славянофилами, согласно оценке В. А. Китаева, «фактически иссякла». Ее апогей пришелся на март — апрель 1857 года (Китаев В. А. Указ. соч. С. 82).

² Леонтьев К. Н. Плоды национальных движений... С. 555.

³ Цимбаев Н. И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 1986. С. 119.

⁴ Герцен А. И. Письма из Франции и Италии. Предисловие к изданию 1858 г. // Он же. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. С. 8. Также см. Зеньковский В. В. Указ. соч. С. 79, 80.

⁵ См. Герцен А. И. Письма из Франции и Италии. Предисловие... С. 12; Также см.: Зеньковский В. В. Указ. соч. С. 80; Смирнова З. В. Указ. соч. С. 148, 163.

и специфического славяно-русского социального учреждения, — все эти представления, утвердившиеся в сознании Леонтьева, очевидно, во многом благодаря чтению работ А. И. Герцена, были другими пунктами, общими у него со славянофилами. Свои наклонности в этот период и в несколько более позднее время он называл «почти в славянофильском смысле народническими»¹.

Утверждению у Леонтьева интереса к славянофильству способствовало и такое общественно-политическое событие, как уже упоминавшееся польское восстание 1863 года. Воспользовавшись им, Англия и Франция начали оказывать давление на Россию, стремясь добиться от нее удовлетворения требований восставших. В европейской прессе развернулась широкая антирусская кампания, вся западная дипломатия выступила против действий России в Польше. Возникла угроза новой европейской войны, такой же масштабной как и Крымская война 1853–1856 годов, угроза интервенции, вооруженного вмешательства Запада в польские дела². Все это, как и, по всей вероятности, осмысление опыта самой Крымской войны, происходившее на фоне умственного разочарования Леонтьева в «европействе», убедило его в непреодолимой, фундаментальной враждебности Запада по отношению к России и усилило внимание мыслителя к славянофильским идеям. «С тех пор [со времен польского восстания 1863–1864 года — С. Х.] все стали несколько более славянофильски»³, — писал он.

Однако ни переход на консервативно-охранительные позиции, ни (и это уже не парадоксально, а вполне закономерно) влияние Герцена и Милля, равно как сближение со славянофилами в начале 60-х, не поколебали позитивного характера отношения Леонтьева к реформам Александра II. Напротив, скорее он еще больше поверил в них. Вместе с людьми «славянофильского оттенка» Леонтьев в этот период полагал, что эмансипационные процессы в России это «совсем не то», что западные, что они приведут к иным результатам, и даже русский либерализм на русской же почве «принесет непременно особые, хорошие, национальные плоды»⁴.

Он непоколебимо верил, что в результате эмансипации правящая верхушка России, её интеллигенция станут гораздо более русскими, близкими к формам национальной культуры, чем при Николае I. В его правление, полагал Леонтьев, Россия была «недостаточно своеобразна

в высших сферах своих, ... была слишком похожа на Европу», и он с радостью увидел некоторое принижение этих высших сфер и значительное возвышение низших. Леонтьев надеялся, что образованные классы России погрузятся в «народное море», «сгустят» его ещё больше и сами окрасятся яркими неевропейскими красками, что «мужики и мещане ..., теперь более свободные», научат образованные слои «жить хорошо по-русски», укажут им, «какими господами» им следует быть, предоставят «живые образцы русских идей, русских вкусов, русских мод..., русского хорошего хозяйства, наконец». Более всего Леонтьев верил в экономические успехи русских простолюдинов, а также в «особливый» здравый смысл и могучую религиозность народа, в благоразумное и едва ли не дружеское отношение его к землевладельцам и т. д.¹, то есть исповедовал целый комплекс вполне славянофильских идей и взглядов.

В то же время Н. В. Дамье пишет, что в начале 60-х Леонтьев разочаровался в благонамеренности русского мужика, в его могучем охранно-государственном инстинкте и понял, «что он ценен... своим невежеством, которое делает его неспособным расшатать устои византийской государственности»². Эта точка зрения крайне уязвима для критики. Во-первых, в рассматриваемое время Леонтьев ни о какой «византийской государственности» еще и не думал. О ней он начал размышлять только находясь в Турции, являвшейся исторической преемницей Византии. Второе. Факт «разочарования» в «благонамеренности мужика и его могучем охранно-государственном инстинкте» предполагает, что до того этими качествами Леонтьев был очарован. Когда? В период своего «тургеневского» либерализма? Крайне сомнительно, к тому же в источниках никаких указаний на это нет. В начале 60-х, испытывая умственный перелом, расставаясь со своим приобретенным в салонах «западничеством», он только начал верить, вслед за А. И. Герценом и славянофилами, в русский народ, в его здоровые исторические силы, и если Леонтьев когда-либо и очаровался пресловутой «благонамеренностью мужика и его могучим охранно-государственным инстинктом», то это должно было случиться именно в данный период, период перехода к консервативным воззрениям. Во всяком случае, вышеприведенное мнение Н. В. Дамье нельзя признать верным.

Как видим, в рассматриваемое время Леонтьев испытывал тягу к славянофильству и заметное влияние с его стороны. Но воспринимал он его очень и очень своеобразно, через призму собственного оригинального мировидения. Необходимо помнить, что и такое «славянофильство» К. Леонтьева было вторичным, что лицом к славянофильству его «повернул»

¹ *Леонтьев К. Н.* Мои воспоминания о Фракии // *Русский вестник*. 1879. № 3. Т. 140. С. 270.

² Подробнее см.: *Дудзинская Е. А.* Славянофилы в пореформенной России. М., 1994. С. 66; *Кожин В. В.* Указ. соч. С. 333.

³ *Леонтьев К. Н.* Грамотность и народность // Он же. Записки отшельника. М., 1992. С. 366.

⁴ Он же. Плоды национальных движений... С. 555.

¹ Там же. С. 554–555.

² *Дамье Н. В.* Указ. соч. С. 44.

А. И. Герцен, который сам после фиаско европейской революции 1848 года по некоторым позициям, в частности, по вопросам о русской поземельной общине и об отношении России к Западу, приблизился к славянофилам идейно¹. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что настоящим славянофилом К. Леонтьев даже в начале 60-х, когда его мировоззренческие установки активно сближались с мировоззренческими установками адептов славянофильства, не был.

На чертах сходства и различия взглядов А. Герцена и славянофилов следует остановиться подробнее.

И Герцен, и славянофилы критически относились к «представительным» формам политической жизни, развивавшимся в Западной Европе, полагали, что западный мир находится в процессе умирания и в той или иной степени противопоставляли ему мир славянский, были убеждены в том, что Россия «моложе» Западу и «способнее» к социальному преобразованию, нежели народы Европы. И Герцен, и славянофилы считали, что русская сельская община сыграет в ее возрождении ведущую роль, связывали общинный быт русского крестьянина с особенностями «народного характера»², полагали, что будущее развитие России должно определяться самобытными «стихиями» русской жизни, выявившимися в ходе ее истории³, и отдавали предпочтение патриархальному «человеку полей» перед городским пролетарием⁴. Данные идеи отвечали характеру общественно-политических представлений К. Леонтьева в рассматриваемый период, и их с Герценом и славянофилами в большей или в меньшей степени он должен был разделять.

Однако важнейшую причину одряхления Запада Герцен видел в отсутствии у него сил для социальной революции, а славянофилы — в том, что изначально порочны были духовные начала (мысль и вера), руководствуясь которыми развивались европейские страны⁵. Для Леонтьева, отвергавшего политическую сторону учения Герцена, точка зрения славянофилов была более приемлема.

По-разному смотрели славянофилы и Герцен на сельскую общину и на проблему помещичьего землевладения. Для Герцена сельская община являлась учреждением, в котором воплощался прежде всего известный

¹ Проблема «Герцен и славянофилы» исследовалась Н. С. Державиным и З. В. Смирновой. См.: *Державин Н. С. Герцен и славянофилы // Историк-марксист. 1939. № 1. С. 125–145; Смирнова З. В. Указ. соч. С. 194–229*, а также: *Поляков Л. В. Опасность с Запада: антилибералистский синдром в русской мысли XIX века // Либерализм в России. С. 382–384; Воронский В. В. Указ. соч. С. 381; Левандовский А. А. Указ. соч. С. 246.*

² *Смирнова З. В. Указ. соч. С. 222–224.*

³ Там же. С. 207.

⁴ Там же. С. 223.

⁵ См. Там же.

экономический принцип¹. Он видел в ней зародыш социалистической формы собственности, развитие которого приведет страну к социализму, минуя капитализм². Для славянофилов экономические принципы устройства общины имели второстепенное значение. Они воспринимали ее как воплощение религиозно-нравственных начал «истинного», т. е. православного христианства, и идеализировали патриархальные отношения, лежащие в основании крестьянской общины. У славянофилов она была призвана играть роль охранительную: ограждать Россию от развития буржуазно-капиталистических отношений и социалистического движения³. Леонтьев в своей оценке общины, как и в вопросе о помещичьем землевладении, был, безусловно, ближе к славянофилам, чем к Герцену. Последний выступал за ликвидацию помещичьего землевладения, славянофилы же стремились его сохранить⁴. Леонтьеву, для сохранения и поддержания культурно-бытового разнообразия, «эстетики жизни», нужны были обе формы землевладения: и помещичья, и общинная⁵.

Однако нет никаких оснований считать что он, подобно славянофилам и Герцену, отрицательно относился к существовавшим тогда в России политическим формам, к «петербургскому самодержавию», то есть к режиму, установившемуся в стране со времен Петра I, полагал, что он не отвечает потребностям исторического развития России⁶ и стремился найти для нее иной образ политического устройства, нежели установившийся самодержавно-бюрократический строй⁷. Скорее всего намерения К. Леонтьева, ставшего сознательным монархистом, хотя бы и «эстетическим», были более охранительными, чем у славянофилов, не говоря уж о Герцене. Ценил Леонтьев приверженность первых не только к монархии, но и к православию, тогда как Герцен данные черты славянофильского учения подверг уничтожающей критике⁸.

По всей вероятности, в тот же период — период второго «умственного перелома», «с 60-х годов», как писал Леонтьев, он практически полностью забросил занятия естественными науками, перестал активно интересоваться новейшими открытиями и достижениями в данной сфере⁹.

¹ Там же. С. 219.

² Там же. С. 221.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 220.

⁵ См. *Леонтьев К. Н. В своем краю. С. 417.*

⁶ *Смирнова З. В. Указ. соч. С. 224.*

⁷ Там же. С. 228.

⁸ Там же. С. 201.

⁹ См. *Леонтьев К. Н. Письмо к Т. И. Филиппову от 29. 4. 1888г. // РГАЛИ. Ф. С. Н. Дурьлина. Письма К. Н. Леонтьева к Т. И. Филиппову. Машинописная копия.*

Относительное разочарование в Западе было для него разочарованием и в европейской образованности, учености и науке. Поэтому, обогатив свой ум значительными запасами естественнонаучных знаний, теорий, концепций, появившихся до начала 60-х годов XIX века и наложивших неизгладимый отпечаток на весь строй его мышления, Леонтьев посчитал свою подготовку в этой области более чем достаточной. Необходимую роль она в его жизни уже сыграла, и дальнейшее накопление естественнонаучного багажа стало излишним. Следует предположить, что, утрачивая активный интерес к естествознанию, Леонтьев прекратил также изучение наук и паранаук, связанных с антропологией — краниоскопии, френологии, физиогномики и т. д., и отказался от возникшей в студенческие годы мечты о «великом обновлении человечества»¹ путем устройства его «на прочных физиономических основаниях, справедливых, неизблемых и приятных»². Это произошло благодаря тому, что Леонтьев «со всей очевидностью и присущей ему трезвостью ума (...) осознал неосуществимость своего юношеского идеала»³.

1.3. Общественно-политические взгляды Леонтьева в период превращения его в консерватора

В начале (а также на всем протяжении) 1860-х годов бурно развивалось и находило воплощение в своеобразных художественных произведениях эстетическое мирозерцание К. Леонтьева, окрашенное в контрастно-романтические тона и выходящее далеко за рамки общепринятой и повсеместно проповедуемой морали. Его эстетика уже в рассматриваемый период фокусировалась на рельефной игре природно-исторических (в том числе общественных) сил, включала в себя, по словам В. М. Камнева, «все то, что своей чудовищностью манифестирует, являет жизнь как мощь». Леонтьеву было важно само это кипение, напряжение, стремление, в котором, по его убеждению, и заключалась настоящая жизнь⁴.

В годы второго «умственного перелома» Леонтьев вывел свою собственную «формулу» красоты, которую не изменял уже до конца жизни: «Красота есть единство в разнообразии». Впервые она появляется на страницах

¹ Из студенческих... С. 494.

² Там же. С. 498.

³ Гагарин А. С. Кризис европоцентризма и судьба России (культурологические воззрения К. Н. Леонтьева и О. Шпенглера) // Культуры в диалоге. Екатеринбург, 1992. С. 19.

⁴ Камнев В. М. Указ. соч. С. 370, 371.

романа «В своем краю»¹, работа над которым велась в 1858–1863 годах. Этот роман был завершен, по всей вероятности, еще до отъезда К. Леонтьева на Восток², т. е. до ноября 1863 г. Подобно роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?», законченному в том же году, он являлся литературно-художественным выражением всего спектра этических, эстетических, и, в конечном итоге, общественно-политических воззрений своего создателя. Данное произведение, по замыслу К. Леонтьева, должно было выполнять ту же роль, которую сыграло произведение выдающегося революционного демократа: роль пропагандиста и агитатора, «наставника жизни». В литературном отношении роман Леонтьева написан несравненно более талантливо и гораздо более интересно, чем произведение Н. Г. Чернышевского. Однако по причинам, указывавшимся выше, роман «В своем краю», в отличие от «Что делать?», практически никакого влияния на русское общество не оказал и, по всей вероятности, оказать не мог. Он до сих пор почти неизвестен сколько-нибудь широким кругам ценителей и знатоков отечественной литературы.

Чем больше развивается человек, писал Леонтьев в своем «программном» романе, тем больше он верит в прекрасное и тем меньше — в полезное³. Прекрасное было для него важнее полезного, «широкое развитие» — важнее счастья, «народность», т. е. национально-культурная самобытность, нужнее демократии и гуманности — особенно в России⁴, которая, как считал мыслитель, не должна быть похожей на страны Запада.

Прекрасное, полагал он, никогда не гибнет, а становится достоянием истории и помогает человечеству в ее постижении: «вооружаясь прекрасным, мы понимаем и любим историю»⁵.

В рассматриваемый период прекрасное само по себе являлось для Леонтьева целью жизни, мерил, приложимым ко всем ее проявлениям, единственным универсальным критерием. Понятие прекрасного, красоты было для него тесно связано с понятием силы. Если какое-нибудь явление сильно, то оно «прекрасно в своем роде», писал мыслитель⁶. Нравственность он считал только уголком прекрасного, «одной из полос его...»⁷. Милькеев, фактически — главный герой романа «В своем краю», которого Б. А. Грифцов называл «предвестником нищестанства, неожиданно

¹ Леонтьев К. Н. В своем краю. С. 420.

² См. аналогичную точку зрения: Он же. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 2. СПб., 2000. С. 428.

³ Он же. В своем краю. С. 414.

⁴ Он же. Письмо к Н. Н. Страхову от 20. 5. 1863 г. // Он же. Избранные письма (1854–1891 гг.). СПб., 1993. С. 41.

⁵ Он же. В своем краю. С. 414.

⁶ Он же. Наше общество... // Голос. 1863. № 67. 20 марта.

⁷ Он же. В своем краю. С. 282, 304.

появившимся в 60-х годах»¹ и который выражал авторскую позицию, «прекрасным» оправдывает всё, в том числе и насилие². Жестокая, но духовно насыщенная эпоха Возрождения или век Людовика XIV с его и мрачными, и пышными сторонами прекраснее, а потому, для К. Леонтьева, предпочтительнее Европы XIX столетия, мирной, зажиточной и умеренной³.

Насилия как такового, т. е. борьбы и зла, полагал он в начале 60-х, бояться не следовало, а нужно было и злу, и добру дать полную свободу; тогда творчество добра заметно усилится. Такого рода свобода, по Леонтьеву, была во все великие эпохи, и только та нация велика, в которой «добро и зло велико»⁴. Эта его мысль перекликается с идеями Дж. Ст. Милля, считавшего, что в памяти потомства прославились такие века, в которые людям предоставлялась свобода вести особый образ жизни по собственному своему выбору⁵. Вполне возможно, что здесь мы опять имеем дело с творчески переработанным влиянием этого английского философа на Леонтьева.

Поскольку «зло на просторе родит добро», то жертвы и трагедии не страшны: «кровь не мешает небесному добродушию». В XIX веке, согласно К. Леонтьеву, ужасны не пороки, а пошлость, бессилие и безличие, сон, равнодушие и лавочная осторожность⁶. Всякое яркое, неординарное явление он, с позиций своей героической эстетики, считал более ценным, чем множество явлений обыденных, ординарных. Так, «одно столетнее величественное дерево дороже двух десятков безличных людей»⁷.

Всеобщей бесцветности, которую, по мнению мыслителя, несет с собою буржуазный прогресс, он предпочитал войну, «поэтические суеверия и доблестные предассудки»⁸.

Вышеприведенные высказывания и постулаты К. Н. Леонтьева неоднократно давали повод для обвинения его в «эстетическом имморализме». Однако по мнению автора данной работы термин «эстетический имморализм» по отношению ко взглядам Леонтьева, в том числе рассматриваемого периода, некорректен. Имморализм означает «отрицание моральных устоев и общепринятых норм поведения в обществе, нигилистическое отношение ко всяким нравственным принципам»⁹. Воззрения Леонтьева

под данное определение не подпадают. Он не отвергал морали как таковой, считая ее, как было сказано выше, одной из категорий прекрасного, которое Леонтьев только предпочитал морали, причем предпочитал как целое части. «... Добрая нравственность и самоотвержение *ценны* [курсив мой — С.Х.]... как одно из проявлений прекрасного, как свободное творчество добра»¹ — писал он. Следовательно, нигилистом по отношению ко нравственным принципам К. Леонтьев не был.

Не отрицал он, даже на словах, подобно настоящим аморалистам, и общепринятых норм поведения. Он выступал исключительно против морали, которая, с его точки зрения, лишена черт прекрасного, то есть против морали буржуазной, морали современной ему Европы, и выступал с позиций романтического эстетизма, что делало его одним из предшественников Ф. Ницше. Как Ницше двумя десятилетиями позднее, Леонтьев утверждал иную, антибуржуазную мораль, мораль, основанную на эстетическом чувстве², мораль аристократическо-героическую. Поэтому достаточных оснований считать его аморалистом не существует. Данной точки зрения придерживаются и такие исследователи творчества Леонтьева, как В. В. Зеньковский и А. Ф. Сивак³. «Эстетическим имморализмом» его взгляды можно называть лишь условно, обязательно оговаривая при этом, что речь идет не об отказе Леонтьева от этики ради эстетики, а лишь о предпочтении им эстетики перед этикой, причем последняя являлась для него неотъемлемой частью первой. Поэтому вполне правомерно ставить вопрос об особой, эстетической, этике К. Леонтьева.

Нетрудно заметить, что его эстетика во многих отношениях являлась натуралистической. Естественнонаучный по своему происхождению натурализм Леонтьева с утонченным всеобъемлющим эстетизмом сочетался вполне органично, и в целом его мировоззрение начала 1860-х годов можно определить именно как «эстетический натурализм» или «натуралистический эстетизм».

Наличие и взаимосвязь натуралистического и эстетического компонентов во взглядах К. Н. Леонтьева отмечали многие исследователи его творчества, в частности Н. А. Бердяев и В. В. Зеньковский⁴. Вслед за ними сближение, а порой и совпадение эстетических и натуралистических критериев у этого русского мыслителя акцентировал С. Н. Пушкин⁵. Однако характеристика «эстетический натурализм» более всего подходит как раз

¹ Грифцов Б. А. Судьба К. Н. Леонтьева. С. 301.

² Леонтьев К. Н. В своем краю. С. 304.

³ Там же. С. 414; Он же. Несколько воспоминаний... С. 536.

⁴ Он же. В своем краю. С. 305.

⁵ Дж. Ст. Милль. Указ. соч. С. 125.

⁶ Леонтьев К. Н. В своем краю. С. 305; Он же. Несколько воспоминаний... С. 542.

⁷ Он же. В своем краю. С. 306.

⁸ Он же. Письмо к Н. Н. Страхову от 20. 5. 1863 г. С. 41.

⁹ Советский энциклопедический словарь. М., 1984. С. 50.

¹ Леонтьев К. Н. В своем краю. С. 414.

² «Эстетика неравенства» Константина Леонтьева // Социум. 1992. № 6. С. 78.

³ Зеньковский В. В. Указ. соч. С. 257–260; Сивак А. Ф. Константин Леонтьев. Л., 1991. С. 67–69.

⁴ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 37; Зеньковский В. В. Указ. соч. С. 262.

⁵ Пушкин С. Н. Очерки русской историософии. СПб., 1996. С. 61.

к мировоззрению Леонтьева начала и 60-х годов XIX столетия в целом, поскольку в данный период оно не осложнялось еще наличием мощного православно-аскетического начала, которое с 1870-х заняло доминирующее положение в нем. «Эстетический натурализм» (или, скорее, «натуралистический эстетизм») — гораздо более корректное определение для тогдашней системы взглядов К. Н. Леонтьева, нежели «эстетический имморализм»; в рассматриваемую эпоху общественно-политические взгляды мыслителя были насковозь пронизаны им.

Эстетико-натуралистическими являлись и представления Леонтьева о человеке и обществе. Эстетико-натуралистический подход к комплексу социально-антропологических и социально-исторических вопросов сделал его персоналистом. И хотя персонализм был вполне логичен и закономерен для его эстетико-натуралистического мировидения, заметно, что персоналистские воззрения К. Н. Леонтьева складывались не без влияния соответствующих идей А. И. Герцена и Дж. Ст. Милля. Об индивидуализме (персонализме) Милля уже говорилось выше, Герцена же некоторые современные философы, исследователи его творчества, считают не только индивидуалистом, но и едва ли не предшественником персонализма¹.

Влияние Милля и Герцена на формирование персоналистских воззрений Леонтьева тем более вероятно, что их собственные индивидуалистическо-персоналистские взгляды отражены в очерке «О свободе» первого и в книге «С того берега» второго, которые, как говорилось выше, в свое время оказали заметное воздействие на общественно-политические представления этого русского мыслителя.

Воззрения К. Н. Леонтьева в рассматриваемый период были весьма близки по характеру к ряду идей А. И. Герцена, писавшего, что «лицо... истинная, действительная монада общества»², что личность как таковая — «... вершина исторического мира, к ней все примыкает, ею все живет; всеобщее без личности — пустое отвлечение»³, а личность гениальная, гений — это «роскошь истории, ее поэзия, ее *соур d'Etat*, ее скачок, торжество ее творчества»⁴. Эти слова Леонтьев мог считать выражением своих собственных взглядов.

Герцен защищал «индивидуализм», «независимость», «самобытность» личности, протестовал против подчинения ее «обществу, народу, человечеству, идее» и перенесения «всей самобытности лица на всеобщие, безличные сферы, независимые от него», а также против «нравственной

¹ Смирнова З. В. Указ. соч. С. 289.

² Герцен А. И. С того берега. С. 338.

³ Он же. Несколько замечаний об историческом развитии чести // Он же. Собр. соч.: В 30 т. Т. II. М., 1954. С. 155.

⁴ Он же. С того берега. С. 252.

неволи» человека¹. Великим людям — «развивателям» он отводил большую роль в истории уже в 30-е годы XIX столетия². Данные представления не могли не импонировать К. Леонтьеву и, видимо, оказали определенное воздействие на его взгляды на рубеже 1850-х — 1860-х годов.

Подхватил он и знамя борьбы с господством посредственности, защиты права на нонконформизм, оригинальность и даже эксцентричность способных к проявлению этих качеств человеческих индивидов, которое пытался поднять Дж. Ст. Милль. Однако Милль защищал права и свободы личности буржуазной, его индивидуализм буржуазен, хотя и не лишен элементов аристократизма, или, скорее, элитаризма³, тогда как индивидуализм К. Леонтьева был аристократическим, без сколько-нибудь заметной примеси буржуазности, и в данном отношении Леонтьев гораздо ближе не к Миллю, а к Герцену как автору книги «С того берега», на страницах которой оправдывалось историческое существование избранного меньшинства и социального строя, функционирующего в его интересах⁴.

В этой же работе намечалась усилившаяся в дальнейшем натуралистическая тенденция в понимании русским революционером-эмигрантом истории⁵. Герцен судил о ней в известной степени по аналогии с природой, объяснял исторические процессы с помощью природы⁶. Обращение к последней при истолковании истории составляло важную черту философско-исторических размышлений А. И. Герцена в 50-х — 60-х годах⁷. Он считал, что характерным моментом процесса развития, свойственного и истории, и природе, является его разносторонность, многообразие его форм, существование в нем огромного количества вариаций. На это обстоятельство Герцен обращал внимание уже в 40-е годы XIX столетия⁸. К. Леонтьев повторил эту натуралистическую мысль, утверждая,

¹ Он же. С того берега // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. VI. М., 1955. С. 125–126, 129.

² Смирнова З. В. Указ. соч. С. 38.

³ См. Милль Дж. Ст. Указ. соч. С. 127–128, 130–132. Установки Дж. Ст. Милля оказали влияние на творчество одного из родоначальников современных теорий элиты — итальянского социолога В. Парето (См. Ашин Г. К. Современные теории элиты: критический очерк. М., 1985. С. 41).

⁴ Герцен А. И. С того берега // Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. М., 1975. С. 269–271, 312–313.

⁵ Смирнова З. В. Указ. соч. С. 129.

⁶ См. Там же. С. 47. При этом натурализм в понимании истории сливался у Герцена, как и у Леонтьева, с персонализмом. Он полагал что «в истории... есть... вечный вызов бойцам пробовать силы, идти вдаль куда хотят, куда только есть дорога, — а где ее нет, там ее сперва проложит гений» (Герцен А. И. С того берега // Он же. Собр. соч.: В 30 т. Т. VI. С. 36).

⁷ Смирнова З. В. Указ. соч. С. 232.

⁸ Там же. С. 233.

что природа «обожает разнообразие, пышность форм», но в духе своей оригинальной эстетики развил ее дальше. По примеру природы, писал он, жизнь — и человеческого общества, и каждого отдельного человека — должна быть сложна и богата¹. Поэтому поэзия — квинтэссенция этой сложности и богатства, апофеоз жизненной полноты, есть высший долг и всякой человеческой личности², и, по логике Леонтьева, общества в целом. Он сам старался исполнить этот «высший долг» так, как он его понимал, и настолько, насколько мог.

Главный элемент общественного разнообразия, с тогдашней его точки зрения — личность, которая «выше своих произведений», а наиболее ясная цель истории — «многосторонняя сила личности или односторонняя доблесть ее». Будут истинные, т. е. широко развитые и самобытные, оригинальные люди, считал Леонтьев, будут и великие творения духа³. Не отказался он от этой идеи и позже. «... Есть лица, есть и произведения, есть деятельность всякого рода», — писал Леонтьев в июне 1869 года⁴, а еще во время второго «умственного перелома» ужаснейшей, величайшей жертвой называл жертву развитием своей личности, достоинство которой измерял или ее пользой (что являлось несомненной, но скорее всего единственной данью мыслителя утилитаризму, господствующему умонастроению начала 60-х), или красотой, блеском, силой⁵.

Для процветания общественной жизни, полагал Леонтьев, необходимо не то, чтобы не было нарушений закона, а то, чтобы происходили они «не от вялости или грязного подкупа, а от страстных требований лица!»⁶. Таким образом, в начале «десятилетия реформ» импульсивный, творчески-волевой порыв яркой человеческой личности он ставил выше и писаных законов, и коллективной буржуазной морали. По-видимому, уже в указанный период Леонтьев считал, что «ни государственный суд, ни суд так называемого общественного мнения [мыслитель имел в виду общественное мнение буржуазное — С. Х.], ни полицейская расправа, не исчерпывают бесконечных прав личного духа, до глубины которого не всегда могут достигать общие правила законов и общие повальные мнения людей»⁷. Но написал он об этом только в 1868 г.

То, что социальная почва «своеобразна и глубока даже в незаконных своих произведениях», было для Леонтьева важным показателем силы и плодотворности общественной жизни в целом. Однако суды, по его

мнению, отменять все-таки не следовало: судьи обязаны карать поступки, нарушающие общественный строй¹.

Эти представления Леонтьева были близки к представлениям Дж. Ст. Милля, писавшего в своем трактате: «Всегда окажется неизбежным прибегать к известным мерам сдерживания порывов более сильных натур, если они покушаются нарушать права остальных членов общества; но такое сдерживание вполне возмещается даже с точки зрения человеческого развития»². Можно предположить, что и в данном случае мы сталкиваемся с влиянием Дж. Ст. Милля на формирование воззрений К. Н. Леонтьева. Однако нельзя не заметить, что последний идеи английского философа заметно переосмыслил и весьма своеобразно развил.

Мы выяснили, что уже в эпоху второго «умственного перелома» выдающаяся личность представлялась Леонтьеву, как впоследствии и Ф. Ницше, «солью земли», сутью и смыслом всемирной истории, персонификацией, воплощением исторического процесса как такового. В сущности, Леонтьев возводил личность в ранг наивысшей ценности³ — но личность, и этого не следует забывать, не всякую, а лишь аристократическую, наделенную яркими, исключительными качествами, богатую творческими силами и жизненной мощью, своеобразную и оригинальную вплоть до эксцентричности: пафос его состоял в манифестировании «отличия», в «сохранении своего лица»⁴. Отсутствие великих личностей, «достойных», было для Леонтьева непереносимо⁵, причем особенно непереносимо, по нашему мнению, именно в 60-е годы. Именно тогда, не будучи еще человеком воцерковленным, он должен был особенно остро ощущать утрату историей личностного начала, тосковать по настоящему, подлинному ее субъекту и призывать сильную духом личность, могущую стать соблазнительным примером для остальных. Это ощущение роднило его с богоборцем Ф. Ницше, который испытывал сходные чувства⁶, но — десятилетиями позднее К. Н. Леонтьева.

Последний полагал, что для формирования великих людей нужны широкий досуг, роскошь и, в то же время, «разнообразие представлений», рождаемое неравноправным общественным строем. Только при таких условиях могли, по его мнению, являться Байроны и Шекспиров, Цезари и Потемкины⁷. Эти высказывания К. Леонтьева в значительной мере

¹ Там же.

² Милль Дж. Ст. Указ. соч. С. 124.

³ Панюков А. И. Русская национальная идея в философском творчестве Константина Николаевича Леонтьева // Национальная идея: образование и воспитание (философско-методологические и региональные аспекты). Чита, 1998. Вып. 1. С. 82.

⁴ Камнев В. М. Указ. соч. С. 371.

⁵ См. Там же. С. 377.

⁶ Гагарин А. С. Указ. соч. С. 27–28.

⁷ Леонтьев К. Н. В своем краю. С. 415.

¹ Леонтьев К. Н. В своем краю. С. 414.

² Там же. С. 298.

³ Там же. С. 414.

⁴ Он же. Несколько воспоминаний... С. 538.

⁵ Он же. Наше общество... // Голос. 1863. № 62. 14 марта.

⁶ Он же. В своем краю. С. 415.

⁷ Он же. Грамотность и народность. С. 373.

созвучны некоторым идеям А. И. Герцена, в частности, содержащимся в его книге «С того берега»¹. Существование обществ с неравноправными группами населения «дворянский революционер» считал исторической необходимостью: «... сословность не промах, а возраст»², — писал он.

Герцен признавал, что благодаря исключительным обстоятельствам «меньшинство», то есть аристократия, может получить высокую степень развития, обладать «страшным богатством сил», но нет оснований считать, что те же качества станут когда-нибудь достоянием масс³: «Краса какой-нибудь арабской лошади, воспитанной двадцатью поколениями, нисколько не дает право ждать от лошадей вообще тех же статей»⁴. В массе, по мнению Герцена, «стирается жалкая самобытность отдельных личностей»⁵. Леонтьев мог бы сказать то же самое.

Питательная среда, взращивающая выдающихся представителей человеческого рода — привилегированные социальные группы, аристократия. Таким образом, персонализм и аристократизм Леонтьева взаимно обуславливали друг друга, сливались в его мировоззрении в единое и нераздельное целое, что было совершенно нехарактерно, например, для персоналиста Дж. Ст. Милля, аристократизм которого рудиментарен. Систему его взглядов можно назвать персонализмом буржуазным. Воззрения Герцена содержали более заметные элементы аристократизма, но он в гораздо большей степени был демократом, нежели защитником даже исторически существовавшей аристократии: места для нее в будущем общественном строе человечества он не видел. В конечном итоге Герцен выступал против «принятия» не только выдающейся, но и всякой человеческой личности вообще⁶, считал, что проповедь индивидуализма ведет к свободе революционной, демократической⁷; поэтому его персонализм можно назвать персонализмом демократическим. Все это свидетельствует о том, что отличительные, специфические черты леонтьевского персонализма — персонализма аристократического, формировались помимо, даже вопреки влиянию тех мировоззренческих моделей, носителями которых являлись Герцен и Милль. Они оказали воздействие только на конкретное содержание взглядов К. Н. Леонтьева. Их особенности вырабатывались последним самостоятельно, независимо от Милля и Герцена.

«Истинная аристократия уже тем хороша, — писал Леонтьев не позднее 1863 года, — что она подразумевает многое другое под собой».

¹ Герцен А. И. С того берега // Он же. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. С. 269–270.

² Он же. <Замечания на рукописи Н. П. Огарева «Ответы старому другу»> // Он же. Собр. соч.: В 30 т. Т. XX. Кн. 2. М., 1960. С. 102.

³ Смирнова З. В. Указ. соч. С. 131.

⁴ Герцен А. И. С того берега // Собр. соч.: В 30 т. Т. VI. М., 1955. С. 96.

⁵ Там же. С. 102.

⁶ См. Там же. С. 125–126.

⁷ См. Там же. С. 129.

С уничтожением аристократии, продолжал мыслитель, остаются лишь два начала: народ и «фрачное мешанство», буржуазия. Однако по своему происхождению буржуазия — тот же народ, и любой европейский пролетарий «с ума сходит, как бы ему надеть сюртук, хоть грязный и вонючий, но сюртук!...»¹, т. е. самому стать буржуа. К этой мысли К. Леонтьева, по его собственному более позднему признанию, подтолкнуло опять-таки чтение работ Александра Герцена². Герцен действительно высказывал подобные мысли — в «Западных арабесках», в очерке о Роберте Оуэне, и особенно резко — в «Концах и началах»³. «Работник всех стран — будущий мешанин», — писал он⁴, как бы предвосхищая те перспективы, к которым, при определенных условиях, могло привести воплощение в жизнь знаменитого марксистского лозунга «Пролетарии всех стран — соединяйтесь!».

Согласно Леонтьеву, для разнообразия, для развития «лица», т. е. личности, необходимо было не только общественное неравенство и существование аристократического слоя, но и обособление наций. Под «обособлением наций» он понимал развитие и углубление культурных особенностей, отличающих один народ от другого. «Всякая нация только тем и полезна другой, что она другая: уперлась одна нация в стену, не знает, что делать; поглядела на другую и освежилась!», — говорил он устами предводителя дворянства Лихачева, одного из героев неоднократно цитированного нами романа «В своем краю»⁵. В то же время «лица, богатые дарованием и самобытностью» — лучшее украшение всякой нации, полагал мыслитель⁶.

Одна из основных причин неприязни К. Леонтьева к демократии — мысль о том, что воспитание человеческих характеров в условиях всеобщего равенства, которое, как говорилось выше, он вполне справедливо считал предельной целью, к которой стремились его современники — демократы европейского толка, сделает эти характеры схожими и порода великих людей исчезнет. По-видимому, данная идея возникла у него под воздействием трактата Дж. Ст. Милля «О свободе». Вместе с породой великих людей, полагал Леонтьев, исчезнет также «поэзия жизни» и великое искусство всех жанров. Чтобы этого не произошло, необходимы «страдания и широкое поле борьбы»⁷.

Следует отметить, что перспективы и результаты всеобщего уравнивания вызывали опасения не только у Дж. Ст. Милля, А. Герцена и К. Н. Леонтьева,

¹ Леонтьев К. Н. В своем краю. С. 413–414.

² Он же. Средний европеец... С. 410.

³ Смирнова З. В. Указ. соч. С. 251.

⁴ Герцен А. И. Концы и начала. С. 138.

⁵ Леонтьев К. Н. В своем краю. С. 417.

⁶ Он же. Несколько воспоминаний... С. 538.

⁷ Он же. В своем краю. С. 413.

но и у таких выдающихся мыслителей XIX–XX столетий как Ф. Ницше, О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет, А. Тойнби, Й. Хейзинга, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Н.С. Трубецкой, М. Хайдеггер, Г. Маркузе и многих других. В данном отношении, как и во многих иных, Леонтьева можно считать одним из предшественников этой блистательной плеяды культурфилософов.

При всей своей нелюбви к западным демократиям, в начале 60-х Леонтьев с уважением отзывался о демократических институтах, бывших «архивом народной старины», укорененных в вековых устоях той или иной нации и окутанных «загадочными, темными преданиями»¹. Под таковыми, по всей вероятности, он подразумевал демократические учреждения античных Рима и Греции, а также современной ему Великобритании, но не древнерусское вече, политические институты Новгородской и Псковской феодальных республик и т. п.

Это предположение можно сделать исходя из следующих оснований. Во-первых, Леонтьев был хорошо знаком с историей античного мира, и его «великие республики» нравились ему в юности². В то же время о древнерусских демократических институтах ни в ранних, ни в поздних своих произведениях мыслитель практически не писал и не высказывался.

Во-вторых, даже прожив около года на Афонской горе, в атмосфере, насыщенной «православным византизмом», К. Леонтьев давал весьма положительную оценку Великобритании. Она, по его мнению, являлась продуктом «в высшей степени» естественного, органического развития; «... В Англии, — писал он, — не искали никогда пригвоздить жизнь неподвижным и ясным уставам, а держась крепко древнего отцовского обычая, давали жизни идти понемногу туда и сюда, смотря по обстоятельствам»³. В 1875 году Леонтьев постулировал, что антипатичное ему «выборное начало» торжествует в Британии в столь ценной им «форме корпоративно-феодальной», которой организация этой страны «обязана до сих пор своим величием...»⁴. И в более позднее время, являясь активным проповедником «идейного консерватизма» и «византизма», Леонтьев достаточно высоко оценивал английские конституционные порядки⁵.

Для представителей отечественного дворянства рассматриваемой эпохи такое отношение к последним было вполне типично. Общественное устройство Великобритании нередко служило образцом даже классикам славянофильской доктрины — А.С. Хомякову, А.И. Кошелеву, Ю.Ф. Самарину, И.С. Акса-

¹ Леонтьев К.Н. В своем краю. С. 420–421.

² См. Он же. Рассказ моей матери... С. 86.

³ Он же. Письмо к Ф.Р. Остен-Сакену от 22. 3. 1872г. // Российский архив. 1999. Вып. 9. С. 211.

⁴ Он же. Моя литературная судьба // Литературное наследство... С. 448.

⁵ Он же. Русские, греки и югославы // Он же. Восток, Россия и Славянство. М., 1885. Т. 1. С. 218; Он же. Письмо к К.А. Губастову от 17. 8. 1889г. // Он же. Избранные письма... С. 471; Он же. О либерализме вообще // Восток... С. 218; Он же. Неотчуждаемость дворянского участка и борьба с крамолой // Там же. С. 258.

кову¹. А.С. Хомяков ценил английский политический уклад², нравился ему и британский консерватизм, традиционализм, умение находить компромисс между стариной и нововведениями. Сами консервативные формы английского прогресса также импонировали Хомякову³. Он называл Британию страной «более цельной и разумной, чем вся Западная Европа»⁴, считал, что там лучше, чем в других европейских государствах — Германии и Франции, сохранились в обществе живые, органические начала истории⁵, что «в жилах» этой страны льется «... много живых и свежих соков»⁶. Его симпатии к Англии были настолько сильны, что он предполагал даже значительную роль славян в истории этой страны. Важнейшим результатом славянского влияния в Англии Хомяков считал суд присяжных, основанный на принципе единогласия⁷.

Пиетет по отношению к общественному строю Великобритании во второй половине XIX в. был характерен и для множества русских консерваторов, особенно для тех, кто перешел в стан охранителей из либерально-западнического лагеря (М.Н. Катков, К.П. Победоносцев). Леонтьев, как говорилось выше, также относился к числу последних. Симпатии к английскому конституционному строю все они унаследовали от своего либерального прошлого. Сам Леонтьев почти наверняка не выработал их самостоятельно и не заимствовал у кого-либо в начале 60-х, например у того же Хомякова, влияние которого на свои умонастроения в этот период он признавал, а вынес из того круга, к которому принадлежал в «первой молодости», то есть на десятилетие раньше. В его состав, как говорилось выше, входили такие заядлые англоманы, как М.Н. Катков. Англомания, отмечал В.А. Китаев, «была характерной чертой континентального [т.е. европейского — С.Х.] либерализма 50-х годов»⁸, а русские либералы в данном отношении следовали руслом именно континентально-европейской традиции. Так, например, «Русский вестник», важнейший орган либерально-западнического направления второй половины 50-х⁹ (руководимый тем же Катковым), «неоднократно подчеркивал свое уважение к принципам, лежащим в основе государственной жизни Англии»¹⁰,

¹ Цимбаев Н.И. Указ. соч. С. 238.

² Там же. С. 149.

³ Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Андрея Валицкого. М., 1992. Вып. 2. С. 25.

⁴ Цит. по: Указ. соч. С. 16.

⁵ Хомяков А.С. Письмо об Англии // Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М., 1900. С. 137.

⁶ Там же. С. 139.

⁷ Славянофильство и западничество... С. 16. См. Хомяков А.С. Указ. соч. С. 105.

⁸ Китаев В.А. Указ. соч. С. 113.

⁹ Там же. С. 83.

¹⁰ Сладкевич Н.Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века (Борьба общественных течений в годы первой революционной ситуации). Л., 1962. С. 121.

в то время как само западничество, к которому Леонтьев тяготел до начала 60-х годов, представляло собой ведущее течение либерального движения второй половины предреформенного десятилетия в России¹.

Но какие бы страны ни подразумевал Леонтьев под «старинными демократиями» — Англию ли, античные Рим и Грецию, в отличие от них новейшие демократии Запада, например североамериканская, не стоили, по его мнению, и выеденного яйца. Для Леонтьева они являлись лишь «вечным орудием жизни и брожения»², источником революций.

Отношение к революционным выступлениям в начале 60-х было одной из самых оригинальных черт его общественно-политических взглядов. На революционно-демократические движения он смотрел как на катализатор активности консервативно-охранительных сил. Деятельность последних в прямом и в переносном смысле являлась для Леонтьева реакцией на действия революционеров: радикализм правый, с его точки зрения, восстанавливал социальный баланс, нарушенный радикализмом левым, стремился уравновесить его. Эта идея подтверждается историческим опытом европейских общественно-политических переворотов XVIII—XIX столетий, известных Леонтьеву, и родилась она, по-видимому, именно в результате обобщения данного опыта. Но если в Европе революционные порывы после более или менее длительных социальных потрясений охранительными началами уравновешивались и на какое-то время нейтрализовывались, то в России после 1917 года из-за относительной слабости последних этого не произошло, и положение в обществе стабилизировалось только по завершении жестокой борьбы за власть между различными фракциями свершивших революцию сил.

Вспышки демократических движений, в том числе — революций, вызвали у Леонтьева не столько страх, сколько восхищение: для него все эти народные «возмущения» представляли собой «поэзию современности», заменившую средневековую поэзию «религиозных прений и войн». Сами по себе революции, полагал Леонтьев, «служат развитию, воображая, что готовят покой», т. е. всеобщее уравнение.

Этот парадокс он объяснял так. Крайности демократических вспышек вызывают противодействие «забытых, дремлющих сил», пребывающего в бездействии консервативно-охранительного начала, которое дает истории новые, блистательные и суровые имена и организует отпор революционным порывам. Когда же народные бури затихают, из накопившихся богатств и противоречий складываются глубокие, полные люди, примирившие в себе, насколько возможно, прошедшее с будущим³.

Таким образом, борьба начал революционных и охранительных, согласно Леонтьеву, в итоге приводила к появлению новых выдающихся личностей,

¹ Китаев В. А. Указ. соч. С. 136.

² Леонтьев К. Н. В своем краю. С. 420–421.

³ Там же. С. 415.

что и было для него важнейшей целью всемирно-исторического процесса. В драме противостоящих друг другу общественных сил он, как и десятилетием раньше, находит захватывающую, величественную красоту, делающую историю человечества богаче и ярче. Такое отношение к ней трудно не назвать и эстетическим, и натуралистическим одновременно.

Оно было частным проявлением леонтьевского «виталистического», «хищного» эстетизма начала 60-х, кредо которого — «все хорошо, что прекрасно и сильно, будь это святость, будь это разврат, будь это охранение, будь это революция — все равно»¹. Отметим, что и в данном случае говорить об «аморализме» Леонтьева, о нигилистическом отношении его ко всяким нравственным принципам было бы некорректно. Позицию Леонтьева скорее можно охарактеризовать как своего рода эстетико-натуралистическое «всеприятие». Это «всеприятие» намного ближе к такому отношению к жизненным явлениям, которым Ф. М. Достоевский наделил своего послушника Алексея Карамазова, нежели к действительному имморализму.

Отметим следующий факт. Эстетизм был для Леонтьева не только умственной установкой, но и руководством к действию. Так, даже на дипломатическую службу он поступил главным образом по эстетическим, а не по политическим побуждениям². В России, становящейся на путь общеевропейского развития, меняющей поэзию патриархального, дворянско-крестьянского уклада на прозу пореформенной буржуазности, ему становилось душно и тесно именно эстетически. Петербург, важнейший очаг модернизационных процессов, казался Леонтьеву местом, где нет ни «национальности», то есть самобытных национально-русских культурных черт, ни климата, ни настоящей красоты, где, «как под камнем на земле», в грязи и в сырости ползают мокрицы и «какие-то черви»³, и он, по его собственному признанию, бежал из этого «тошного» и ненавистного ему города⁴ на экзотический, сверкающий многоцветьем красок Восток, в балканские провинции Турции⁵, чтобы скрыться там от «наносного и одуряющего «прогресса»⁶. Однако в рассматриваемую эпоху ясно осознаваемого и концептуально оформленного отвращения к «прогрессу», т. е. к буржуазно-западным формам жизни, культуры, мышления, к буржуазным нововведениям у Леонтьева еще не было, а было только чувство эстетической неприязни ко всему этому. Об отношении Леонтьева в 60-е годы к тому, что он называл «прогрессом», будет говориться в следующей главе.

¹ Александров А. А. Указ. соч. С. 265.

² Из воспоминаний... С. 465.

³ Леонтьев К. Н. В своем краю. С. 532.

⁴ Нелюбовь к Петербургу — еще одна черта, сблизившая Леонтьева со славянофилами.

⁵ Хатунцев С. В. Русский ум... С. 206.

⁶ Леонтьев К. Н. Египетский голубь // Леонтьев К. Н. Египетский голубь. М., 1991. С. 352.

Время, когда К. Леонтьев уехал в Турцию являлось, по его словам, временем, когда «все, что любило изящное и поэзию и не успело составить себе положение прежде, бросило в отчаянии искусство, эстетику, бежало из России, умирало, шло в Польшу и т. п.,... когда Аполлон Григорьев совсем спился с горя и в самом Петербурге пропал долго без вести, когда Вс. Крестовский поступил в юнкера, скульптор Шредер разбил свои глиняные *chef d'oeuvres* и бежал в Бразилию и т. д.»¹. Отъезд Леонтьева был, по мнению С. Н. Дурылина, которое мы разделяем, более всего «бегством от идей и мировоззрения передовых людей 1860-х годов»², проникнутых материализмом, утилитаризмом и антиэстетизмом, которые имели огромное влияние на интеллектуальную жизнь Российской империи, особенно в Петербурге. В эту эпоху в стране умолкла изящная поэзия — в отличие от гражданской лирики, и примерно с середины 60-х в русской литературе началось долгое и полное господство прозы и публицистики³. Перестали — за неостребованностью их творчества — работать над стихотворным словом такие его мастера, как А. А. Фет, К. К. Случевский, А. Н. Апухтин⁴. «... Поэзия — уходит мира», — писал в декабре 1861 года Аполлон Григорьев⁵.

Подведем итоги. В 50-е годы XIX столетия Леонтьев находился под сильным идейным влиянием либерального западничества, сочувствовал демократическим устремлениям, хотя настоящим, глубоко убежденным либералом и, тем более, демократом он в этот период не был. Развитие эстетических взглядов мыслителя, происходившее на фоне подготовки и проведения в России на рубеже 50-х — 60-х годов масштабных реформ, привело к серьезным изменениям его общественно-политических позиций.

К началу 60-х Леонтьев, с детских лет превыше всего ценивший красоту и прекрасное, выработал концепцию «эстетики», или же «поэзии», жизни. Последняя заключалась для него в драматизме, сложности и богатстве, предельной пестроте и разнообразии как природных, так и социальных явлений. Вступив в тесное общение с представителями «передовой» столичной интеллигенции, он пришел к мнению, что осуществление вынашиваемых ими идеалов сделает общественную жизнь однообразной и скучной, погубит в ней все прекрасное. Этот вывод, а также переосмысление Леонтьевым, через призму своих представлений о «поэзии жизни», социально-философских идей Дж. Ст. Милля и А. И. Герцена о перспективах «всеобщего уравнивания» и эстетическом убожестве европейской

буржуазии, привел к переоценке мыслителем своего отношения к демократии и либерализму и к переходу его в консервативно-охранительный лагерь. Началось идейное сближение Леонтьева сначала с почвенниками (А. А. Григорьев, Н. Н. Страхов, отчасти Ф. М. Достоевский), затем со славянофилами.

«Законченным», абсолютно последовательным и строгим или, как он сам называл себя впоследствии, «идейным консерватором», тем более — реакционером, Леонтьев в начале 60-х годов не стал. Он проникся отрицательным отношением к нигилизму и революционно-демократическому направлению русской общественно-политической мысли, но само по себе это отнюдь не является свидетельством его разрыва с либерализмом, тем более — превращения в реакционера: сходные чувства испытывали и многие либералы, особенно правые, представители «охранительного либерализма», а также либеральные консерваторы, сохранившие широкие связи с либеральным течением, как, например, Б. Н. Чичерин. В рассматриваемый период разрыв Леонтьева с либерализмом полным и окончательным еще не был: в его идейном арсенале остались некоторые либеральные взгляды, он продолжал возлагать надежды на реформы Александра II, сблизился со славянофилами, проводниками либерально-эмансипаторских тенденций, и разделил с ними те или иные из их представлений: веру в русский народ, в его здоровые исторические силы, в уникальность и спасительность сельской поземельной общины, в дружеское отношение крестьян к землевладельцам, и т. п.

Тем не менее, основу его воззрений составили именно консервативные ценности: престиж самодержавной монархии и преданное служение ей, пиетет по отношению к «положительным» религиозным учениям и православной церкви, предпочтение качества количеству и связанное с этим превознесение, даже культ, личностного и социального неравенства и борьбы. Закономерным следствием данного культа явились как симпатии Леонтьева к сословно-иерархическому общественному устройству, его высокая оценка аристократии и дворянства, так и отрицание им эгалитаризма, «всеобщего уравнивания». Данные представления стали социально-политической стороной леонтьевских представлений об «эстетике жизни». Кроме того, в начале 60-х мыслитель превратился в противника различных сторон современной ему цивилизации Запада, хотя концептуально антизападнические элементы своих воззрений еще не оформил. Он стремился избежать уничтожающего «эстетику жизни» «всеобщего уравнивания», которое, по его мнению, захлестывало Европу, желал сохранения и усиления «своеобразия» русской жизни, т. е. культурно-бытовых отличий России от Запада.

¹ Он же. Моя литературная судьба... С. 439.

² Дурылин С. Н. Указ. соч. С. 483.

³ См. Кожин В. В. Указ. соч. С. 373.

⁴ См. Дурылин С. Н. Указ. соч. С. 483.

⁵ Григорьев А. А. Письмо к Н. Н. Страхову от 12. 12. 1861 г. // Он же. Воспоминания... С. 479.

ГЛАВА II

Общественно-политические воззрения К. Леонтьева в 60-е — начале 70-х годов XIX века

Леонтьев считал, что своя собственная, ясная ему самому «система мировоззрения общего и картина патриотических надежд» выработалась у него к тридцатипятилетнему возрасту (т. е. к 1866 г.), и с тех пор вплоть до личного знакомства мыслителя с В. С. Соловьевым (состоявшимся в Петербурге, в конце января — начале февраля 1878 г.) никто из деятелей светской культуры радикального, «глубокого и широкого» влияния на него уже не имел¹, не исключая и Н. Я. Данилевского, речь о воздействии которого на Леонтьева пойдет во втором параграфе данной главы.

Последний продолжал исповедовать безудержный эстетизм, развивать свое учение о прекрасном. Прекрасное, постулировал Леонтьев, бывает трех видов: красота живописная, или пластическая, красота драматическая, или красота действия, и красота чувственная, или музыкальная. Одним из главных моментов красоты он называл сословное неравенство².

В рамках эстетического учения Леонтьева в этот период занимала диалектика соотношения формы и содержания. Он считал, что форма очень тесно связана с содержанием, поэтому нет ничего просто внешнего и просто внутреннего; все вещи, например одежда, могут быть лишь более внешними и менее внешними³. Однако сильнее, чем эстетика как таковая,

¹ *Фудель И.* Леонтьев и В. Соловьев в их взаимных отношениях // Русская мысль. 1917. Кн. XI–XII. С. 30. О времени знакомства К. Н. Леонтьева с В. С. Соловьевым см.: *Фудель И.* Указ. соч. С. 18; *Иваск Ю. П.* Константин Леонтьев (1831–1861). Жизнь и творчество // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2. СПб., 1995. С. 567.

² *Леонтьев К. Н.* Исповедь мужа // Он же. Египетский голубь. Романы, повести, воспоминания. М., 1991. С. 257.

³ Он же. (подп. Ив. Русопетов) С Дуная II // Одесский вестник. 1867. 16 сент. № 202.

Леонтьева начинали волновать различные социально-политические проблемы, в частности тесно связанные друг с другом славянский, Восточный и национальный вопросы. Это совершенно закономерно: став дипломатом на Балканах, активным участником дипломатической борьбы, он не мог не испытать усиления интереса к такого рода проблемам, в особенности к Восточному вопросу, с которым, прямо или косвенно, была связана вся его служебная деятельность.

2.1. Отношение мыслителя к славянам и к грекам и его представления о восточном и национальном вопросах до начала 70-х гг.

Дипломатическая практика воспринималась Леонтьевым как замечательная школа реальной политики, высокое и благородное бремя гражданского долга, который он, по его словам, старался нести с любовью¹. «В этой деятельности, — писал мыслитель позднее, — было столько именно не европейского, не «буржуазного», не «прогрессистского», не нынешнего; в этой службе было тогда столько простора личной воле, личному выбору добра и зла, столько доверия со стороны национальной нашей русской власти! Столько простора самоуправству и вдохновению, столько возможности делать добро политическим «друзьям», а противникам безнаказанно и без зазрения совести вредить!»². Все это чрезвычайно импонировало его натуре, и потому Леонтьев очень дорожил своим дипломатическим поприщем.

На Восток, в конце 1863 года, он, по его словам, уезжал «учеником, поклонником... культурного славянофильства»³. Под «культурным славянофильством» Леонтьев понимал стремление к созданию особой, своеобразной по отношению к Европе славяно-русской культуры. Это — главнейшее положение, вынесенное им из славянофильской доктрины, что только подтверждает уже высказывавшуюся ранее мысль о том, что учеником славянофилов в настоящем значении этого слова Леонтьев не был, т. е. усвоил он не всю систему славянофильских взглядов, а лишь отдельные ее стороны, дав им к тому же свое собственное истолкование. Так, например, и речи быть не могло о том, чтобы Леонтьев, с его виталистическим

¹ Он же. Мои воспоминания о Фракии // Русский вестник. 1879. № 3. С. 270.

² Он же. Египетский голубь // Он же. Египетский голубь. Романы... С. 356.

³ Он же. Письма отшельника // Он же. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. [Далее — Восток...] С. 169.

панэстетизмом, принял морально-нравственные взгляды славянофилов, которые, будучи неразрывно связаны с их религиозно-философскими воззрениями, вместе с последними составляли основу, духовное ядро всего славянофильского учения. Его интересовала не столько религиозно-этическая, сколько культурологическая сторона этого учения, те резоны, с помощью которых славянофилы обосновывали необходимость (и даже неизбежность) обособления восточнохристианских стран и народов — в первую очередь России — от Запада.

Подобно многим славянофилам, в указанный период Леонтьев был полон веры в балканских славян: мечтал о «патриархально освежающих югославянских родниках», черпая из которых югославы научат русских «как лучше бороться против европеизма», считал, что на Балканах стремление к созданию особой, резко отличающейся от европейской славянской культуры со временем, т. е. после изгнания оттуда турок, даст пышный цвет.

В том, что падение османской власти над местными христианскими народами немедленно повлечет за собою «яркий восход сияющего православного солнца», сомнений он не испытывал¹. Устами того же Лихачева, персонажа романа «В своем краю», в данном случае опять-таки выражавшего авторскую позицию, Леонтьев совсем по-славянофильски Балканы идеализировал: «Миллионы славян говорят почти тем же языком, которым писана наша библия; в глухих, далеких деревнях с восторгом произносят наше имя!». «...Там всякому [выходцу из России — С. Х.] есть еще дело: учителю, попу-проповеднику, художнику, купцу, искателю приключений», там — «живописные места; Дунай; первобытные народы, которых... ставят сердцем выше греков, а умом выше турок; монастыри в горах, где молятся за наше государство; монахи там, настоящие... — знают близко смерть и нужду; древние забавы, песни народные, и эпическое время не прошло еще для них... благодущны, гостеприимны, чисты нравами; за «честный крест»... каждый мужик готов кровь отдать без приказа. Если южная пылкость у них слабее, чем в Италии, зато мудрой стойкости больше»².

Конец 1863— первую половину 1864 годов, время, когда К. Н. Леонтьев еще не успел осмыслить и обобщить впечатления, полученные на Востоке, можно считать периодом наибольшей близости — в указанном выше отношении — его общественно-политических взглядов к общественно-политическим взглядам славянофилов. Продолжительным этот период не был. Вскоре наметилось расхождение Леонтьева со славянофилами в оценке югославян и перспектив их культурно-исторического развития, а также в отношении к османскому владычеству на балканских землях.

¹ Леонтьев К. Н. Письма отшельника.

² Он же. В своем краю // Он же. Собр. соч.: В 9 т. [Далее — Собр. соч.] Т. 1. М., 1912. С. 533–534.

Живя на протяжении 1864–1865 годов в турецких владениях — на острове Крит, в Константинополе и в Адрианопле, путешествуя по провинциям Османской империи, он увидел, что под натиском европеизма древние традиции местных христианских народов тают буквально на глазах, и довольно быстро пришел к мысли, что хотя турки и варвары, а османское завоевание, османское иго — зло, только благодаря туркам и держится еще многое истинно православное и славянское на Востоке. Так, например, именно благодаря турецкому «кровавому игу» «высшим лиризмом» наполнена атмосфера, сам «воздух жизни» греческого острова Крит¹.

Леонтьев начал подозревать, что «отрицательное действие мусульманского давления, за неимением лучшего, спасительно для наших славянских особенностей, и что без турецкого презервативного колпака разрушительное действие либерального европеизма станет сильнее...». Постепенно у него стало складываться опасение, что даже Россия не сумеет, не сможет, наконец не успеет «вовремя заменить давление мусульманства другой, более высокой дисциплиной — дисциплиной духа, заменить тяжесть жестокого ига суровым внутренним идеалом; унижительный и невольный страх агарянский свободным страхом Божиим...»².

Во многом, со своей, в данном случае — вполне консервативно-охранительной, точки зрения, Леонтьев оказался прав. Едва ли кто-либо из современных историков будет оспаривать тот факт, что турецкое владычество способствовало сохранению в жизни балканских народов традиционных, феодально-средневековых черт — в том числе и тех, которыми Леонтьев особенно дорожил и которые считал национально-культурными особенностями южных славян. Османская власть на Востоке носила крайне консервативный характер, являлась твердыней и воплощением ветшающего феодального строя, — строя, подтачиваемого ростом местных капиталистических элементов и культурно-политическими, а также экономическими влияниями, проникавшими туда из Европы. Турецкое иго было одной из наиболее значительных преград для возникновения подымавшегося на Балканах с конца XVIII века капитализма. Оно тормозило развитие капиталистических отношений — в Болгарии³, в Боснии и Герцеговине⁴, в Македонии⁵, на сербских землях, входивших в состав Османской империи, препятствовало формированию югославянской (и не только) буржуазии, отгораживало Балканы от Запада. После его свержения формирование капитализма в балканских странах, в частности в Болгарии и в Сербии,

¹ Он же. Хризо // Русский вестник. 1868. Т. 76. № 7. С. 40.

² Он же. Письма отшельника. С. 169.

³ Державин Н. С. История Болгарии. М.; Л., 1947. Т. III. Болгарский народ под турецким владычеством. С. 6.

⁴ История Югославии. М., 1963. Т. I. С. 361, 603.

⁵ Там же. С. 371, 628.

пошло быстрее¹, а специфические культурно-бытовые особенности местного населения, особенно его социальной верхушки, стали активнее уступать место унифицированным общеевропейским культурно-бытовым формам. Таким образом, говоря словами Леонтьева, после падения османского владычества «разрушительное действие либерального европеизма» на Балканах и в самом деле усилилось. Россия же ко времени ухода турецких властей не сумела ни выработать для себя самой, ни, тем более, предложить своим восточным единоверцам какой-либо «третий», небуржуазный, некапиталистический, путь развития, который уже в 60-е годы пытался, хотя и не вполне сознательно, нащупать К. Н. Леонтьев — путь, предусматривающий сохранение и интеграцию ценностей традиционного, феодально-патриархального общества, развитие, дающее им новую жизнь. Это означало то, что Россия, пользуясь терминологией Леонтьева, «не сумела заменить тяжесть жестокого ига суровым внутренним идеалом».

Никто из настоящих славянофилов представлений мыслителя о роли турок на Балканах и его все более усиливающегося скепсиса по отношению к восточным единоверцам-славянам в 60-е годы не разделял. По происхождению эти взгляды были вполне оригинальны, так как возникли из непосредственных наблюдений Леонтьева за жизнью местных народов — и христианских, и мусульманских. Со временем, к середине 70-х годов XIX века, данные идеи созрели у него окончательно и превратились в важные элементы специфически «леонтьевской» системы общественно-политических взглядов, хорошо известной всем исследователям его творчества.

Представления об относительной полезности турецкого ига и о том, что балканские христиане (не только славяне, но и греки) не смогут отстоять свое культурное своеобразие от натиска западной цивилизации, отражались в работах К. Н. Леонтьева с конца 1865 года. В дипломатической «Записке о необходимости литературного влияния во Фракии» от 20 октября 1865 г., составленной в Адрианополе, он писал, что «под турецким владычеством многие стеснения еще отдаляют их [греков и болгар — С.Х.] от Европы и от бесплодных дешевых подражаний [передовым европейским странам — С.Х.]. Раз освободившись, что противопоставят они подавляющей культуре Запада? Стоит взглянуть только на независимых греков, чтобы видеть, как в них мало самобытного. Кроме уважения по привычке к древнегреческому языку и (на словах) к великим авторам древности, (у которых они не учатся ни политической мудрости, ни вкусу в общественной жизни), они влачатся во всех понятиях за французской буржуазией.... Европеизированные греки турецких провинций стоят еще ниже их. Болгары и того не имеют, что имеют греки...»².

¹ *Кинросс Лорд*. Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999. С. 616.

² *Леонтьев К.Н.* Записка о необходимости литературного влияния во Фракии // Русия и българското национално-освободително движение: 1856/1876. Документи и материали. София, 1990. Т. II. Януари 1864 — май 1867. С. 210–211.

Эти неутешительные наблюдения положили начало постепенному разочарованию Леонтьева в восточных единоверцах и единоплеменниках России, стали подтачивать его славянофильскую веру в их способность к оригинальному культурному творчеству.

По мнению Леонтьева, балканские христиане ценили русских лишь настолько, насколько они — европейцы. Собственно русское в них восточных единоверцев практически не интересовало. Им импонировало то, что Россия — могущественная православная и (или) славянская держава с огромным политическим весом, с армией свыше полумиллиона штыков¹, не раз демонстрировавшей свою военную мощь, то, что в России множество по-европейски воспитанных светских людей, которые широтой своей образованности превосходят многих коренных европейцев. Также ценили они, согласно Леонтьеву, «наши дипломатические способности и дальновидную глубину нашей политики»². Он же хотел, чтобы и славяне, и греки видели в нашем Отечестве не только «большую, единоверную силу, но сверх того и своеобразный государственно-национальный организм и своеобразное общество, и еще более своеобразный простой народ, и своеобразную литературу, единственную по свежести теперь во всем мире, и особую историческую науку, более и более развиваемую»³.

Ни у греков, ни у балканских славян, полагал Леонтьев, почти не было в то время умственной аристократии, и недостаток «высшего», т. е., в леонтьевском контексте, не утилитарного, «точного» и естественнонаучного, а гуманитарно-эстетического образования чувствовался у них во многом: в «отсутствии всякого духовного творчества, в невежестве и апатии духовенства, в предпочтении торговли всему остальному, в отсутствии искусств и т. д.»⁴. Он замечал, что с каждым годом европеизм проникает в их умы и души все сильнее и глубже⁵. Этому способствует культурно-психологическая комплементарность балканских и европейских народов: согласно Леонтьеву, те же болгары и греки по характеру своей домашней жизни — европейские буржуа, одинаково расположенные к филистерству⁶. Верхушка болгарского общества — так называемые «приматы» — раздражала его своей унылой буржуазностью еще в Адрианополе⁷,

¹ *Косик В.И.* Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997. С. 37.

² *Леонтьев К.Н.* Грамотность и народность // Он же. Записки отшельника. М., 1992. С. 357.

³ Он же. Записка о необходимости... С. 211.

⁴ Там же. С. 210.

⁵ Там же. С. 211.

⁶ *Леонтьев К.Н.* Грамотность и народность. С. 392.

⁷ *Коноплянцев А.М.* Жизнь К. Н. Леонтьева в связи с развитием его мирозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. СПб., 1911. С. 62.

где он в качестве секретаря и драгомана русского консульства находился (с перерывами) более двух лет, пока не получил назначение вице-консулом в придунайский городок Тульча, с 1829 по 1856 гг. принадлежавший России.

Укоры Леонтьева касались главным образом представителей образованной прослойки балканских христиан. В грамотном сословии на Востоке, писал мыслитель, отсутствует идеализм — и личный, и религиозный, и философский, и поэтический. Он считал, что развить и возобновить его могут лишь русские — но только тогда, когда у них у самих пройдет «утилитарное одурение»¹, т. е. устремленность к буржуазно-западным формам культуры и социально-экономического развития.

Балканское же простонародье, полагал Леонтьев в рассматриваемый нами период, в отличие от местной интеллигенции не лишено «залогов для будущего», под которыми он подразумевал культурно-бытовое своеобразие южных славян и их приверженность восточным христианским Церквям² — все то, чем «православные, считающие себя образованными представителями своей нации... не дорожат», называя своих верующих соотечественников-селян «варварами»³. Вопреки самомнению балканской интеллигенции, бедное и низшее сословие на Востоке «во всех отношениях — в религиозном, политическом, нравственном (и даже ... в эстетическом) выше своих обученных архонтов, одевшихся в европейский сюртук», — писал он⁴.

Дипломатические донесения Леонтьева 60-х — 70-х годов наполнены и другими проявлениями симпатий к необразованной бедноте, к «трудовому народу» Балкан. Под «трудовым народом» он подразумевал главным образом тамошнее крестьянство и довольно часто обличал турецкие власти в грабеже и обмане этого «бедного класса населения»⁵. Данный факт вполне объективно свидетельствует о том, что в процессе «переоценки ценностей» в 1861–1863 гг. демократические умонастроения не были изжиты Леонтьевым полностью и сохранились в его сознании до начала

¹ Леонтьев К. Н. Грамотность и народность. С. 396–397.

² Главным образом Константинопольской и Сербской.

³ Он же. Записка о необходимости... С. 211.

⁴ [Петру Николаевичу Стремоухову от 15 января 1871 г.] // Он же. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты (1865–1872). М., 2003. С. 329.

⁵ См.: Копия с доверительного донесения Надворного Советника Леонтьева в Императорское посольство в Константинополе от 6 июля 1868 года за № 190 // Там же. С. 220, 221; Копия с секретного донесения Надворного Советника Леонтьева в Императорское посольство в Константинополе от 3 августа 1868 года за № 232 // Там же. С. 236; Донесение Надворного Советника Леонтьева № 179 от 27 ноября 1870 года // Там же. С. 324; [Донесение № 44 от 10/22 февраля 1871 г.] Г. Послу в Константинополе // Там же. С. 362, 364.

следующего десятилетия, хотя, как говорилось выше, он сам, а также исследователи его творчества, придерживались иного мнения.

Следует сказать, что среди славяноязычных народов более всего Леонтьеву импонировали поляки, точнее — представители шляхты. Ему нравился аристократизм польского дворянства, его «размашистые рыцарские вкусы», которые, на взгляд мыслителя, были близки «казацкой ширине великоросса»¹. Это вполне объяснимо: Леонтьев, как говорилось выше, в начале 60-х гг. XIX в. встал на позицию именно аристократизма, которым прониклись и его общественно-политические воззрения.

В период дипломатической службы мыслитель выработал собственные, вполне оригинальные представления о Польском национальном движении. Оно, по мнению Леонтьева, было для России скорее полезно, чем вредно², поскольку у самих русских пробуждало здоровые национальные и религиозные (православные) чувства, размытые европеизацией общества, способствовало их развитию и укреплению. Так, благодаря Польскому восстанию, всколыхнувшему державу Романовых в 1863–1864 гг., представители ее образованного класса «стали несколько более славянофилы»³. Реально, как дипломат-профессионал, представляя военно-политическую силу России, Леонтьев был твердо уверен в том, что поляки не в состоянии нарушить ее территориальную целостность, то есть завоевать свободу для собственно польских по этническому составу земель, и, тем более, «вырвать» у Империи «Украину» и Белоруссию⁴. Сам он, несмотря на свои симпатии к шляхте, в качестве дипломата решительно и умело боролся с антиросийскими демаршами польской революционной эмиграции в турецких владениях⁵.

Никто из россиян-современников специфического отношения К. Леонтьева к полякам, объясняемого свойственным ему аристократическим эстетизмом, не разделял, оно было весьма своеобразной чертой его общественно-политических взглядов. Часть отечественной интеллигенции сочувствовала полякам, но только как угнетенной нации; несколько сот русских солдат и офицеров сражались в рядах повстанцев. Их борьбу за национальную независимость поддерживали революционеры, стоявшие за «братство русских с поляками»⁶. Горячим сторонником польских восстаний являлся А. И. Герцен⁷. Так, в споре с Ю. Ф. Самариным в Лондоне

¹ Он же. Грамотность и народность. С. 392.

² Он же. Консульские рассказы // Он же. Собр. соч. Т. 9. СПб. 1913. С. 382.

³ Он же. Грамотность и народность. С. 366.

⁴ См. Там же. С. 365.

⁵ См. Он же. Польская эмиграция на Нижнем Дунае // Он же. Собр. соч. Т. 9. С. 335–365.

⁶ См. Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1974. С. 35.

⁷ Искра Л. М. Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве и истории. Воронеж, 1995. С. 101.

в июле 1864 года он защищал свободу Польши, осуждал жестокие репрессии карательных органов царского правительства¹. «Мы с Польшей, — писал Герцен, — потому что мы за Россию... Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих»². Вместе с ним Польскому восстанию сочувствовали Н. П. Огарев и М. А. Бакунин. Последний предпринимал энергичные меры для помощи инсургентам³.

Но все эти симпатии были симпатиями демократическими. Аристократизм шляхты ни русская интеллигенция, ни Герцен не одобряли, к нему, в отличие от Леонтьева, в России относились враждебно, причем не только левые, но и правые. А. С. Хомяков считал польский аристократизм чуждым славянскому духу, индивидуалистическим, агрессивным, преклоняющимся перед силой, презирующим семью, общинное братство⁴. Следуя за Хомяковым, Н. Я. Данилевский называл польское шляхетство «ренегатом славянства»⁵. В духе Хомякова и Данилевского большинство славянофилов и отечественных панславистов поляков как таковых считали элементом, враждебным России принципиально, относились к Польше как к «Иуде славянства», противопоставляли русизм как православие полонизму как католицизму⁶. «Полонизм» они рассматривали как просветительскую и вооруженную миссию католицизма-латинства в славянском мире и стремились его подавить, чтобы обеспечить преобладание «русской, православной стихии над латино-польской»⁷.

В тесной связи с вопросом славянским — вопросом национально-политической эмансипации славянских народов, находился вопрос Восточный. Под последним в отечественной науке понимают международную проблему середины XVIII — начала XX веков, появление которой связано с упадком Османской империи, ростом национально-освободительного движения подвластных ей народов и усилением противоречий европейских держав на Ближнем Востоке в результате развития колониализма⁸. Часть западных ученых сводит его к борьбе России с Турцией за черноморские Проливы⁹.

⁸ Дудзинская Е. А. Славянофилы в пореформенной России. М., 1994. С. 65.

⁹ Цит. по: Киняпина Н. С. Указ. соч. С. 35.

¹ Галактионов А. А. Никандров П. Ф. Русская философия IX—XIX вв. Л., 1989. С. 600.

² Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого. М., 1992. Вып. 2. С. 19–20.

³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа // Он же. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. СПб., 1995. С. 157.

⁴ Масарик Т. Г. Россия и Европа. СПб., 2000. С. 301.

⁵ Костюшко И. И. Крестьянская реформа в Царстве Польском. М., 1962. С. 64.

⁶ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX веков. М., 1978. С. 4.

⁷ Там же. С. 5.

Восточный вопрос, как и вопрос славянский, Леонтьев в 60-е годы называл делом общенациональным, одним из тех, которые стоят «выше всяких выгод частных лиц и отдельных компаний»¹. В этом пункте он был вполне солидарен со славянофилами, придававшими Восточному и славянскому вопросам большое значение. Миссия русской дипломатии на Балканах виделась Леонтьеву главным образом в защите гражданских прав их христианского населения и в сдерживании, по мере необходимости, пыла его «политических стремлений»² — борьбы за национальную независимость. В данном случае его позиция практически полностью совпадала с позицией А. М. Горчакова, сменившего К. В. Нессельроде на посту министра иностранных дел России в 1856 году³, и тех, кто руководил в то время действиями страны на Востоке. Ослабленная Крымской войной и лишенная военного флота на Черном море, занятая внутренними реформами и испытывающая финансовые затруднения, Россия в 60-е годы XIX столетия не была готова к проведению на Балканах активной политической линии и не стремилась сталкивать местные народы с Османской империей, а желала сохранения мира в ее владениях⁴. Поэтому она не предлагала каких-либо коренных изменений, однако не собиралась и отказываться от политики защиты и поддержки интересов православного населения⁵. В этот период Россия лишь создавала предпосылки для замены турецкого владычества на Балканах дружественными, главным образом славянскими, государствами, которые позволили бы ей установить контроль над черноморскими Проливами и над северной частью Эгейского бассейна⁶.

Как дипломат, проводивший в османских владениях линию имперского МИДа, Леонтьев находил, что в целом восточная политика России в рассматриваемое время носила гораздо больше общеправославный, чем общеславянский характер, и, например, греки получали от русского правительства более существенную поддержку, чем чехи или хорваты⁷. Прямой оценки этого

⁸ Леонтьев К. Н. (подп. Ив. Руссопетов) С Дуная // Одесский вестник. 1868. 6 февр. № 27.

¹ Он же. Записка о необходимости... С. 208.

² О позиции А. М. Горчакова в Восточном вопросе (1856–1871 гг.) см.: Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX века. М., 1970. С. 146, 151, 241; Киняпина Н. С. Указ. соч. С. 6, 54–55.

³ См. Сенкевич И. Г. Россия и Критское восстание 1866–1869 гг. М., 1970. С. 195, 197–198. Также см. Вяземская Е. К., Данченко С. И. Русско-греческие отношения (последняя четверть XVIII — начало XX в.) в трудах советских историков // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX вв.). М., 1989. Балканские исследования. Вып. 11. С. 237.

⁴ Сенкевич И. Г. Указ. соч. С. 10.

⁵ Кофос Э. Россия и эллинизм в период Восточного кризиса 1875–1878 гг. // Политические, общественные и культурные связи... С. 144.

⁶ Леонтьев К. Н. Записка о необходимости... С. 210.

факта он тогда еще не давал, но из контекста уже упоминавшейся «Записки о необходимости литературного влияния во Фракии» ясно, что ярым панславистом он не был и «общеправославный», а не панславистский характер российской политики на Востоке его в принципе устраивал.

Касательно греков Леонтьев в данный период высказывал следующие соображения. Он отмечал, что исторические судьбы и религиозные предания связали греческий народ с русским¹. Этому племени, писал Леонтьев, суждено еще не раз сказать свое громкое слово в истории, и славянам, т. е. России, было бы хорошо иметь его «дружественным аванпостом на Юге»². Данная мысль свидетельствует о присутствии у Леонтьева в 60-е годы XIX столетия геополитического подхода к проблемам Балкан: с точки зрения геополитики наличие дружественного государства, контролирующего значительную часть Эгейского моря, находящегося по ту сторону черноморских Проливов, значительно усилило бы позиции России и заметно помогло ей в решении Восточного вопроса в свою пользу.

С Грецией связаны некоторые геополитические проекты К. Леонтьева рассматриваемого периода. Один из главных героев написанной им повести «Ай-Бурун» («Исповедь мужа», первая публикация — 1867 г.), грек Маврогени, которому Леонтьев отдавал свои авторские симпатии, мечтает о том, чтобы «составились две большие православные земли — сухопутная Россия и морская, большая Греция, которая вытеснила бы английский флаг из Средиземного моря»³ и стала союзницей российской короны. Через несколько лет, в 1873 г., Леонтьев изложил аналогичную идею, но развитую гораздо глубже и шире, в статье «Панславизм и греки»⁴. Таким образом, о греко-русском союзе, территориальном росте независимой Греции и превращении ее в коммерческого лидера Средиземноморья вместо сильнейшего соперника России — Британской империи он мечтал на протяжении как минимум 1867–1872 годов.

Надежды Леонтьева не осуществились, хотя определенные объективные предпосылки для этого имелись. Партия «русофилов» являлась одной из трех крупнейших политических сил Греческого королевства; ее первым лидером был выдающийся государственный деятель Греции Т. Колокотронис⁵. Простые греки в большинстве своем испытывали симпатии к России

¹ Копия с донесения Надворного Советника Леонтьева от 30 июня 1870 г. за № 96 Господину Российско-Императорскому Послу в Константинополе // Он же. Дипломатические донесения... С. 286; [Петру Николаевичу Стремоухову от] 14 ноября 1871 г. // Там же. С. 427.

² Он же. (подп. Иван Руссопетов) С Дуная // Одесский вестник. 1867. 5 декабря. № 268.

³ Он же. Исповедь мужа. С. 283.

⁴ Он же. Панславизм и греки // Восток... С. 43.

⁵ Улунян Ар. А. Политическая история современной Греции. Конец XVIII — 90-е гг. XX в. М., 1998. С. 54.

как к стране-освободительнице и часто выступали в ее поддержку, например во время Крымской кампании¹. В то же время морские, торговые интересы Греции и держав Запада, в частности, Великобритании, весьма ощутимо расходились². Однако с течением лет Греция все сильнее попадала в орбиту именно западного, главным образом английского, политического и экономического влияния.

В планах России греческий фактор играл второстепенную роль. Активных ставок на него Петербург не делал, хотя по крайней мере двое высокопоставленных представителей царской дипломатии в регионе — Н. П. Игнатьев в Константинополе и П. А. Сабуров в Афинах, как бы осуществляя, в известной степени, планы К. Н. Леонтьева, пытались включить греков в общий антитурецкий и, в более широком плане, антибританский фронт³.

С появлением панславизма и изменением российской политики в пользу балканских славян традиционная вера греков в Россию значительно пошатнулась⁴. Почти благоговейное ожидание освобождения нации от османского ига великой православной державой Севера, наблюдавшееся накануне борьбы за независимость, сменилось после Крымской войны недоверчивостью, страхом и, наконец, противодействием панславизму⁵. Явным поводом для этого стала поддержка российской дипломатией создания, вопреки противодействию Вселенской патриархии в Константинополе, болгарской независимой церкви (1870 г.)⁶. Соответствовала этому и та помощь, которую русские консульские власти оказывали болгарам Фракии и Македонии, особенно во время их столкновений с греками тех же провинций⁷. Все это происходило на фоне бурного роста греческого национального самосознания, греческого политического национализма. Поэтому вскоре после подавления Критского восстания (1869 г.), когда с молчаливого согласия России и был образован Болгарский экзархат, греки, чьи чаяния удовлетворены не были, разочаровались в ней настолько, что сделали ставку на ее противников⁸, Англию и Францию.

¹ Пападопулос С. Отношение греков к России в период Крымской войны (1853–1856 гг.) // Политические, общественные и культурные связи... С. 88, 93.

² Там же. С. 90.

³ Кофос Э. Указ. соч. С. 146–148.

⁴ Пападопулос С. Указ. соч. С. 93.

⁵ Кофос Э. Указ. соч. С. 144.

⁶ Об истории конфликта Болгарской церкви и Вселенской (Константинопольской) патриархии см. Прот. В. Верюжский. Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы // Журнал Московской Патриархии. 1948. №№ 7, 11–12; Прот. Иоанн Христов. Русско-болгарские церковные отношения в годы болгарской смуты // Журнал Московской Патриархии. 1976. № 8. С. 45–51; Косик В. И. Кремнев Г. Б. Греко-болгарский вопрос // Восток... С. 793–794; Косик В. И. Указ. соч. С. 39–45.

⁷ Кофос Э. Указ. соч. С. 145.

⁸ Там же. С. 146–147.

Последние в той или иной степени поддерживали геополитические планы панэллинизма. В случае окончательного распада Османской империи они предусматривали создание на ее руинах большого греческого государства, которое, по их замыслам, должно было сыграть роль преграды для продвижения России к Проливам и северному побережью Эгейского моря¹.

Постепенно, к 1875–1878 годам, независимая Греция стала для России местом, которое находится в самой прямой зависимости от интересов западных морских держав, в основном — Великобритании, и любая попытка установить тесные узы между Петербургом и Афинами могла иметь исключительно неблагоприятные последствия для интересов обеих стран². Таким образом, в этот период, как писал В. И. Косик, потомки Перикла и Демосфена окончательно предпочли «покровительство далекой Англии и близкой Британской империи «дружескому давлению» своих российских единоверцев»³.

Леонтьев понимал, что прочность позиций России в Юго-Восточной Европе связана не только с военно-политическим, но и с экономическим присутствием ее в этом регионе, в частности — с существованием русско-го парового судоходства на Дунае, и предлагал усилить по нему «движение наших пароходов»⁴.

Он вполне справедливо считал, что по мере распространения европейских мод и утилитарного знания, которое называл «поверхностным», духовный авторитет России на Балканах будет падать⁵, и думал о том, как укрепить ее позиции в борьбе с Западом и западными влияниями на православном Востоке.

Для этого Леонтьев в уже упоминавшемся документе, «Записке о необходимости литературного влияния во Фракии», предлагал усилить воздействие на балканские страны русской культуры: учредить там на государственные счет гимназии, распространить знание русского языка и книги, изданные в России⁶. Понимая, что многого в этот период она по своим финансовым, внутри- и внешнеполитическим обстоятельствам позволить себе не могла, Леонтьев писал: «Учреждение за счет наш гимназий в одном или двух городах Турции... имело бы огромный вес, возбуждая новую благодарность в единоверцах наших. Покровительствуя не только правам и ре-

¹ *Кюфос Э.* Указ. соч. С. 147.

² Там же. С. 153.

³ *Косик В. И.* Указ. соч., С. 95.

⁴ См.: *Леонтьев К. Н. (подп. Ив. Руссопетов)* С Дуная // Одесский вестник. 1868. 6 февр. № 27; Копия с донесения Коллежского Ассессора Леонтьева в Императорское посольство в Константинополь от 9 Ноября 1867 года за № 290 // Он же. Дипломатические донесения... С. 162.

⁵ Он же. Записка о необходимости... С. 210.

⁶ Там же. С. 210–212.

лигии, но и первой степени светского просвещения их, мы приобрели бы еще одно право на их признательность»¹. В принципе Леонтьев высказывал верную и здравую мысль, однако исторические события, последовавшие за освобождением южных славян от османской власти, показали, что несмотря ни на какую поддержку, помощь и даже жертвы со стороны России, принесенные балканским единоверцам, мера их признательности своим освободителям и радателям, в зависимости от различных обстоятельств, менялась чрезвычайно сильно. Эта признательность нередко превращалась (и превращается) в свою противоположность: достаточно вспомнить отношение к России болгарской интеллигенции в период распада «социалистического лагеря» в Восточной Европе. Что же касается реалий XIX столетия, то Отто фон Бисмарк, говоря о южных славянах, заметил: «Все эти народности с радостью приняли помощь России в освобождении от турок; но как только они обрели свободу, они не проявили желаний принять царя в качестве наследника султана»². Впрочем, Леонтьев в 60-е годы и сам видел, что балканские славяне «... еще более греков боятся потерять ту политическую независимость, о которой мечтают, боятся из рук Турции прямо в руки России»³.

Необходимо отметить, что различные учебные заведения, получавшие поддержку и пожертвования как от правительства, так и от частных лиц из России, в данный период на Балканах уже имелись⁴. Как и Леонтьев, другие русские дипломаты, например сараевские консулы А. Ф. Гильфердинг и, впоследствии, А. Н. Кудрявцев, в своих донесениях и письмах ходатайствовали об организации и оказании материальной помощи такого рода учреждениям⁵. Поэтому в вопросе о поддержке Россией в этом регионе школьного дела первопроходцем он не был. Элемент отличия заключался в том, что Леонтьев предлагал гораздо более широкую, чем его коллеги, программу воздействия на умы балканских единоверцев. Фактически он ратовал за те же самые меры, которые уже давно выработали и проводили в жизнь ведущие державы Европы, и не на одном Балканском полуострове, где в данном направлении действовали главным образом Франция, Австрия и Италия, но и по всему миру, только Леонтьев, учитывая реальные возможности царской России, говорил о более ограниченных, в сравнении с буржуазными странами, масштабах такого рода активности. Он и сам наверняка понимал это, когда, например, писал, что на Балканах Россия борется с Западом силою только двух влияний, политического и религи-

¹ Там же. С. 212.

² Цит. по: *Кинросс Лорд.* Указ. соч. С. 572.

³ *Леонтьев К. Н.* Записка о необходимости... С. 209.

⁴ *Косик В. И.* Указ. соч. С. 56.

⁵ См. Там же. С. 57–60.

озного, Запад же сверх этого использует «европеизм», промышленность, книги, моды, обычаи, вкусы и т. д.¹

Уже в то время, считал Леонтьев, Россия могла противопоставить всему этому свою литературу, историческую науку, искусство, например новую иконопись, неовизантийскую архитектуру, влияние некоторых обычаев и т. п. Даже черты и свойства, лишь наполовину национальные, русские, а наполовину западные, были бы, по мнению Леонтьева, для турецких христиан лучше, чем влияния чисто западные, например французские².

Как «охранитель», он полагал, что русское культурное влияние на Балканах предпочтительнее обучения тамошней молодежи в России, так как в училищах и университетах последней она сближается с нигилистами, которые оказывают заметное воздействие на ее умы³. Несмотря на недвусмысленно выраженную озабоченность К. Леонтьева данным обстоятельством, В. И. Косик пишет, что он «явно не учитывал такого мощного поветрия, как нигилизм, привлекательности идей Чернышевского и других обличителей «темного царства» и проповедников «светлого будущего»...»⁴. Притягательную силу русского нигилизма Леонтьев при составлении своей «Записки...», как видно из вышеизложенного, во внимание принимал, хотя вполне очевидно, что, по словам того же исследователя, в это время, т. е. в конце 1865 года, он еще не подозревал — подобно большинству отечественных интеллектуалов, в том числе будущему автору «Бесов» Ф. М. Достоевскому, «об омуте нечаевщины, куда бросится охваченная жертвенным порывом российская молодежь»⁵. Он считал, что нигилистические настроения «... для болгар, сербов или греков гораздо вреднее, чем для нас при могуществе наших консервативных начал в государственной и домашней жизни»⁶. Таким образом, Леонтьев, основываясь на своем опыте дипломата-практика, в отличие от славянофилов полагал, что патриархально-охранительные устои у местных православных народов сильны недостаточно. Однако крепость «консервативных начал» в России мыслитель переоценивал.

Если балканская молодежь, оставаясь у себя на родине, вне сферы прямого интеллектуального воздействия русских нигилистов и не видя непосредственно несовершенств русской жизни (без которых, впрочем, «... не может быть ни один народ, ни одна эпоха»⁷), станет читать русские книги, то она, по мнению Леонтьева, обязательно проникнется симпатией

⁵ Леонтьев К. Н. Записка о необходимости... С. 211.

¹ Там же. С. 212.

² См. Там же. С. 214.

³ Косик В. И. Указ. соч. С. 61.

⁴ Там же.

⁵ Леонтьев К. Н. Записка о необходимости... С. 214.

⁶ Там же. С. 213.

к России и ее общественному устройству, даже если в этих книгах и встретятся изображения ее недостатков¹.

Он наметил список книг для обучения в русских училищах, которые предлагал открыть прежде всего во Фракии². На первом году занятий в них Леонтьев рекомендовал штудировать, помимо других изданий, сочинения А. С. Хомякова³, «Историю России» С. М. Соловьева, стихотворения А. В. Кольцова, журнал «Русская беседа», «Северорусское народоправство» Н. И. Костомарова, «Историю славянских литератур» А. Н. Пыпина, «Боснию и Герцеговину» А. Ф. Гильфердинга, а также «Обзор современных конституций» 1862 года издания, составленный, как писал Леонтьев, в «умеренно-либеральном» духе. Из иностранных книг он считал необходимыми для балкано-русских училищ «Историю цивилизации в Европе и во Франции» Ф. Гизо, трактат Дж. Ст. Милля «О свободе», «Опыт определения границы влияния государства» В. Гумбольдта, сочинения А. Токвиля, а также русские переводы некоторых других книг. Для второго года обучения он рекомендовал, в частности, славянофильскую газету «День» за все годы ее издания (т. е. с 1861 до октября 1865 гг.), «Историю» Н. М. Карамзина, «Стеньку Разина» и «Богдана Хмельницкого» того же Костомарова, журнал «Ясная поляна» Л. Н. Толстого, сочинения И. В. Киреевского, «Русский народный эпос» Ф. И. Буслаева, «Быт русских царей» И. Е. Забелина, сборник «Прописи» своего однофамильца П. М. Леонтьева, сочинения В. Г. Белинского, Ф. Р. де Шатобриана, «Land und Leute» В. Рилиа и др. На третьем году обучения Леонтьев предлагал штудировать сочинения митрополита Филарета, работы по истории русского раскола от. Макария и других авторов, «La Guerre et la Paix» П. Прудона и т. д.⁴

Этот список очерчивает (но не исчерпывает) круг чтения Леонтьева в рассматриваемое время, позволяет погрузиться в ту интеллектуальную атмосферу, в которой он жил. Как видим, помимо явных консерваторов (Ф. Шатобриан, Н. М. Карамзин, Филарет) и славянофилов (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, А. Ф. Гильфердинг) Леонтьев обращался к книгам и авторам либерального («Обзор современных конституций», Дж. Ст. Милль, А. Н. Пыпин), демократического (В. Г. Белинский) и даже откровенно революционного толка (П. Прудон), однако делал из них свои собственные выводы, брал только то, что отвечало его собственным взглядам, и старался использовать для целей, им намечаемых. Так, необходимость изучения балканской молодежью трактата Милля обосновывалась стремлением Леонтьева «напомнить о необходимости

⁷ Там же. С. 214.

¹ Там же. С. 212.

² Здесь и далее названия приводятся так, как они даны К. Леонтьевым.

³ Леонтьев К. Н. Записка о необходимости... С. 214–216.

разнообразного развития личности, чего совершенно нет у православной буржуазии на Востоке». У А. де Токвиля ему импонировали высказывания против, по выражению самого Леонтьева, «излишеств» демократии во Франции и Америке. Указанное сочинение Прудона он находил сильно уклоняющимся по духу от его революционных сочинений и даже проникнутым религиозным чувством; в нем же Леонтьев отыскал «доброе слово о России», статьи о Польше и России в пользу последней. В издании французского социолога Ф. Ле-Плэ его привлекли похвалы русской общине, у В. Рилия — «крайняя преданность» автора «сельскому охранительному началу и национальной физиономии»¹.

В связи с Восточным вопросом Леонтьева интересовал не только православный, но и исламский мир. Он считал, что мусульманская цивилизация может быть погублена европейским просвещением, а ее гибель приведет к уменьшению духовного богатства (понимаемого как разнообразие) всего человечества. Исламский мир, полагал мыслитель, способен к самобытному обновлению, но для этого ему нужно очистить Балканы и предоставить тамошним христианам возможность развиваться самостоятельно. Благодаря уходу из Европы мусульманская цивилизация избавится от опасности «стать жалким лакеем Запада»².

Приверженная исламу Турция и ее хозяева Леонтьеву откровенно нравились — в первую очередь из эстетических побуждений. Турецкую кровь он предпочитал не только европейской, но и балканской, поскольку турки, с его точки зрения, имели гораздо меньше буржуазных, западных черт и наклонностей, нежели подвластные им славяне и греки. И все-таки, повторял Леонтьев с некоторой грустью в голосе, османы должны будут отступить за Босфор, ибо против них действует общая направленность исторического процесса. Они уступают в силе своим противникам — России и балканским христианам, составляющим большую часть населения полуострова, не в пользу турок и «раздоры слепых дураков — европейцев»³. Однако желательнее, чтобы они ушли без катаклизмов и потрясений, «посредством общих реформ». С этой целью, считал Леонтьев, Россия должна стать их союзником, их самым искренним и верным другом и, пугая и турок, и христиан Австрией и Германией, подвигать османскую администрацию к медленным, но прочным политическим преобразованиям. Тогда, лет через 25–50, рассчитывал он, христиане наберутся гражданской зрелости, возьмут в свои руки все дела управления, и «султан, быть может,

без пролития капли крови русской и турецкой уйдет за Босфор, оставаясь и в Азии нам другом»¹.

Как видим, проект Леонтьева был реформистским, проникнутым тем умеренно-либеральным духом, против которого он сам с середины 70-х неистово восставал. Составив его, мыслитель изменил своему всегдашнему эстетизму, требовавшему борьбы и битв, в пользу пацифизма и гуманизма. Но план Леонтьева осуществлен не был. События на Балканах всего через несколько лет пошли совершенно иным путем — гораздо более коротким и кровавым: «эстетика жизни» одержала победу над реформизмом. К этому времени проект Леонтьева устарел — благодаря восстановлению военно-политической мощи России, оправившейся от последствий Крымской кампании, и росту национально-освободительных движений в турецких владениях. Соединение этих факторов шансов на воплощение в жизнь леонтьевского плана практически не оставило.

В рассуждениях мыслителя о необходимости союза России с султаном и нежелательности быстрого ухода османов с европейского берега Босфора сказывалась свойственная ему симпатия к азиатским народам, все еще сохранявшим, в отличие от европейцев, яркие и многокрасочные одежды своих национальных культур, приверженность традиционным религиям. Эти симпатии были обратной стороной и даже логически необходимым элементом, уравновешивавшим эстетическую ненависть Леонтьева к современному ему Западу, речь о чем пойдет несколько ниже. Но, подчеркиваем, первичны в отношении мыслителя к Востоку не эти симпатии, а неприязнь, сначала только эстетическая, а потом еще и историософская, к новейшей буржуазной Европе. Леонтьев отворачивается от Запада, и взгляд его, в отсутствие других достойных внимания объектов, падает на Азию; Мыслитель всматривается в нее, находит в патриархальном укладе азиатских народов черты своего социально-политического идеала, основанного на идее культурно-эстетического разнообразия человечества, и проникается к ним глубокой симпатией.

С середины 60-х годов XIX века Леонтьев начал рассуждать и о национальном вопросе. Национальный вопрос стал для него (и остался до конца жизни) вопросом прежде всего не политическим, а культурным, вопросом создания и развития славянских, в первую очередь русской, самобытно-национальных культур. Такова была свойственная Леонтьеву специфика понимания этого острого и тогда, и в наши дни комплекса общественно-политических проблем.

Еще в 1865 г. он высказал мысль, что одного обладания политической независимостью для того, чтобы считаться нацией, недостаточно². Помимо

¹ Леонтьев К. Н. Записка о необходимости... С. 215–216.

² Он же. Исповедь мужа. С. 283.

³ Он же. Письмо к Ф. Р. Остен-Сакену от 15. 9. 1871 г. // Российский архив. 1999. Вып. 9. С. 210.

⁴ Там же. С. 211.

¹ Он же. Записка о необходимости... С. 211.

этого, нужна национальная самобытность, особая и оригинальная культура. Под «ярко-национальным ярмом», т. е. при господстве самобытных культурных форм, даже «бытовая безличность» отдельных индивидов, их следование тем или иным исторически сложившимся стандартам жизни и поведения, считал он, почтенно и плодоносно¹.

Без культурного своеобразия можно быть огромным государством, но нацией, особенно великой, нельзя². Великий народ должен иметь хоть сколько-нибудь самобытную культуру, в виде только большого государства ему даже и жить не стоит³. Прежде всего это относится к России: именно ей пора стать не только великим государством, но и великой нацией⁴, то есть, по логике Леонтьева, она нуждалась в развитии и углублении собственной своеобразной культуры.

Леонтьев понимал, что национальное своеобразие не в состоянии держаться только охранением старого, что необходимо интенсивное культурное творчество, создание новых оригинальных форм, но, полагал он, эти формы должны создаваться лишь «на основе того, что названо так удачно «почвой»⁵. Тем не менее, мыслитель не был непримиримым противником инокультурных заимствований, считая что обстоятельства «вынуждают нередко принимать отчасти что-нибудь чужое для полного развития своего народного в высшее национальное»⁶ (Несколько забегая вперед, скажем, что в помощи «развитию своего народного в высшее национальное» виделась ему миссия европейской культуры по отношению к культуре русской). В то же время народ, который свое национальное доводит до высших пределов развития, служит, причем наилучшим образом, не только себе, но и мировой цивилизации в целом⁷. Все произведения искусства и мысли, которые приобрели всемирное значение, именно потому и стали таковыми, что были в высшей степени национальны. Источником этой идеи сам Леонтьев называет, хотя и не совсем уверенно, почвеннический журнал «Время»⁸.

Одним из важнейших компонентов национального своеобразия, его фундаментом и основой Леонтьев считал религиозные верования народа. Твердые верования были для него проявлением не фанатизма, а силы,

² См. Он же. Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве // Аполлон Григорьев. Воспоминания: Воспоминания Аполлона Григорьева и воспоминания о нем. М.; Л., 1930. С. 542.

³ Он же. Грамотность и народность... С. 388.

⁴ Там же. С. 398.

⁵ Он же. Владимир Соловьев против Данилевского // Восток... С. 495.

⁶ Он же. С Дуная II.

⁷ Он же. Грамотность и народность. С. 377.

⁸ Там же. С. 383–384.

⁹ Там же. С. 398.

тогда как безверие виделось ему симптомом болезни и слабости¹. Московские славянофилы могли бы с ним согласиться. По мнению Леонтьева, религиозные начала в условиях современного мира, особенно на Западе, нуждались в поддержке и возрождении. Религиозное возрождение, полагал он тогда, возможно только при союзе простонародных верований с проявлениями высшей, элитарной культуры, причем светского, а не клерикального характера. По-видимому, Леонтьев исходил из того факта, что на протяжении последних веков, начиная с эпохи Возрождения, разнообразные достижения науки и философии обогащали в первую очередь именно светскую культуру, затмевавшую культуру религиозную. Последняя, в лице своих представителей, почти не умела пользоваться ими для удержания своих интеллектуальных позиций. Леонтьев же хотел поставить эти достижения на службу церкви как основе, фундаменту национального своеобразия. И здесь светские фигуры, главным образом клерикально, традиционалистски настроенные мыслители, действительно могли сыграть и играли очень большую роль. Даже во Франции, где духовенство очень образованно, аргументировал свою идею Леонтьев, в начале XIX столетия такие представители светского общества, как Ройе Коллар, Ф. Шатобриан и Ж. Де Местр сделали для религии больше, нежели сановники церкви². На наш взгляд, данный вывод Леонтьева вполне обоснован. Вышеперечисленные французские консерваторы послужили укреплению католицизма по крайней мере не в меньшей степени, чем облаченные в сутану представители клира.

Религиозные взгляды самого Леонтьева в данный период А. А. Александров довольно метко охарактеризовал как «эстетический деизм» или «эстетический монотеизм». Христианские Церкви — как православная, так и римская, а также буддизм и мусульманство, были для него в первую очередь «особого рода проявлением прекрасного на земле»³. По его же собственному признанию, в православии в 60-е годы он «... ни бельмеса не понимал»⁴, но любил его «воображением и сердцем», равно как обряды, философию и верующих людей. В минуты сильных потрясений, горя, опасности, радости и т. п. Леонтьев прибегал к молитве, но глубоко религиозным человеком всё еще не был: он, в частности, не веровал в загробную жизнь⁵. Позиции греко-российской церкви Леонтьев, будучи дипломатом,

¹ Он же. Хризо. С. 58.

² Он же. Записка о необходимости... С. 211.

³ Александров А. А. Константин Николаевич Леонтьев // Русский вестник. 1892. Т. 219. № 4. С. 262.

⁴ Леонтьев К. Н. Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой // Восток... С. 459.

⁵ Александров А. А. Указ. соч. С. 262.

отстаивал активными действиями: например, оказывал отпор католической пропаганде во Фракии¹.

2.2. Запад и Россия во взглядах К. Н. Леонтьева 60-х гг. XIX в.

Уже в рассматриваемую эпоху и Восточный, и национальный вопросы были для Леонтьева, как и для Н. Я. Данилевского, особыми аспектами сложнейшей историософской проблемы, проблемы дальнейших судеб всего человечества. Подобно последнему, он сформулировал ее как проблему «Россия — Европа», «Россия — Запад». Однако произошло это независимо от влияния Н. Я. Данилевского, поскольку первая публикация его трактата «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому» состоялась лишь в конце этого десятилетия, в 1869 г.²

Леонтьев же, без всякого воздействия со стороны Данилевского, о существовании которого тогда едва ли подозревал, в течение 60-х годов все сильнее укреплялся в своем неприятии новейшего Запада, начав ненавидеть его уже в 1861–1862 гг.³, т. е. во время второго «умственного перелома», и выступал против современной европейской цивилизации. С течением лет, в процессе активной борьбы с действиями европейской дипломатии на Востоке, он пришел к мнению, что культура Запада, которую она представляет, ведет человеческое общество ко все более ускоряющемуся разложению и, в конечном итоге, к гибели. Не устраивала его и слепая вера в европейский способ прогресса⁴.

Тем не менее, в рассматриваемое время Леонтьев был еще довольно далек от того, что в последующие годы считал «систематическим и рационально... оправданным отвращением к индустриальным открытиям и физико-механическому прогрессу». Мысль, что такого рода прогресс «чрезвычайно вреден и разрушителен для всего человечества», что он есть «лишь неизбежный спутник либерального плутократизма — гадкий и вредный плод сочетания утилитаризма в науке со слишком свободным движением капиталов и людей и должен погибнуть вместе

¹ См. Он же. Донесение Н. П. Игнатьеву № 85 от 8. 4. 1867 г. // Он же. Дипломатические донесения... С. 132–133.

² О публикации этого трактата см. *Страхов Н. Н.* Жизнь и труды Н. Я. Данилевского // *Данилевский. Н. Я.* Указ. соч. С. XXVIII.

³ *Леонтьев К. Н.* Письмо к В. В. Розанову от 13–14. 8. 1891 г. // Он же. Избранные письма: 1854–1891 гг. СПб., 1993. С. 587.

⁴ Он же. (подп. Ив. Русопетов) С Дуная I // *Одесск. вестн.* 1867. 14 сент. № 201.

с либерально-эгалитарным идеалом нынешних обществ», только формировалась в его сознании¹. Ясного понимания всего этого у Леонтьева еще не было. По своему, как сам он определял, «полугосударственному, полуэстетическому инстинкту» Леонтьев лишь «чувствовал», что те труды и затраты, которые вкладываются в современный прогресс, в различные эпохальные проекты наподобие Суэцкого канала, далеко не всем могут быть полезны и выгодны, а уж прекрасного в них нет ничего. Поэтому, например, в 1869 г., при торжественном открытии того же Суэцкого канала он, просматривая газеты, оставлял без внимания все, что касалось самого канала и интересовался гораздо больше императрицей Евгенией, супругой Наполеона III (которая отличалась редкостной красотой), ее художественными впечатлениями на Востоке и вообще важными персонами, присутствовавшими на празднествах². Для Леонтьева рассматриваемого периода, с его эстетизмом, эротизмом и культом выдающихся личностей, это было совершенно естественно.

Необходимо отметить, что именно к рассматриваемому периоду относится первый набросок леонтьевской «гипотезы триединого развития», которая со второй трети 70-х годов XIX столетия применялась мыслителем для понимания и анализа различных, в первую очередь социально-исторических явлений. Согласно положениям этой «гипотезы», общества, подобно биологическим организмам, проходят вполне определенный жизненный цикл. В своем восходящем развитии они все более и более усложняются, с течением времени достигают периода зрелости, а затем, в процессе развития нисходящего, постепенно упрощаются и, наконец, гибнут. При этом общества неразвитые, примитивные, имеют множество сходных черт, общества, достигшие расцвета, предельно резко отличаются друг от друга, общества деградирующие опять приобретают все большее и большее сходство³. В 60-е К. Н. Леонтьев эту гипотезу ещё не сформулировал, но уже иллюстрировал её натуралистическими примерами. «Все яблоки незрелые зелены и кислы; в период зрелости их вкус и вид разнообразны. Когда они начинают падать и гнить, они опять становятся сходны»⁴ — писал он

¹ Он же. Знакомство с Лессепсом // Он же. Цветущая сложность. М., 1992. С. 178.

² Там же.

³ См.: Он же. Византизм и славянство // *Восток...* С. 129–134. Также см.: *Янов А. Л.* Славянофилы и Константин Леонтьев // *Вопр. философии.* 1969. № 8. С. 102; *Дамье Н. В.* К. Н. Леонтьев и классическое славянофильство // *Кентавр.* 1994. № 1. С. 40; *Володихин Д. М.* «Высокомерный странник». Философия и жизнь Константина Леонтьева. М., 2000. С. 126–127; *Хатунцев С. В.* К. Н. Леонтьев о национализме и национальной политике // *Страницы истории и историографии Отечества.* Воронеж, 2001. Вып. 3. С. 136–137.

⁴ *Леонтьев К. Н.* С Дуная II.

в очерке «С Дуная», вышедшем на страницах газеты «Одесский вестник» 16 сентября 1867 года, т. е. более чем за год до *начала* публикации трактата Данилевского в журнале «Заря». Нетрудно увидеть, что вышеприведенная фраза является своего рода «конспектом» гипотезы «триединого развития», изложенной Леонтьевым в эссе «Византизм и славянство»¹. Она, как сказано выше, представляет собой один из первых внятно и узнаваемо звучащих ее мотивов на страницах леонтьевских сочинений, на что исследователи творчества этого мыслителя внимания пока что не обращали.

Данная «гипотеза» находится в русле распространенной во второй половине XIX — начале XX веков так называемой «органической теории государства», рассматривавшей общество как организм, подчиняющийся в своем развитии, жизни и гибели тем же законам, что и биологические единицы². Ее научный предшественник, Дж. Вико, еще в 1725 году в трактате «Основания новой науке о природе наций» периодизировал историю народов по возрастным признакам: детство, юность и зрелость. По завершении зрелости, полагал Вико, наступает деградация общества до первобытного состояния.

Более пространную «родословную» леонтьевской концепции приводит в своей диссертации Р. А. Гоголев. Он отмечает, что как «биологический» или «органический закон» использованная этим мыслителем историософская схема встречается во всех традиционных типах историзма. Популярная в античности, она была «воцерковлена» усилиями представителей христианской патристики — Киприана Карфагенского и Лактанция, стремившихся примирить цикличность и линейность исторического процесса³.

То, что «органическая теория» стала частью мировоззрения К. Леонтьева, активно изучавшего естественные науки именно «органического» цикла и получившего в Московском университете образование медицинское, вполне закономерно. Как говорилось выше, в студенческие годы он был увлечен трудами врача и анатома К. Г. Каруса, одного из отцов «органической теории»⁴ в XIX веке. По всей вероятности, повлияла на его взгляды и концепция Т. Н. Грановского, труды которого он читал, даже конспектировал еще будучи гимназистом — старшекласником⁵ и с которым был

¹ Первая публикация — 1875 г.

² Малый энциклопедический словарь Брокгауза – Ефрона: В 4 т. М., 1997. Т. 3. С. 823.

³ Гоголев Р. А. Философия истории К. Н. Леонтьева: Дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2001. С. 75.

⁴ Галактионов А. А. Органическая теория как методология социологической концепции Н. Я. Данилевского в книге «Россия и Европа» // Данилевский. Н. Я. Указ. соч. С. XII.

⁵ Леонтьев К. Н. Владимир Соловьев... С. 492.

знаком лично. Грановский «принимал историю за правильно развивающийся организм»¹, был сторонником «возрастной» концепции истории, которую в России использовали еще В. Н. Татищев и А. Н. Радищев, а на Западе в XVIII столетии помимо Дж. Вико обосновывал И. Г. Гердер. Грановский постулировал, что каждый народ проходит фазы, аналогичные фазам жизни отдельного человека: младенчество, юность, возмужалость, когда «для народа наступает «историческое время», сопровождающееся «пробуждением духа из природы и его раскрытием в многообразии форм и индивидуальностей», что вызывает бурное действие внутренних сил, борьбу противоположностей до тех пор, пока они не истощают себя до оцепенения», означающего старость народа². Концепция, уподобляющая историческое развитие развитию организма (младенческий период, период зрелости и т. д.), являлась в XIX столетии достаточно популярной, она, в частности, была взята на вооружение славянофильством³, высоко ценимым К. Н. Леонтьевым с начала 60-х годов.

А. А. Галактионов отмечает, что «органическое» объяснение природы и общества принадлежит к числу «сквозных» концепций в развитии отечественной мысли. В России оно имело длинную историю, захватившую весь XIX век; сохранилась органическая теория и в некоторых влиятельных научно-философских направлениях века XX. Эта теория представлена именами Д. М. Велланского, А. И. Галича, Н. И. Надеждина, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, К. С. Аксакова, Ф. И. Тютчева, М. В. Буташевича-Петрашевского, Н. А. Добролюбова, Н. К. Михайловского, уже упоминавшихся Т. Н. Грановского, К. Д. Кавелина, Ф. М. Достоевского, Н. Н. Страхова, А. А. Григорьева⁴, и, конечно же, Н. Я. Данилевского. Согласно К. Н. Бестужеву-Рюмину, «зародыш» теории культурно-исторических типов последнего — «в давнем мнении о том, что народы, как и люди, мужают, стареются и умирают»⁵. Вслед за Бестужевым-Рюминым С. И. Бажов в числе одной из главных посылок концепции Данилевского называет выделение присутствующих организмам фаз биологического развития у отождествленных с ними этноисторических образований⁶. В самом деле: автор «России и Европы» указывал, что «исторические» народы, где бы они ни жили, «... как все органическое имели свои фазисы развития, хотя, конечно, нет никакой надобности, чтоб их насчитывалось непременно три, ни более, ни менее»⁷.

¹ Галактионов А. А. Органическая теория... С. XIII.

² Там же. С. XIV.

³ Славянофильство и западничество... Вып. 2. С. 143.

⁴ Галактионов А. А. Органическая теория... С. XI.

⁵ Бестужев-Рюмин Н. К. Теория культурно-исторических типов // Данилевский. Н. Я. Указ. соч. С. 461.

⁶ См.: Бажов С. И. Философия истории Н. Я. Данилевского. М., 1997. С. 90, 95.

⁷ Цит. по: Бажов С. И. Указ. соч. С. 96.

Согласно Данилевскому, этнические группы «нарождаются, достигают различных степеней развития, стареют, дряхлеют, умирают — и умирают не от внешних только причин»¹. Как отмечал Бажов, К. Леонтьев разделял эту фундаментальную натуралистическую установку Н.Я. Данилевского². Однако пришли они к этой установке каждый своим путем, и, очевидно, было бы ошибкой считать, подобно И.А. Исаеву, развивающему соответствующие идеи В.В. Зеньковского и пишущему, что Леонтьев заимствовал у Данилевского «представление о культуре как об органическом (растущем и умирающем) единстве, а вместе с этим и естественнонаучные методы анализа»³: ко времени опубликования трактата «Россия и Европа» он, как это показано выше, был хорошо знаком с «органической теорией» из других источников и сам в большей или меньшей степени являлся ее приверженцем и последователем, а «естественнонаучные методы анализа» усвоил еще на студенческой скамье. Согласно В.В. Розанову, который, как мы считаем, в данном случае более близок к истине, чем Исаев, свое учение о трех фазах всякого развития Леонтьев взял «практически из медицинских наблюдений...»⁴. Кроме того, как говорилось выше, первые рельефные наброски леонтьевской «гипотезы триединого развития», в основе которой лежит вышеупомянутая идейная установка, появились более чем за год до начала публикации работы Н.Я. Данилевского. Поэтому, не оспаривая точек зрения Н.В. Дамье о том, что Леонтьев сформулировал свой закон «триединого развития» под влиянием теории культурно-исторических типов Данилевского, и А.Н. Мочкина, что он отталкивался от его теории органической философии истории, мы не можем согласиться с мнениями И.А. Немцева, считающего, что Леонтьев воспринял органицизм от Данилевского, и Т.С. Григорьевой, усмотревшей истоки леонтьевского органицизма в трудах А.С. Хомякова⁵. Предположение Т.С. Григорьевой отвергается не только исходя из вышеприведенных резонансов, но и потому, что в студенческие годы, когда формировались органицистские пристрастия Леонтьева, славянофил Хомяков, как говорилось выше, не был

¹ Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 62.

² Бажов С.И. Указ. соч. С. 137.

³ Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России: конец XIX — начало XX вв. М., 1991. С. 9.

⁴ Розанов В.В. О Константине Леонтьеве // Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Ширинянц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000 С. 179.

⁵ Дамье Н.В. Философия истории К.Н. Леонтьева: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1993. С. 14; Мочкин А.Н. Парадоксы неоконсерватизма (Россия и Германия в конце XIX — начале XX века). М., 1999. С. 19; Немцев И.А. Славянофильство в истории российского консерватизма XVIII — начала XX веков: Дис. ... канд. историч. наук. Пермь, 1998. С. 162; Григорьева Т.С. Концепция культурного идеала К.Н. Леонтьева: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1993. С. 35.

для него интеллектуальным авторитетом, в отличие от западника Грановского. Что же касается влияния Данилевского, то, как чрезвычайно точно заметил Р.А. Гоголев, Леонтьев «подчас использовал лишь понятийный аппарат «России и Европы», пытаясь, в сущности, выразить собственные взгляды»¹.

В статье К. Леонтьева «С Дуная» от 16.9.1867 г. содержится и первая многозначительная оценка перспектив развития европейских стран. «Европа, — писал Леонтьев, — идет к буржуазной безличности и к такому ужасающему однообразию, что... приходит в голову: дикие люди однообразны и тупы — но как волки; а будущие европейцы будут тоже однообразны и тупы — но как трудолюбивые и жирные бобры»². Характеристика вышеописанного процесса в связи с тем, что в той же работе К.Н. Леонтьева было сказано о мотивах «гипотезы триединого развития», наводит на мысль, что его конечный результат — всеобщее однообразие, сходство, уже тогда, т. е. в 1867 г., представлялся ему, хотя и не до конца осознанно, преддверием грядущей культурно-исторической гибели Запада.

Как говорилось выше, катализатором леонтьевской идеи о том, что последний движется к «буржуазной безличности» и нивелировке, являлись не столько работы А.И. Герцена, русского революционера и, по выражениям Н.Г. Чернышевского, самого Леонтьева, а также В.В. Воровского и П.Ф. Преображенского, «барина»³, сколько трактат Дж. Ст. Милля «О свободе». Именно эта работа посеяла в Леонтьеве убеждение, что Европа «стремится к мертвенному однообразию, к смерти всего наивного, энергического и утонченного..., одним словом, к среднебуржуазному, торговому идеалу»⁴. Однако сам ее автор давал гораздо более осторожные и умеренные оценки.

После прочтения вышеупомянутого трактата у Леонтьева сложилось представление, что Милль ждал отпора насильственному уравниванию всякой самобытности жизни со стороны «... самой крайней и смелой ори-

¹ Гоголев Р.А. Указ. соч. С. 76.

² Леонтьев К.Н. (подп. Ив. Русонетов) С Дуная II.

³ См. Преображенский П.Ф. Александр Герцен и Константин Леонтьев (сравнительная морфология творчества) // Печать и революция. 1922. № 2. С. 80; Чернышевский после встречи с Герценом в Лондоне в 1860 году говорил, что у него «в нутре московский барин сидит» (Цит. по: Богучарский В. Из прошлого русского общества. Спб., 1904. С. 250), а В.В. Воровский утверждал, что Герцен был «барин по навыкам, вкусу и многим понятиям» (Воровский В.В. Был ли Герцен социалистом? // Он же. Литературно-критические статьи. М., 1956. С. 385). Кроме того, сам В.Я. Богучарский писал о «барской натуре» Герцена (Богучарский В. Указ. соч. С. 246), а Н.С. Русанов — о его «барской физиономии» (Русанов Н.С. Наша текущая жизнь. (Газетно-журнальное обозрение) // Русское богатство. 1901. № 12. Отд. II. С. 203.).

⁴ Леонтьев К.Н. С Дуная II.

гинальности мыслителей»¹. Но этот английский философ, чуждый любого радикализма, писал только о необходимости «различия во мнениях» среди представителей «наиболее интеллигентного класса общества»², что является еще одним свидетельством того, насколько своеобразно воспринимал К. Леонтьев идеи Дж. Ст. Милля. Фактически он приписывал последнему собственные интерпретации его идей, поэтому говорить об их прямом заимствовании Леонтьевым у Дж. Ст. Милля было бы некорректно. Что же касается мыслителей как спасителей «эстетики жизни», то, по мнению Леонтьева, они сами могли быть оригинальны лишь там, где «почва» — культурно-политическая и собственно социальная ткань человеческих обществ — богата содержанием и оригинальна³. Данная идея Леонтьева кажется весьма глубокой и во многих отношениях верной. Там, где человеческие общества процветали, где кипела сложная, богатая историческая жизнь, мысль развивалась. Там, где историческая жизнь скудела, ее развитие прекращалось.

В Европе «душа убывает», соглашался Леонтьев со славянофилом К. С. Аксаковым и с провозвестником «русского социализма» А. И. Герценом⁴, а «гений жизни с грустью собирает угасить свой факел»⁵, однако для него это отнюдь не означало, что Запад уже находится на смертном одре. Взятый совокупно, он обладал значительной вещественной силой⁶, а политический мог еще стоять и долго, и крепко⁷, вполне объективно считал Леонтьев. Подобных мнений придерживались и другие представители русской социально-политической и исторической мысли, в том или ином отношении являвшиеся предшественниками К. Н. Леонтьева: В. Ф. Одоевский, славянофилы, Герцен. Ниже мы увидим, что идеи А. И. Герцена, славянофилов и В. Ф. Одоевского — если, конечно, Леонтьев был знаком с его книгой «Русские ночи», на что в источниках указаний нет — подверглись заметной корректировке на основе полученного им общественно-политического опыта.

В. Ф. Одоевский, бывший председатель «Общества Любомудрия» (1823–1825 гг.), который одним из первых в России — не позднее 1834 года, по мнению Н. И. Цимбаева⁸ — пришел к выводу, что «Запад гибнет»⁹, так-

¹ Там же.

² См. *Милль Дж. Ст.* О свободе. 2-е изд. СПб., 1906. С. 149.

³ *Леонтьев К. Н.* С Дуная II.

⁴ См.: *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 44; *Герцен А. И.* Джон Стюарт Милль и его книга «On Liberty» // Он же. Собр. соч.: В 30 т. Т. XI. М., 1957. С. 69.

⁵ *Леонтьев К. Н.* Грамотность и народность. С. 359.

⁶ См. Там же.

⁷ Он же. С Дуная II.

⁸ *Цимбаев Н. И.* Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 1986. С. 70.

⁹ *Одоевский В. Ф.* Русские ночи. Л., 1975. С. 147.

же не видел в Европе «признака близкого [курсив мой — С. Х.] падения». Он совершенно справедливо считал, что Европа в его эпоху была могуча и богата «силами и средствами жизни» как никогда, а ее «... вещественная сила такова, что весь мир преклоняется пред Западом»¹. По мнению А. С. Хомякова, поскольку в Европе ключи христианской силы еще были живы, то и она сама «еще жива, еще мечется в тоске и в страшной тревожной напряженности...»². Согласно В. В. Зеньковскому, славянофилы хорошо понимали и возможность чисто технического прогресса Европы³. А. И. Герцен тоже считал, что Запад все еще располагает силами, унаследованными им от своего прошлого. «Он [Запад — С. Х.] может долго стоять...», — писал Герцен в книге «С того берега»⁴.

Таким образом, формулировка анализируемых идей К. Н. Леонтьева ближе всего к формулировке именно А. И. Герцена. Однако речь не может идти о простом заимствовании, о «списывании» Леонтьевым герценовских фраз. Леонтьев делал акцент на политическом могуществе Запада. С ним, будучи практически дипломатом, он постоянно сталкивался в турецких провинциях, с ним он боролся и вполне объективно оценивал его действительные масштабы. И хотя политическая сила была для Леонтьева одним из важнейших показателей жизнеспособности общественных организмов, только политическое существование, о чем уже говорилось, не было для него полноценной жизнью⁵.

В 60-е годы, исходя из вышеприведенных посылок, Леонтьев, в отличие от славянофилов и, тем более, адептов теории «официальной народности» времен Николая I, говорил не о «гниении», а об «окаменении» Запада⁶. Происхождением, по выражению П. Б. Струве, «теории-афоризма» о «гнилом» (или «гниющем») Западе мы обязаны С. П. Шевыреву⁷. Эта идея развивалась в его статье «Взгляд Русского на современное образование Европы», помещенной в журнале «Москвитянин» в 1841 году⁸. Мысль о «гниении» Запада и превосходстве над ним православной и самодержавной России превратилась в один из краеугольных камней теории «официальной народности»⁹, но основывалась на широко распространенных

¹ Там же. С. 150.

² Цит. по: *Зеньковский В. В.* Русские мыслители... С. 49.

³ Там же. С. 45.

⁴ Цит. по: Там же. С. 59.

⁵ *Леонтьев К. Н.* С Дуная II.

⁶ Там же.

⁷ См.: *Масарик Т. Г.* Указ. соч. С. 300; *Пыпин А. Н.* Белинский. Его жизнь и переписка. СПб., 1876. Т. 2. С. 134, прим. 2.

⁸ *Шевырев С. П.* Взгляд Русского на современное образование Европы // *Москвитянин.* 1841. № 1. С. 219–296.

⁹ *Цимбаев Н. И.* Указ. соч. С. 68.

тогда в Европе критических оценках ее развития, представлениях о ее упадке, и т. д. Эти темы звучали в творчестве таких выдающихся западных интеллектуалов, как А. де Токвиль, Г. фон Клейст и многих других, став, по замечанию В. К. Волкова, своеобразной модой еще в 30-е годы XIX столетия. Правящие круги Российской империи использовали самокритику Запада для противодействия проникавшей из-за рубежа революционной идеологии и борьбы с течениями, видевшими будущее России в развитии по тому же капиталистическому пути, что и европейские государства¹. Однако и некоторые крупные представители такого рода течений, либералы-западники, например В. П. Боткин, тоже соглашались по-своему с тезисом о «гниении» Европы. Но Боткин под «гниением» Европы понимал острейший кризис ее средневековых, феодально-аристократических и патриархальных институтов семьи, государственности и общества в целом, «... распадение всего старого порядка вещей»². Эта оценка, на наш взгляд, была вполне адекватна реальному положению вещей на европейском континенте в середине XIX столетия. В то же время адепты «официальной народности», славянофилы и В. Ф. Одоевский степень «гнилости» Европы явно переоценивали.

Более полно, чем либералы-западники, тезис о «гниении» Запада поддерживал разошедшийся с ними во взглядах на социально-политические вопросы А. И. Герцен, хотя само это понятие он употребляет избегая, видимо, для того, чтобы не иметь ничего общего с теорией «официальной народности». После подавления Июньского восстания 1848 года в Париже он, живя в Европе, считал что окружающий его мир «умирает»³, писал о разложении элементов, составляющих организм «западного старика»⁴.

Но несмотря на сходство формулировок, по сути своей представления Леонтьева об «окаменении» Запада более всего приближались не к взглядам Герцена, а к славянофильскому варианту теории «гниющей Европы». Эта близость самим Леонтьевым не акцентировалась, о чем свидетельствует то, что он выработал свой собственный термин для их теоретического обобщения. Леонтьев считал, что «окаменение», помимо гниения, которое ужасно, но плодотворно, является еще одним из видов смерти живого⁵. И прежде всего оно касается духовной стороны жизни Европы, в которой мелкое знание распространяется в ущерб высшему

творчеству духа¹, а торжество промышленности почти убило все накопленные ею запасы духовных сил и скоро убьет оставшиеся². Даже Франция, авангард западной цивилизации, «духовно перегорела и сильна только политическим единством своим, армией и демократическим воодушевлением без всякого содержания, обещающего что-нибудь особенно новое для человечества в будущем», — писал Леонтьев в октябре 1865 года³. Запад все больше и больше, по его мнению, становился чем-то напоподобие железной машины⁴.

Славянофилы также постулировали исчезновение в Европе творческих сил и «духа живого». Они, по словам В. В. Зеньковского, ощущали «приостановку внутреннего продуктивного творчества в европейской душе», ощущали «как задыхается творческий дух в омертвевших условиях жизни на Западе», его «трагическое духовное бесплодие», его «пустодушие». «Замирание» духовной жизни в Европе, считали они, не только не ослабляется грандиозным развитием ее технической и интеллектуальной культуры, но, наоборот, прямо пропорционально ее возрастанию⁵.

В первой половине XIX в. Франция, а также Англия и Германия, отмечал Леонтьев, дали истории множество ярких личностей, но почва, их породившая, оказалась, по его мнению, надолго истощена. Все, что есть в Европе замечательного, считал он, выработано там в предшествующие эпохи, а молодое поколение безлично и вынуждено «повторять зады в разных направлениях»⁶. Запад дал человечеству все, что мог, и замер, застыл в точке своего культурного пика, что, выражаясь языком К. Леонтьева, и представляло собою «окаменение», за которым он подозревал неспособность к дальнейшему развитию и неизбежность спада, перерастущего в цивилизационную катастрофу.

Данные идеи мыслителя весьма сходны со взглядами В. Ф. Одоевского и славянофилов, в частности со взглядами одного из родоначальников этого течения, И. В. Киреевского. Одоевский одним из первых в России начал говорить о творческом оскудении Европы. «Запад произвел все, что могли произвести его стихии...», — писал он в книге «Русские ночи»⁷. И. В. Киреевский, развивая собственный круг идей, с ним солидаризировался, утверждая: «Европа высказалась вполне. В девятнадцатом веке она, можно сказать, dokonчила круг своего развития, начавшийся в девятом»⁸.

¹ Он же. Грамотность и народность. С. 359.

² Он же. С Дуная I.

³ Он же. Записка о необходимости... С. 212.

⁴ Он же. С Дуная // Одесск. вестн. 1867. 5 декабря. № 268.

⁵ Зеньковский В. В. Русские мыслители... С. 45.

⁶ Леонтьев К. Н. Несколько воспоминаний... С. 554.

⁷ Одоевский В. Ф. Указ. соч. С. 181.

⁸ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Он же. Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1861. Т. 2. С. 237.

¹ Волков В. К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 50.

² См. Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 142.

³ Герцен А. И. Письмо Г. Гервегу от 14 (2). 2. 1850 г. (перевод) // Он же. Собр. соч.: В 30 т. Т. XXIII. М., 1961. С. 268.

⁴ Смирнова З. В. Социальная философия А. И. Герцена. М., 1973. С. 205.

⁵ Леонтьев К. Н. Несколько воспоминаний... С. 554; Он же. С Дуная II.

Еще в 1830 году в статье «Обзорение русской словесности за 1829 год» Киреевский сформулировал мысль, к которой близко рассмотренное выше мнение Леонтьева 60-х гг. о том, что внутренняя жизнь ведущих стран Запада (Англии, Германии, Франции) достигла последней ступени развития, замерла. «... Европа, — писал И. В. Киреевский, — представляет теперь вид какого-то оцепенения; политическое и нравственное усовершенствование равно остановились в ней». Лишь два народа «изо всего просвещенного человечества... не участвуют во всеобщем усыплении; два народа, молодые, свежие, цветут надеждою: это Соединенные Американские Штаты и наше отечество»¹. Таким образом, даже леонтьевский термин «окаменение» близок к понятию «оцепенение» и, в меньшей степени, к понятию «всеобщее усыпление», употреблявшимся И. В. Киреевским для оценки состояния Запада. Последний европейской цивилизацией восхищался, считал ее совершенной, но, по словам А. Валицкого, «именно из ее совершенства делал вывод, что ее роль подходит к концу»². Каждый из европейских народов, считал Киреевский, уже исполнил свое историческое предназначение, поэтому Западу необходим прилив свежих сил, новый центр, народ, «который бы господствовал над другими своим политическим и умственным перевесом»³.

Из представлений всех вышеназванных русских мыслителей о Европе следовал логический вывод: Запад перестает быть локомотивом всемирной истории, которым длительное время являлся, и она начинает нуждаться в новом локомотиве и в спасении вообще, то есть в открытии и в указании всему человечеству новых, иных путей.

Спасение истории Леонтьев, как и славянофилы, искал не у европейских интеллектуалов — «не в книжках немцев и французов», а в русской жизни, которая, как ему думалось, на рубеже XIX–XX вв. должна стать для мира тем, чем была для него Франция на стыке XVIII–XIX столетий⁴. В противопоставлении «бесцветной буржуазной прозе Запада» поэзии этой новой, преображенной русской жизни, разнообразной и богатой, но объединенной «строгим народным единством», виделось Леонтьеву в 60-е годы основное историческое призвание своего отечества⁵. Он считал, что человек, ненавидящий сухие и бездушные стороны современного прогресса, мог обратить свой взор лишь к России⁶, что близкое будущее есть только у нее и у греко-славянского мира, поделенного между Турцией и Австрией⁷, что восток Европы, т. е. Россия и другие славянские земли,

¹ Он же. Обзорение русской словесности за 1829 год // Там же. Т. 1. С. 45, 46.

² Славянофильство и западничество... М., 1991. Вып. 1. С. 79.

³ Киреевский И. В. Обзорение русской словесности... С. 45.

⁴ Леонтьев К. Н. С Дуная II.

⁵ Там же.

⁶ Он же. Грамотность и народность. С. 374.

⁷ См. Он же. Несколько воспоминаний... С. 554.

«века и века еще будут полны свежего сока»¹, и лишь одна сила — великая, назревающая славяно-русская культура в состоянии по-настоящему обновить историю². Эти идеи Леонтьева были вполне славянофильскими. Мысль о том, что славянский Восток содержит в себе «свежие, могучие соки», что русские «новы и свежи», встречается и в «Русских ночах» Одоевского³. В свою очередь, А. И. Герцен называл Россию, крупнейшую представительницу славянского мира, страной, «полной сил»⁴. Таким образом, данные представления Леонтьева были относительно оригинальны только эстетической своей стороной — отталкиванием от «бесцветной буржуазной прозы» тогдашнего Запада и мечтой о пышном, разнообразном цветении будущей русской жизни. В остальном они являлись довольно типичными для отечественных интеллектуалов антизападнического склада 40-х — 60-х годов XIX века.

Россия, согласно Леонтьеву, пребывала «im Werden», то есть в становлении⁵, чреватом творческими возможностями, тогда как французы, которых он именовал «рак Европы»⁶, уже начали спускаться с вершины развития, Англия находилась на вершине, а немцы стояли возле нее⁷. Данная оценка и даже сама леонтьевская формулировка опять заставляют вспомнить статью И. В. Киреевского «Обзорение русской словесности за 1829 год», в которой высказывалось мнение, что «Англия и Германия находятся теперь на вершине европейского просвещения»⁸, а Франция ставилась очень низко⁹. Учитывая все, что говорилось выше о близости представлений К. Леонтьева 60-х годов XIX столетия о Европе и ее главнейших державах к идеям, высказывавшимся ранее И. В. Киреевским, нельзя не предположить, что последний оказал на них значительное влияние, хотя Леонтьев не называл Киреевского, в отличие от «Хомякова и Аксакова», в числе своих славянофильских «учителей»¹⁰.

Леонтьев страстно надеялся, что его отечество, «при богатстве племенных, общественных и других начал будет год от года становиться глубже,

¹ Он же. С Дуная // Одесск. вестн. 1867. 5 декабря. № 268.

² Он же. Грамотность и народность. С. 354.

³ Одоевский В. Ф. Указ. соч. С. 181, 184.

⁴ Герцен А. И. Россия (перевод) // Он же. Собр. соч.: В 30 т. Т. VI. М., 1955. С. 190.

⁵ См. Мочкин А. Н. Указ. соч. С. 91.

⁶ Леонтьев К. Н. Хризо. С. 26.

⁷ Он же. Грамотность и народность. С. 360.

⁸ Киреевский И. В. Обзорение русской словесности... С. 45.

⁹ Зеньковский В. В. Русские мыслители... С. 22.

¹⁰ См. Леонтьев К. Н. Плоды национальных движений на православном Востоке // Восток... С. 555; Он же. Национальная политика как орудие всемирной революции. Приложение I // Там же. С. 735.

шире и самобытнее»¹. Эта идея также роднит его со славянофилами, тогда как другая, о том, что главная миссия России заключается именно в противопоставлении бесцветной буржуазной прозе Европы поэзии трансформированной русской жизни, заметно отличает его от них и опять заставляет вспомнить Герцена с его эстетическим отвращением к буржуазии, в высочайшей степени свойственным и К. Н. Леонтьеву. Но Герцену нужна была революция, несущая с собой социальное, политико-юридическое и экономическое равенство — сторонником идеи социального равенства он стал еще в 30-е годы², тогда как Леонтьеву требовалось общество неравноправное, предельно пестрое, яркое и своеобразное в культурно-бытовом плане. Герцен столь существенного внимания культурно-бытовой самобытности России в своих работах не уделял. Поэтому отмеченное выше сходство К. Леонтьева с Герценом, внимание на которое обратил С. Н. Пушкин³, довольно-таки поверхностно.

Уже в 60-е годы мыслитель желал, чтобы в культурно-бытовом отношении Россия отличалась от Западной Европы настолько, насколько греко-римский мир отличался от древних государств Азии и Африки⁴. Под последними Леонтьев, по всей вероятности, подразумевал доэллинистические общества Переднего Востока и Египет, разительно несхожие со странами античной цивилизации своими культурно-бытовыми, а также политическими особенностями и формами.

Даже промышленность русская, считал мыслитель, должна быть не такой, как у англичан и французов⁵, а поворот к самобытности не следовало осуществлять путем революционным, характерным именно для Европы: чтобы стать антитезой Западу, особенно столь нелюбимой Леонтьевым Франции, России нужно обходиться «без революций»⁶. Таким образом, и сам переход её на рельсы нового, своеобразного развития должен был, на его взгляд, быть процессом сугубо неевропейского типа. Отсутствие революций означает трансформацию общества путём эволюционным: Леонтьев, подобно славянофилам, надеялся, что к самобытной жизни отечество выведут преобразования, проводимые царем и его правительством — в рассматриваемый период он еще не разочаровался в либеральных реформах, осуществлявшихся кабинетом Александра II⁷, и это является одним из важнейших свидетельств того, что, вопреки

¹ Он же. Записка о необходимости... С. 212.

² Смирнова З. В. Указ. соч. С. 75.

³ Пушкин С. Н. Очерки русской историософии. СПб., 1996. С. 72.

⁴ См. Леонтьев К. Н. Грамотность и народность. С. 385.

⁵ Он же. С Дуная I.

⁶ Он же. С Дуная II.

⁷ Представления Леонтьева 60-х гг. XIX в. о преобразованиях в России рассматриваются в следующем параграфе.

распространенному мнению, выраженному, в частности, Н. В. Дамье¹ и основанному на утверждениях самого Леонтьева, последний в 60-е годы с либерализмом окончательно не порвал.

Мыслитель считал, что России, вставшей на путь обновления, придется неоднократно воевать с объединенными силами Запада — «против... коллективной лавочки, которую зовут Западной Европой». С ее стороны эти войны будут не захватническими — завоеваний в Европе России «не надо, они только обесцветили бы нас»², а оборонительными. Ей, по словам Леонтьева, «придется [курсив наш — С. Х.] ... отстаивать свои начала от напора механически сильной цивилизации Запада»³.

Следует заметить, что уже с тогдашней точки зрения Леонтьева войны отнюдь не всегда препятствовали развитию и облагораживанию человеческого духа, тем более — войны «внешние, оборонительные» далеко не обязательно были злом, а, напротив, нередко являлись благом⁴. И в 60-е годы, и позднее, он воспринимал войну как «вспышку-разряд конденсированной жизненной энергии»⁵. Войны, считал он, прямо или косвенно подают людям повод обнаружить и проявить творческие силы, они развивают индивидуальность как отдельных лиц, так и целых наций⁶, и в этом личный опыт участника Крымской кампании К. Леонтьева радикально расходился с опытом другого ее участника — Льва Толстого. Борьба вообще была для Леонтьева необходимым условием полноценной жизни; на то она и зовется жизнью, чтобы кипела борьба, писал он⁷. Таким образом, по мысли К. Н. Леонтьева, прямо не высказанной, но надежно «читаемой» при комплексном анализе его тогдашних воззрений, нарождающийся самобытный русско-славянский мир в открытых вооруженных столкновениях с постепенно отходящей и умирающей романо-германской цивилизацией получит необходимую для него закалку, утвердит свою военно-политическую мощь и свою культурную идентичность.

¹ Дамье Н. В. К. Н. Леонтьев... С. 34.

² Леонтьев К. Н. С Дуная II.

³ Он же. С Дуная // Одесск. вестн. 1867. 5 декабря. № 268. Нельзя не обратить внимания на то, что Леонтьев часто использовал в своих работах 60-х годов излюбленное славянофилами понятие «начало» (См. Зеньковский В. В. Русские мыслители... С. 45.). Это, на наш взгляд, является одним из косвенных свидетельств заметного влияния славянофилов на его представления в рассматриваемую эпоху. О характере общественно-политических взглядов мыслителя в 60-е годы XIX века говорит и то, что свои корреспонденции в «Одесском вестнике» он подписывал псевдонимом «Ив(ан) Рус(с)опетов».

⁴ Он же. С Дуная II.

⁵ Гагарин А. С. Кризис европоцентризма и судьба России (культурологические воззрения К. Н. Леонтьева и О. Шпенглера) // Культуры в диалоге. Екатеринбург, 1992. С. 29.

⁶ Леонтьев К. Н. Несколько воспоминаний... С. 543.

⁷ Он же. Кризо. С. 58.

Одним из источников представлений мыслителя о неизбежности серьезных столкновений обновляющейся, трансформирующейся России со всей цивилизацией Запада были, вне всякого сомнения, идеи славянофилов. Исходя из признания полной противоположности двух миров — «западного», «романо-германского», «католическо-протестантского», и «восточного», «славяно-православного», славянофилы делали вывод о неизбежности конфликтов и даже войн между ними. Так, для Ю. Ф. Самарина «существенное, коренное различие» двух миров есть уже «условие борьбы» между ними во всех сферах, включая и политическую¹. Политическое противоборство Западной Европы и славянства — исходная основа взглядов И. С. Аксакова. Еще в 1861 году он говорил о «ненависти, нередко инстинктивной», Европы к славянскому, православному миру, причина которой — «антагонизм двух противоположных просветительных начал и зависть дряхлого мира к новому, которому принадлежит будущее». Несколькими годами позже Аксаков писал: «Вся задача Европы состояла и состоит в том, чтобы положить конец материальному и нравственному усилению России, чтобы не дать возникнуть новому, православно-славянскому миру...»². Однако он не считал, что вражда или же борьба является единственно возможной формой взаимоотношений Запада и России³.

Как говорилось выше, не менее важным для генезиса рассматриваемых представлений Леонтьева было осмысление им опыта Крымской войны и антирусских кампаний в Европе во время Польского восстания 1863–1864 годов. И Крымская война, и антирусские кампании убедили его в том, что по отношению к России Запад враждебен непримиримо.

Идеями, сходными с анализируемыми идеями К. Леонтьева, высказанными на страницах газеты «Одесский вестник» в сентябре — декабре 1867 года, насыщен трактат Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», опубликованный на протяжении 1869 года.

В нем Данилевский обосновывал необходимость и неизбежность культурного противостояния, политической конфронтации и даже военного столкновения между Россией и Европой. Первая, по его мнению, была призвана создать новую историческую культуру, тогда как вторая представляла культурный тип, завершающий свой исторический путь и подлежащий неизбежному разложению. Поэтому борьба с Западом являлась главной целью, которую выдвигал Н. Я. Данилевский⁴. Европа, романо-германский культурный тип, каким бы

¹ Поляков Л. В. Опасность с Запада: антилибералистский синдром в русской мысли XIX века // Либерализм в России. М., 1996. С. 381.

² Цит. по: Зеньковский В. В. Русские мыслители... С. 66.

³ См. Там же. С. 67.

⁴ См. Авдеева Л. Р. Проблема «Россия и Европа» в воззрениях Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. 1982. Серия 7. Философия. № 3. С. 78.

он ни был — католическим, протестантским, капиталистическим, социалистическим, чужд России принципиально, считал Данилевский. «... Европа не признает нас своими», она «... видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т. д.»; но Запад как таковой находил «... в Руси и в славянстве не чуждое только, но и враждебное начало»¹, следовательно, «Европа не случайно, а существенно нам враждебна», — писал Данилевский². То обстоятельство, что Запад уже «достиг» «стадии увядания», а русско-славянский мир является для него «молодым соперником», существенно усиливало эту «естественную ненависть» России к Европе, — полагал он, развивая соответствующие идеи И. С. Аксакова.

По мнению Данилевского, судьба славянства могла осуществиться лишь в результате продолжительной, многократно возобновляемой борьбы с Европой, которая «посеет спасительное отчуждение от того, что идет от врагов», и заставит «ценить и любить свое родное, исконно славянское»³. Он считал, что несколько лет борьбы за «одно и то же святое дело» укрепят духовное единство славян⁴. Поэтому борьба славянства с Европой, по его словам, имела «столь же важное значение, как и торжество славянства и утверждение его независимости и самобытности»⁵. «В более или менее близком будущем» соперничество с Европой неизбежно, — делал вывод автор рассматриваемого трактата⁶, и Россия в нем обязана добиться победы⁷.

В отличие от Леонтьева, Данилевский называл войны «очень большим злом», однако полагал, что «есть нечто гораздо худшее войны, от чего война и может служить лекарством...»⁸. Леонтьеву эта мысль была понятна и родственна.

Исходя из вышесказанного, следует согласиться с мнением Л. В. Полякова о том, что в трактате Данилевского тема опасности Запада для России, неизбежности ее тотального противостояния «романо-германству» получила детальную разработку и соответствующее философско-историческое обоснование⁹. У К. Леонтьева в 60-е годы эта тема детально разработана и фундаментально обоснована не была.

¹ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 40–41; Также см. Там же. С. 43.

² Там же. С. 376.

³ Там же. С. 364.

⁴ Там же. С. 365, 368, 369–370.

⁵ Там же. С. 364.

⁶ Там же. С. 370, 392.

⁷ Поляков Л. В. Указ. соч. С. 386.

⁸ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 370.

⁹ Поляков Л. В. Указ. соч. С. 386.

Свой труд Данилевский начал осенью 1865 г.; беловая рукопись его книги появилась в первые месяцы 1868 года¹. Поэтому ко времени леонтьевских публикаций в «Одесском вестнике» свою концепцию о противоборстве России и Европы он уже сформулировал. Вполне очевидно, что Леонтьев о ней ничего не знал. Он слал свои корреспонденции в Одессу из принадлежавшей Турции придунайской провинции Добруджа, из города Тульча, куда 15 апреля 1867 г. был назначен на пост вице-консула², а Н. Я. Данилевский работал над своею книгой в Крыму³. Ни Леонтьев, ни Данилевский знакомы друг с другом не были, во всяком случае, данных об их знакомстве — весьма маловероятном, источники не содержат⁴. Из этого следует, что свои идеи о неизбежности конфронтации России и Европы они разрабатывали параллельно, совершенно независимо друг от друга.

2.3. Представления Леонтьева о русском народе, о России и о либеральных реформах в 60-е годы

Русские, полагал Леонтьев в рассматриваемый нами период, азиаты более, нежели другие европейцы, и это не всегда плохо⁵. Видимо, он хотел сказать, что именно благодаря данному обстоятельству в России в его эпоху было еще много того, что называют «варварством»⁶. Представления о России как о стране «варварской», «дикой», т. е. в недостаточной степени проникнутой европейской культурой, широко распространены до сих пор. Во времена Леонтьева их разделяли многие русские писатели и мыслители. Так, например, на взгляд А. И. Герцена Россия была полна дикости⁷, а Аполлон Григорьев называл русских «грубо-первобытным» народом⁸.

К «варварству», «дикости» чаще всего относятся негативно. Однако с точки зрения Леонтьева русское «варварство», хотя бы самое темное, было «чревато будущим»⁹ и потому расценивалось им как явление поло-

жительное. Поэтому С. Н. Трубецкой обвинял его, основываясь на статье «Грамотность и народность», написанной последним после перехода в консервативный стан в 60-е годы, в «проповеди варварства»¹. Но под «варварством» Леонтьев понимал прежде всего яркость, оригинальность, своеобразие, — все, что выходит и выводит за рамки буржуазно-западных норм, все, в чем проявляется противоречивая «эстетика жизни» и что отмечено ее неизгладимой печатью. «Варварами» Леонтьев называл Суворова, Потемкина и других «екатерининских орлов», а также русских крестьян, некоторых героев А. Н. Островского (главным образом купцов) и казаков Л. Н. Толстого. Русская нация, писал он, больше выигрывает от подобных «варваров», чем от многих отечественных европейцев и писателей². Близкую к леонтьевской оценку русского «варварства» давал в начале 60-х западник К. Д. Кавелин, человек, гораздо более близкий С. Н. Трубецкому по духу и строю мыслей, чем К. Леонтьев. «Мы — варвары, но варварами обновился древний римский мир; Мы — новая фаза исторического развития. Мы — народ будущего», — говорил Кавелин историку Д. А. Корсакову³.

В 60-е годы XIX в. Леонтьев безоглядно верил в силы и творческие возможности русского народа, который именовал «великорусским великим и чудным океаном»⁴. На взгляд мыслителя, русский народ был «разнохарактерен в самых недрах своих», весьма своеобразен по духу⁵, и «во всецелости наиболее на других непохож»⁶. Только такой народ, полагал Леонтьев, мог нести творческий гений в современную ему эпоху, которую для творчества считал весьма неблагоприятной⁷.

Исходя из этого, он делал вывод, что русские имеют духовный перевес над другими нациями⁸, и именно они готовят богатейшую жатву для всемирной истории⁹. Великорусс, восторженно писал Леонтьев, может все, что может другой славянин, но, сверх того, способен на многое, на что ни другой славянин, ни грек или француз, также как и остальные европейцы, не способны¹⁰. Таким образом, в рассматриваемый период к вполне славянофильским взглядам Леонтьева на русский народ примешивался

¹ Трубецкой С. Н. Разочарованный славянофил // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. С. 146.

² Леонтьев К. Н. Несколько воспоминаний... С. 542.

³ Корсаков Д. А. К. Д. Кавелин. Материалы для биографии, из семейной переписки и воспоминаний. VI. Первые годы моего знакомства с Кавелиным, 1861–1864 // Вестник Европы. 1886. Кн. 10. Октябрь. С. 746.

⁴ Леонтьев К. Н. Грамотность и народность. С. 393.

⁵ Более своеобразен, чем, например, болгары.

⁶ Там же. С. 392.

⁷ Там же. С. 393.

⁸ Там же. С. 399.

⁹ Он же. Несколько воспоминаний... С. 554.

¹⁰ Он же. Грамотность и народность. С. 396.

¹ Страхов Н. Н. Жизнь и труды Н. Я. Данилевского // Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. XXIV, XXVII.

² Коноплянцев А. М. Указ. соч. С. 65.

³ См. Страхов Н. Н. Указ. соч. С. XXIII–XXIV.

⁴ * Если бы Леонтьев, испытывавший огромное уважение к Н. Я. Данилевскому, был с ним знаком, он бы обязательно упомянул об этом в своих сочинениях.

⁵ Леонтьев К. Н. В своем краю. С. 418.

⁶ Он же. Грамотность и народность. С. 360.

⁷ Герцен А. И. Россия... С. 190.

⁸ Аполлон Григорьев. Мои литературные и нравственные скитальчества // Он же. Воспоминания... С. 117.

⁹ Леонтьев К. Н. Несколько воспоминаний... С. 554.

элемент великорусского национализма в духе теории «официальной народности» и публицистики М.Н. Каткова, которая, как говорилось выше, со времен Польского восстания Леонтьева восхищала¹. Классическое, дореформенное славянофильство к такого рода национализму имело довольно отдаленное отношение.

Однако существенной роли великорусский национализм во взглядах К. Леонтьева в 60-е годы не играл; тем более нельзя назвать мыслителя шовинистом. Дальнейшая идейно-политическая эволюция привела к практически полному исчезновению националистического компонента, присутствовавшего в тогдашних его воззрениях. Тем не менее, тот же С.Н. Трубецкой, на основании «проповеди варварства», содержащейся в написанной и опубликованной им в рассматриваемый нами период статье «Грамотность и народность», обвинил его в «национализме, доведенном до высших крайних пределов, договорившемся до совершенного абсурда»². Логика Трубецкого непонятна, вряд ли логика как таковая здесь вообще присутствовала: его обвинение — простой полемический прием, гипербола, часто применяемая в публицистике.

Леонтьев солидаризировался с мнением Герцена, что русский мужик «не образован, но ... развит, особенно в некоторых губерниях»³. Его моральные качества, согласно Леонтьеву, таковы: нравами он не строг⁴, пламенная религиозность у русских, как у итальянцев, нередко сочетается с большим женолюбием и склонностью к кутежу⁵. Поэтому поэзия разгула и женолюбия не занесена к нам с Запада, но живет в самых недрах великорусской нации, включая казачество и даже миллионы раскольников⁶. Эти черты сказываются и на экономическом положении простонародья. По мнению Леонтьева, русский простолюдин достаточно обеспечен — ему бы только работать и не пить слишком много, тогда он и в деньгах нуждаться не будет⁷. И в России, и за границей, врачом в Крыму и в глухих углах Нижегородской губернии, дипломатом в разных регионах Балканского полуострова, в том числе — в районах компактного проживания русского населения, по разным причинам покинувшего свою историческую родину и перебравшегося на земли Османской империи (Добруджа), Леонтьев многие годы имел дело с представителями самых различных слоев и групп русского народа, и потому его знание русских

¹ Леонтьев К.Н. Два графа... С. 458–459.

² Трубецкой С.Н. Указ. соч. С. 146.

³ Леонтьев К.Н. Грамотность и народность. С. 397.

⁴ Он же. Несколько воспоминаний... С. 533.

⁵ Он же. Грамотность и народность... С. 390; Он же. Майноские староверы // Санкт-Петербургские ведомости. 1884. 25 сент. № 265.

⁶ Он же. Несколько воспоминаний... С. 534.

⁷ Он же. С Дуная II.

простолюдинов имело не теоретическо-книжный, а практический, можно сказать деловой характер. Исходя из этого знания, ему приходилось принимать и осуществлять ответственные решения, поэтому леонтьевские оценки нравственных качеств русского человека следует принять во внимание.

На эти оценки, несомненно, повлияли и личные наклонности самого Леонтьева, которого до обращения его в аскетическое, строгое православие на Афоне в 1871 г. вслед за некоторыми героями Ф.М. Достоевского можно было бы назвать «сладоурачником».

Таким образом, Леонтьев, при всей своей любви к русскому народу и безоглядно-славянофильской вере в здоровые силы, которыми он располагает, в отличие от славянофилов отнюдь не идеализировал его нравственный облик, но приближался в своих оценках к позициям В.Ф. Одоевского, считавшего, что русским как нации свойственно «разгульное мужество»¹, и Аполлона Григорьева², творчество которого Леонтьев начал ценить в годы второй «переоценки ценностей» и с которым лично познакомился в Петербурге в первой половине 1863 г.³

В характере русского простолюдина, утверждал К. Леонтьев, есть нечто крайне сложное, нечто неуловимое и необъяснимое для образованных слоев российского общества⁴. И здесь он ссылался уже не на Григорьева и славянофилов, а на откровенного западника И.С. Тургенева, в течение многих лет бывшего его литературным патроном и активно помогавшего молодому автору прокладывать дорогу в отечественную словесность.

В Европе, в Англии и во Франции, отмечал Леонтьев, знать и просвещенное общество более полно или, по крайней мере, в такой же степени как и простонародье олицетворяли собой соответствующие национальные типы, в России — наоборот⁵: именно крестьяне, купцы, раскольники и казаки, в отличие от проникнутого иноземным духом образованного сословия, несли на своем облике характерную, «еще долго неизгладимую русскую печать»⁶.

С последней частью утверждения Леонтьева следует согласиться. Не позднее XVII столетия Россия начала европеизироваться. В процессе вестернизации, заметно активизировавшемся со времен Петра I, правящие круги страны всегда воспринимали больше иноземных элементов, нежели представители групп податного населения, особенно «черный люд» и старообрядцы, которые, таким образом, сохранили больше тради-

¹ Одоевский В.Ф. Указ. соч. С. 181.

² См. Аполлон Григорьев. Мои литературные... С. 116–117.

³ Аполлон Григорьев. Воспоминания... С. 528, прим. 1.

⁴ Леонтьев К.Н. Грамотность и народность. С. 390.

⁵ Там же. С. 358.

⁶ Он же. Несколько воспоминаний... С. 550.

ционно-русских, неевропейских культурно-бытовых черт. Что же касается просвещенных классов Англии и Франции, то Леонтьев в своих рассуждениях не учел наличия в этих странах действенных космополитических тенденций, размывавших специфические национальные черты в первую очередь именно образованных слоев общества и превращавших их в представителей типа «общезападной», «общеευропейской» интеллигенции, складывавшегося в результате такого рода эмансипации и нивелировки. В той или иной степени данный процесс затрагивал и наше отечество — по меньшей мере со второй половины XIX столетия.

«В нашем простом народе, — писал Леонтьев, — отчасти скрыт, отчасти уже ясен наш национальный характер»¹. Эта идея, также как и представления о большей «национальности» простонародья и денационализированности образованных слоев русского общества, довольно тесно сближает его со славянофилами и, в известной степени, с «почвенниками». Именно они, в первую очередь славянофилы, усиленно развивали мысль о культурном разрыве между высшими и низшими сословиями России. Историко-философская концепция славянофилов отмечала «раздвоение» между правительством и народом, причины и начало которого понимались в славянофильском кружке по-разному². Но в целом славянофилы сходились на мнении, что в наибольшей степени разобщили сословия реформы Петра Великого³. Так считали родоначальники этого идейного течения И. В. Киреевский⁴, К. С. Аксаков⁵, А. С. Хомяков⁶. Плодом, искусственным созданием петровских реформ, постулировали они, и явилось так называемое «общество», европеизированный слой населения⁷. К нему принадлежали люди высших сословий, которые исполнились презрения ко всему русскому⁸, оторвались от народной массы и таким образом стали для нее чужими, считали славянофилы⁹. Представители образованных на западный манер классов перерождались и внутренне, утрачивая мно-

гие черты национального характера¹. В то же время низшие сословия, в первую очередь крестьянство, вопреки реформам Петра Великого почти в неприкосновенности сохранили «... Русский быт, созданный по понятиям прежней образованности и проникнутый ими...»², национальные начала³, истинные основы России⁴, верность ее нравственным идеалам, внутренней правде⁵, старорусской традиции⁶. Таким образом, простой народ выступал для славянофилов, говоря словами Н. В. Дамье, хранителем «особости России»⁷. В этом отношении характерно высказывание К. С. Аксакова: «... низшее сословие преимущественно сохранило и хранит веру и жизнь (образ жизни), с верою согласную, хранит в то же время свой русский облик и свой русский язык»⁸. Аксаков И. С. также разделял данную точку зрения. В начале 1865 года, в газете «День», он писал, что «простой народ... есть такое зерно, которого не удалось нам раздробить молотом дворянской заемной цивилизации»⁹. В целом противопоставление «народа» «обществу» было, по мнению А. Валицкого, одним из главных мотивов славянофильской мысли¹⁰. В своих надеждах на лучшее будущее России они рассчитывали главным образом на духовные силы низших классов, не затронутых губительным, с их точки зрения, западным влиянием¹¹.

Идеи славянофилов разделялись и «почвенниками», представлявшими одно из наиболее влиятельных течений религиозно-философской мысли России 60-х годов XIX столетия¹². Последние вслед за славянофилами полагали, что народ и «образованное сословие» разъединены. Это разъединение произошло во времена преобразований Петра: народ от его реформ отшатнулся и с тех пор жил «отдельно, своей собственной, особенной и самостоятельной жизнью»¹³.

¹ Левандовский А. А. Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. М., 1990. С. 176.

² Киреевский И. В. О характере просвещения Европы... С. 261.

³ См. Леонтович В. В. Указ. соч. С. 170.

⁴ Янов А. Л. Указ. соч. С. 101.

⁵ Славянофильство и западничество... Вып. 2. С. 25.

⁶ Указ. соч. Вып. 1. С. 127.

⁷ Дамье Н. В. К. Н. Леонтьев... С. 44.

⁸ Цит. по: Цимбаев Н. И. Указ. соч. С. 161.

⁹ Цит. по: Там же. С. 225.

¹⁰ Славянофильство и западничество... Вып. 1. С. 127.

¹¹ Левандовский А. А. Указ. соч. С. 160.

¹² Гайдадым Э. Л. Феникс или забытая статуя Галатеи? Философия истории русского неортодоксального теизма XIX — начала XX века. Донецк, 1990. С. 35–36.

¹³ Достоевский Ф. М. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год // Смолкина Н. С. Россия и Запад в отечественной публицистике XIX века. М., 1995. Т. 2. С. 30.

¹ Леонтьев К. Н. Грамотность и народность. С. 397.

² Цимбаев Н. И. Указ. соч. С. 153.

³ См.: Там же. Указ. соч. С. 235; Габидулина Н. Указ. соч. С. 74.

⁴ См. Славянофильство и западничество... Вып. 1. С. 101.

⁵ См.: Галактионов А. А. Никандров П. Ф. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли // Вопр. философии. 1966. № 6. С. 127; Славянофильство и западничество... Вып. 2. С. 54.

⁶ См. Славянофильство и западничество... Вып. 2. С. 27.

⁷ Там же. С. 153; Указ. соч. Вып. 1. С. 127.

⁸ Леонтович В. В. История либерализма в России: 1762–1914. М., 1995. С. 169.

⁹ См. Янов А. Л. Славянофилы и Константин Леонтьев // Вопр. философии. 1969. № 8. С. 101; Цимбаев Н. И. Указ. соч. С. 197.

Западники тоже считали, что петровские реформы расторгли русский народ на две части: на «высшее сословие», которое правительство приобщило к европейским формам бытия и культуры, и простонародье, к которому оно относилось как к стаду¹. Подобно славянофилам, западники видели в низших классах важнейшую опору старорусской традиции, но расценивали этот факт диаметрально противоположным образом, отрицательно. И если славянофилы и «почвенники» провозглашали необходимость «возвращения» интеллигенции в народ, то западники задавались целью преобразовать русский народ в «нацию»², в общность современного буржуазно-европейского типа. В этом пункте Леонтьев стоял на позициях, более близких к славянофильским, чем к западническим.

Ведущие представители славянофильства, такие как А. С. Хомяков, считали, что простонародье хранит русские начала бессознательно, что умственная жизнь в низших слоях общества после отчуждения образованных людей от народа ослабла³. И. В. Киреевский также подчеркивал, что привязанность простого народа к допетровской традиции носит почти что безотчетный характер, и старорусский быт хранится им «... в одном обычном предании, уже несвязанный господством образующей мысли...»⁴. Национальное возрождение России, по мнению Киреевского, станет возможным лишь тогда, когда само образованное сословие, проникнутое «западными понятиями», убедится в односторонности европейского просвещения и обратится «к чистым источникам древней Православной веры своего народа...». Тогда в России станут возможны наука и искусство, основанные на самобытных, неевропейских, началах, и сама общественная жизнь «утвердится в направлении, отличном от того, какое может сообщить ей образованность Западная»⁵. Однако, по мнению А. Валицкого, Киреевский никогда не отождествлял христианские ценности с так называемыми «народными началами»⁶.

В данном вопросе К. Леонтьев также придерживался воззрений, находящихся в русле славянофильских взглядов. Он полагал, что хранимые народом самобытные социокультурные формы — община, песни, одежда, постройки и т. д. дальнейшего развития не имели. Все это в его руках, по словам Леонтьева, «спит и дурнеет...; и не может не спать и не дурнеть, [так как] не может вырастать вещь, предоставленная одним беднякам». Поэтому к развитию своеобразной национальной культуры должны под-

¹ Левандовский А. А. Указ. соч. С. 154.

² См. Славянофильство и западничество... Вып. 2. С. 184.

³ Левандовский А. А. Указ. соч. С. 177, 178; Славянофильство и западничество... Вып. 2. С. 154.

⁴ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы... С. 261.

⁵ Там же. С. 279, 280.

⁶ Славянофильство и западничество... Вып. 1. С. 102.

ключиться высшие классы: только они в состоянии «раздуть народные искры»¹ и придать им блеск, глубину, изящество высокого и оригинального культурного стиля мирового значения, который К. Леонтьев хотел увидеть в либерально реформируемой России.

Следовательно, в данном случае он выступил прямым продолжателем классического славянофильства, творчески развившим некоторые идеи, заложенные в этом учении.

В дореформенное время, считал Леонтьев, русское общество было биполярным с полюсами народным, представители которого «ничего, кроме своего русского не знали», и космополитическим, представители которого почти вовсе не знали именно «своего русского»². Эта биполярность, отмечал Леонтьев, воплощалась в социальных формах, в сословно-иерархической структуре России. Вслед за К. С. Аксаковым он признавал, что разъединение сословий до преобразований Александра II было велико³, но систематической вражды в отношениях между ними, подобно славянофилам, не видел⁴. По его мнению, в России, в отличие от постреволюционной Франции, существовал антагонизм не между бедностью и богатством — его не могло быть, полагал Леонтьев, «по самой сложности» прежнего устройства России, а между «европеизмом и народностью»⁵. Однако злом по определению европеизм для него не был. Леонтьев относился к нему лояльнее московских славянофилов. Он считал, что европейские влияния сыграли в отечественной истории роль скорее положительную, чем отрицательную. Европеизм, согласно К. Леонтьеву, «уточнил нервы России»⁶. С внедрением европейских начал было связано усиление сословного неравенства, которое внесло в слишком простую и несложную, на взгляд мыслителя, жизнь допетровской Руси «ту сложность и то разнообразие, без которых невозможно цивилизованное, то есть развитое, своеобразие, без которых немислима полная и широкая жизнь, достойная великого народа»⁷. Такую жизнь Леонтьев полагал свойственной всем великим историческим народам в те эпохи, когда наступала их мировая роль.

В этих представлениях уже угадывается, но только угадывается, Леонтьев — «идейный консерватор» второй трети 70-х — начала 90-х годов XIX столетия. Они вполне оригинальны: в них на основе собственно

¹ Леонтьев К. Н. В своем краю. С. 419.

² Он же. Грамотность и народность. С. 382.

³ Галактионов А. А. Никандров П. Ф. Русская философия... С. 312; Цимбаев Н. И. Указ. соч. С. 195–196.

⁴ Леонтьев К. Н. Грамотность и народность. С. 380.

⁵ Там же. С. 381.

⁶ Там же. С. 383.

⁷ Там же. С. 382.

леонтьевского эстетизма, который вполне справедливо можно именовать «эстетическим охранительством», синтезированы воззрения и славянофилов, и западников.

Однако идея Леонтьева (славянофильская по своим концептуальным истокам) о том, что в «московский» период Русь в социальном отношении была дифференцирована слабо и, по его собственной «эстетической» оценке недостаточно, с точки зрения современной исторической науки ошибочна. Так, один из крупнейших историков русского зарубежья Г.В. Вернадский придерживался прямо противоположного мнения. Он считал, что жесткое разделение общественных классов достигло своего пика именно при «московском правлении», примерно к 1650 г¹.

Помимо социального расслоения, допетровской Руси, по мнению Леонтьева, не хватало «общей сознательности»². Под «общей сознательностью» он, видимо, понимал в первую очередь науку европейского типа, следуя за А.С. Хомяковым, полагавшим, что «... в древней Руси разуму недоставало сознания»³ — сознания «ясного и определительного»⁴, которое является воплощением анализа и составляет область знания и науки⁵. «Свое, высокое и прекрасное, было неясно сознано; истинно доброе у иноземцев (наука) было ясно, а мнимо-доброе... исполнено соблазнов»⁶, — писал Хомяков.

Недостаток «общей сознательности», а также излишняя простота и однообразие жизни, на взгляд Леонтьева, мешали развиваться России в «московский» период ее истории⁷. Сословное же отдаление «сознательной», по-европейски образованной части русского общества от его «наивной» части было, с точки зрения мыслителя, необычайно полезно: оно «оставило надолго следы своеобразных путей развития»⁸ и «сохранило простой народ в большей неприкосновенности», поскольку низшие классы, считая дворян и чиновников почти нерусскими из-за приверженности их к иноземным формам, нередко глядели на них с презрением и даже не стремились подражать им, удерживая свои древние национальные особенности⁹.

Славянофилы на разъединение сословий смотрели иначе. Разрыв между исконными «народными началами» и «безнародной образованностью»

они оценивали исключительно негативно. По мнению А.С. Хомякова, раздвоение, внесенное в русскую жизнь Петром Великим, неблагоприятно сказалось и на европеизированном «обществе», и на народе¹. Леонтьев же, как говорилось выше, антиномии такого рода приветствовал, полагая, что они обогащают историю. Так же относился он и к культурному разрыву между высшими и низшими сословиями, тем более, что «народные начала» все-таки сохранились и в своем удалении от правящего класса русский простолюдин не утратил «то полносочие, которым мы можем изумить весь мир, если сумеем им воспользоваться»².

Но шанс сделать это может быть упущен. Чтобы этого не случилось, заклинал Леонтьев, нужно не обращаться вспять, не упорствовать в неподвижности, а принять «все то, что обстоятельства вынуждают нас принять», а также осуществить своего рода «национальный гнозис» — осознать свою всемирную роль, свое историческое предназначение, и понять другие народы. Тогда русские не только сохранят свой национальный облик, но и доведут его до «той степени самобытности и блеска, в которой стояли поочередно, в разные эпохи, все великие нации прошедшего»³.

Здесь необходимо следующее пояснение. Леонтьев предлагал России «принять» ни что иное, как... европейские начала, но принять не механически, а органически, переработав их в свои собственные национальные формы, так, как пчела «перерабатывает... сок цветков в несуществующий вне ее тела воск»⁴. При этом, считал Леонтьев, европейские влияния можно усваивать вне зависимости от того, какое общественное «направление» они выражают, какую политическую окраску несут: важно лишь то, чтобы «окончательная их форма была бы своя, наша, и дышала бы силой!»⁵.

Облечение «всеобщих», то есть западноевропейских, идей — философских, «художественно-творческих», «жизненно-практических» в русские национальные формы должно было придать им ту степень новизны и оригинальности, которая «со временем может обновить несомненно стареющий мир». Леонтьев полагал, что для продолжения исторического процесса это совершенно необходимо: «одними и теми же идеями, как бы ни казались они современникам хорошими и спасительными, человечество постоянно жить не может»⁶.

Можно сказать, что мысль о необходимости органического усвоения Россией европейских начал, придания им национальных форм — с тем, чтобы «обновить стареющий мир», в рассматриваемую эпоху «витала в воз-

¹ Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 395, 396.

² Леонтьев К.Н. Грамотность и народность. С. 383.

³ Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Он же. Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1900. Т. 1. С. 248.

⁴ Там же. С. 253, 257.

⁵ Там же. С. 251.

⁶ Там же. С. 254.

⁷ Леонтьев К.Н. Грамотность и народность. С. 382–383.

⁸ Он же. Несколько воспоминаний... С. 554.

⁹ Он же. Грамотность и народность. С. 382–383.

¹ Славянофильство и западничество... Вып. 2. С. 153.

² Леонтьев К.Н. Грамотность и народность. С. 383.

³ Там же. С. 361.

⁴ Там же. С. 398.

⁵ Он же. Несколько воспоминаний... С. 539.

⁶ Он же. Грамотность и народность. С. 383–384.

духе» и воспринималась представителями самых разных общественно-политических направлений. Так, один из главных идеологов «официальной народности» С. П. Шевырев надеялся, что Россия «на благо всему человечеству» сохранит сокровища великого прошлого Запада. В. Ф. Одоевский в «Русских ночах» высказывал мысль, что «старую одряхлевшую Европу» должна оживить Европа же «обрусевшая»¹. М. П. Погодин говорил о том, что образованности западная и восточная должны пополнить одна другую и произвести новое полное образование, западно-восточное, европейско-русское. Он, по словам В. В. Зеньковского, жил «сладостной мечтой, что нашему отечеству суждено явить миру плоды этого вожделенного, вселенского просвещения и освятить западную пытливость восточной верой»².

Идея своеобразного синтеза Запада и России увлекала также славянофилов, в том числе ранних представителей этого учения³. Так, И. В. Киреевский выражал желание, чтобы европейскому просвещению в русской жизни «начала», содержащиеся в учении православной церкви, придали «высший смысл и последнее развитие»⁴, а один из могикиан славянофильства, И. С. Аксаков, задавался риторическим вопросом: «как русско-славянский мир совершит за себя и за все славянство подвиг сочетания и претворения в единое органическое духовное целое богатств Востока и Запада?»⁵.

Но наиболее последовательно и целенаправленно задача синтеза России и Запада ставилась «почвенниками» в лице Ф. М. Достоевского. В «Объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 год» он писал, что «русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в своих национальностях; что, может быть, все враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности»⁶. При этом Россия должна «создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал»⁷. Нельзя не заметить весьма значительного сходства с этими идеями, выдвигавшимися Ф. М. Достоевским в начале 60-х, анализируемых идей К. Леонтьева. Учитывая, что, как говорилось выше, именно в этот период «почвеннический» журнал «Время» последний считал наиболее близким себе по духу, можно утверждать, что рассматриваемые представления Леонтьева формировались под непосредственным влиянием идеологии

¹ Зеньковский В. В. Русские мыслители... С. 22.

² Там же. С. 39–40.

³ См.: Там же. С. 70.

⁴ Киреевский И. В. О характере... С. 280.

⁵ Зеньковский В. В. Русские мыслители... С. 67.

⁶ Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 31–32.

⁷ Там же. С. 31.

«почвенничества», крупнейшим представителем которой был Ф. М. Достоевский.

Без «национальной физиономии», полагал Леонтьев, в России «не может создаться своеобразная цивилизация»¹. Таким образом, о самобытной русской «цивилизации» он, судя по сведениям, вошедшим в источники, начал мечтать не позднее конца 60-х. Но именно безграмотный русский народ, подчеркивал Леонтьев, лучше, чем высшее или же ученое общество России, сохранял культурную самобытность, именно безграмотный русский народ являлся большим, нежели правящие круги и интеллигенция, хранителем этой «национальной физиономии»².

Исходя из данного соображения, он выработал свою собственную точку зрения на просвещение русского народа. Грамотность как таковая была для Леонтьева лишь средством, но не целью самой по себе³. Он не возражал против грамотности, но выступал против поспешного и обязательного обучения простого русского народа по западным стандартам и образцам. В этом пункте взгляды Леонтьева от воззрений «почвенника» Достоевского, писавшего: «Распространение образования усиленное, скорейшее и во что бы то ни стало — вот главная задача нашего времени, первый шаг ко всякой деятельности»⁴, отличались разительно. К. Леонтьев считал, что просвещение народа, которое в современную ему эпоху могло быть осуществлено только по-европейски, погубит историческое лицо России и она потеряет свои отличия от остальных стран Европы⁵. В этом случае, по логике его размышлений, самобытная славяно-русская цивилизация так и не будет создана и сама всемирная история, не получив продолжения, сойдет на нет с близкой в исторической перспективе гибелью западной культуры.

По мнению Леонтьева, образованные слои России еще не созрели для просвещения низших классов. Зрелость же наступит тогда, когда «люди англо-французского воспитания сделаются все еще гораздо более славянофилами, нежели они сделались под влиянием нигилизма, Польского мятежа и европейской злобы»⁶, т. е. когда образованные классы поймут ценность национального своеобразия, русского самобытного начала, и начнут относиться к нему бережно и с вниманием. Поручать же «святыню народного духа» интеллигенции, к обучению народа подготовленной недостаточно, мыслитель «страшился»⁷.

¹ Леонтьев К. Н. Грамотность и народность. С. 360.

² Там же.

³ Там же. С. 388.

⁴ Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 32.

⁵ Леонтьев К. Н. Грамотность и народность. С. 385, 399.

⁶ Там же. С. 384.

⁷ См. Там же. С. 387.

Данная точка зрения в принципе не расходилась со славянофильской идеологией. Леонтьев и сам понимал это, ссылаясь на И. С. Аксакова, который в газете «День» вопрошал: «хороша грамотность, но готовы ли мы учить народ?»¹. Однако противником просвещения русского народа на европейский манер и «просветителями», проникнутыми «европеизмом», он стал благодаря не столько славянофилам, сколько эмпирическим наблюдениям, сделанным на православном Востоке. Пребывая там, Леонтьев заметил, что даже едва, кое-как обученные грамоте болгары и сербы (не говоря о греках) отворачивались от своей национальной культуры, одевались в европейское платье и во всем старались походить на западных буржуа. Таким образом, европейское просвещение на Балканах было, с его точки зрения, проводником буржуазности, каналом, по которому буржуазность изливалась в «самобытную народную массу» и нивелировала ее культурные отличия от Европы, т. е., как мог бы выразиться Леонтьев, просвещение на западный лад «губило ростки самостоятельного будущего развития турецких славян». У него возникло опасение, что и в России народное образование, построенное по европейским стандартам, будет служить обуржуазиванию страны и станет угрозой для ее «национальной физиономии».

Еще в 30-е — 50-е гг. XIX в., отмечал Леонтьев, просвещенные слои русского общества отличал космополитизм, причем Россия, по его выражению, была заражена им «до низости». Но Леонтьев понимал, что этот космополитизм, который он называл «неслышанным», являлся, как это ни парадоксально на первый взгляд, характерно русской чертой, поскольку вызывался особыми историческими условиями России, непохожими ни на французские, ни на греческие, ни на турецкие, ни на германские². Действительно, в странах, расположенных вне Европы, космополитизм как ориентация на мир без национальных границ на основе системы западных ценностно-культурных приоритетов в ту эпоху распространен еще не был. Однако, несмотря на такого рода «русскость» отечественного космополитизма, Леонтьев все-таки считал его «неуместным»³.

Помимо космополитизма, русское «общество» указанного периода, по его мнению, отличала «какая-то неопределенность, расплывчатость, недоконченность многих отдельных явлений. Какое-то соединение сложности и бледности»⁴, тогда как в пореформенные годы среди образованных россиян царствовало «модное нищенство духа», которое он именовал «всемирно-экономическим вигизмом»⁵.

¹ Цит. по: *Леонтьев К. Н.* Письмо к Н. Н. Страхову от 26. 10. 1869 г. ОР РНБ, ф. 747, Страхов Н. Н., № 17, л. 15.

² Он же. Несколько воспоминаний... С. 551.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Он же. С Дуная // *Одесск. вестн.* 1868. 6 февр. № 27.

И все-таки русское помещичье и чиновничье общество, гораздо менее национальное чем народ, вполне ни на одно иностранное, т. е. европейское, общество, на взгляд Леонтьева, похоже не было¹ и определенной культурно-бытовой спецификой, с его точки зрения, обладало. Эта оценка соответствует исторической истине. Однако сам Леонтьев предпочел бы представителям отечественных образованных классов — учителю, чиновнику, если он — человек «честный, скромный и трудолюбивый, но безличный, живущий последними модными мыслями Запада; человек, которого по образу жизни, по манерам, по разговору, одежде, симпатиям можно отнести к буржуазии всякого народа...» любого придунайского старообрядца, оставшегося верным своей национально-религиозной традиции во всем, «начиная от рубашки навыпуск и кончая отречением от табаку и чая»². Это, однако, отнюдь не свидетельствовало об «остаточных», унаследованных от либерального периода жизни демократических симпатиях Леонтьева к низшим классам: будь русское «общество» в культурном отношении своеобразнее, чем их представители, он с радостью предпочел бы «его дух, его образцы, его обычаи, его идеалы» простонародным³.

Теперь перейдем к вопросу об отношении мыслителя в рассматриваемый нами период к реформам Александра II. По сравнению с началом 60-х оно изменилось мало, позитивные оценки преобразований преобладали над негативными. Леонтьев еще не видел, что новые формы социального устройства русского общества по сути своей являются буржуазными, и это не удивительно: тенденции буржуазного развития в 60-е годы проявились еще недостаточно и как таковые большинством современников, даже отмену крепостного права не склонных связывать с утверждением буржуазных отношений, они не осознавались⁴. По словам З. В. Смирновой, мнение которой мы разделяем, «ни один из тех главных процессов, в которых выразилось движение России по пути капитализма, — разложение крестьянства, развитие промышленности и формирование рабочего класса — в первое десятилетие после реформы не выявился еще с достаточной ясностью. Половинчатый характер всех буржуазных реформ 60-х годов, колебания правительства при их проведении, бурная вспышка классовой борьбы крестьянства в начале 60-х годов и явное ослабление этой борьбы во второй половине десятилетия, правительственная реакция, усилившаяся после выстрела Каракозова, — в сложном переплетении всех событий действительно было нелегко с полной определенностью установить бесповоротное движение страны по капиталистическому пути»⁵. В случае

¹ Он же. Несколько воспоминаний... С. 550.

² Он же. Грамотность и народность. С. 356.

³ Там же. С. 357–358.

⁴ *Цимбаев Н. И.* Указ. соч. С. 223, 224.

⁵ *Смирнова З. В.* Указ. соч. С. 171.

К. Леонтьева правильное понимание характера процессов, происходивших в России, затруднялось еще и тем обстоятельством, что он находился вне ее пределов и о том, что происходило на родине, узнавал главным образом из газет, из писем и от людей, бывавших там в это время.

Леонтьев понимал, что в принципе реформы направлены на европеизацию страны, но считал, что начиная с 1856-го и до конца 60-х гг. все, что должно было приблизить Россию к Европе, напротив, отдаляло ее от Запада и «служило к большему нашему обращению внутрь себя самих»¹, что каждый шаг, который страна делала по пути европеизации, только «приближал нас к нашему народному сознанию»². Он был уверен, что в эпоху преобразований «Россия, сама не сознавая того, идет к слав [янофильст]ву»³, и национальная самобытность, национальные «краски начинают выступать несколько ярче...»⁴. Такими результатами Россия, на взгляд Леонтьева, была обязана великорусскому простолыдину и, отчасти, его неграмотности⁵.

В процессе преобразований, отмечал он, в России появилось то, чего ей прежде не доставало: «политическое движение умов». Данная перемена, на его взгляд, носила необратимый характер⁶ и должна была способствовать историческому прогрессу страны. За мысль, что такого рода «свобода» не умалит Россию а, напротив, даст ей больше того своеобразия, о котором Леонтьев грезил, он держался до самого своего возвращения на родину в 1874 г.⁷ Эта точка зрения была вполне либеральной в духе специфического либерализма славянофилов.

Большинство славянофилов согласилось бы и с утверждением Леонтьева о том, что для самобытного развития России и «Славянского мира» в целом «необходимо и спасительно Русское Самодержавие и мощь нашего Царского престола»⁸. Однако приверженность самодержавию на словах ничуть не мешала им стремиться к осуществлению либерально-буржуазных преобразований в стране на деле.

Превознося неравенство, в том числе неравенство прав, обеспечиваемое сословными барьерами, Леонтьев, тем не менее, полагал, что к началу реформ сословное разъединение и несходство людей между собой стало

¹ Леонтьев К. Н. Грамотность и народность. С. 379–380.

² Там же. С. 361.

³ Он же. Письмо к Н. Н. Страхову от 19. 11. 1870 г. ОР РНБ, ф. 747, Страх Н. Н., № 17, л. 36 об.

⁴ Он же. Несколько воспоминаний... С. 552.

⁵ Он же. Грамотность и народность. С. 380.

⁶ Он же. Несколько воспоминаний... С. 539.

⁷ Он же. Грамотность и народность. С. 366.

⁸ Копия с доверительного донесения Надворного Советника Леонтьева в Императорское посольство в Константинополе от 6 июля 1868 года за № 190 // Он же. Дипломатические донесения... С. 219.

чрезмерным, «бесплодным», и превратилось в тормоз развития России. Однако благодаря преобразованиям, считал он, сословная сегрегация может принести неопределимые результаты и к ней нужно обратиться с исторической благодарностью: с ее помощью различные слои русского общества сохранили свое индивидуальное «лицо», свои специфические социокультурные особенности, а поскольку стены, теснившие сословия, рухнули, Россия получила шанс выработать, опираясь на эти особенности, оригинальную культуру мирового значения¹. Как видим, и данная идея Леонтьева, на этот раз вполне оригинальная по происхождению и звучанию, отмечена чертами либерализма, но не западного, легко узнаваемого, а славянофильского, завуалированного и подспудного.

Из всех реформ Александра II более всего Леонтьев ценил реформу крестьянскую. Он не был столь же принципиальным противником крепостного права, каковыми являлись славянофилы, которые еще на рубеже 30-х – 40-х гг. объединились убеждением в необходимости отмены крепостных отношений и последовательно выступали против последних². Леонтьев считал этот социальный институт весьма своеобразным явлением, который к середине XIX в. отличал Россию от Запада³. Однако освобождение крестьян он оценивал как действие правильное и своевременное. Сходных воззрений придерживались и западники, и славянофилы, исключая лишь И. В. Киреевского⁴, до самой крестьянской реформы, впрочем, не дожившего. Славянофилы, особенно на первых порах, признавали реформу необходимой, благотворной и законной, что, по справедливому заключению Е. А. Дудзинской, являлось одним из проявлений свойственного славянофилам либерализма⁵. Подобно большинству представителей этого течения (но в отличие от И. В. Киреевского), Леонтьев полагал, что русское общество для эмансипации крестьян созрело, и данный переворот «совершился на мудрых основаниях, изучение которых только более заставляет удивляться широте и глубине задуманного и исполненного плана»⁶. В этом пассаже отчетливо звучат верноподданнические мотивы, да Леонтьев, после поворота к консерватизму, и был верноподданным всех русских монархов — независимо от своего отношения к проводимой ими политике — до самой кончины в 1891 г.

По его мнению, своевременность освобождения крестьян заключалась в том, что если бы это событие произошло в начале XIX столетия (вспомним Указ о вольных хлебопашцах 1803 г.), то русский народ стал бы

¹ Леонтьев К. Н. Грамотность и народность. С. 382–383.

² Цимбаев Н. И. Указ. соч. С. 166, 167.

³ Леонтьев К. Н. Грамотность и народность. С. 362.

⁴ См. Славянофильство и западничество... Вып. 1. С. 102.

⁵ Дудзинская Е. А. Указ. соч. С. 52.

⁶ Леонтьев К. Н. Грамотность и народность. С. 387.

или свободным пролетарием, или владельцем лишь мелкой собственности, которая очень быстро перешла бы «в руки ловких людей, особенно при некоторых кочевых особенностях русского селянина»¹. И превращение крестьян в пролетариев, и концентрация земли в руках «ловких людей» означали развитие аграрного сектора России по капиталистическому пути. Таким образом, именно этого фактически не желал Леонтьев.

Как говорилось выше, крестьянскую, «земскую» общину Леонтьев, как убежденный противник слепого подражания Западу, со времен своего второго «умственного перелома» считал одним из наиболее важных и ценных отечественных и вообще славянских, в частности болгарских и сербских², социальных учреждений. «Рука бы моя не дрогнула на того, кто святотатственно посягнул бы на земскую общину нашу, посягнул бы от подлого страха что быт Европы основан на личной собственности, как будто бы рядом с этим нет у нас личной собственности», — писал он³. Сохранение в эмансипированной России поземельной («земской») общины, в которой Леонтьев видел начало в высшей степени охранительное, «грозное соединение самодержавия с коммунизмом»⁴, предупредило, по его мнению, «развитие буйного пролетариата»⁵, поскольку именно «общинное владение землею предупреждает пролетариат»⁶. Пролетариат — неотъемлемый элемент буржуазных социально-политических отношений — Леонтьев откровенно недолюбливал; отрядным фактом было для него отсутствие пролетариата в городах европейской Турции⁷.

Говоря, что «общинное владение землею предупреждает пролетариат», Леонтьев 60-х прямо повторил тезис, выдвинутый славянофилами. Именно они первыми поверили в то, что сохранение поземельной общины может предотвратить или, по крайней мере, заметно отдалить возникновение пролетариата⁸. Так считали А. С. Хомяков⁹, Ю. Ф. Самарин¹⁰, А. И. Кошелёв¹¹.

¹ Там же. С. 386.

² См.: Копия с доверительного донесения Надворного Советника Леонтьева в Императорское посольство в Константинополе от 6 июля 1868 года за № 190 // Он же. Дипломатические донесения... С. 218–220.

³ Он же. В своем краю. С. 418.

⁴ Он же. Грамотность и народность. С. 362, 387.

⁵ Там же. С. 387.

⁶ Донесение Коллежского Ассессора Леонтьева № 29 и 35 от 12 февраля 1868 г. // Он же. Дипломатические донесения... С. 193.

⁷ [Петру Николаевичу Стремоухову от 15 января 1871 г.] // Он же. Дипломатические донесения... С. 330.

⁸ См. Дудзинская Е. А. Указ. соч. С. 256.

⁹ Славянофильство и западничество... Вып. 2. С. 31, 32; Цимбаев Н. И. Указ. соч. С. 172.

¹⁰ Цимбаев Н. И. Указ. соч. С. 177; Дудзинская Е. А. Указ. соч. С. 86.

¹¹ Дудзинская Е. А. Указ. соч. С. 88, 94.

Убеждение, что община и общинная форма собственности на землю являются надежным заслоном от «пролетариата», что до тех пор, пока существует община, превращение крестьян в пролетариев невозможно, было теоретической ошибкой. Эту теоретическую ошибку разделили со славянофильством другие направления русской общественной мысли, в первую очередь народничество¹. В действительности обезземеливание крестьянства и его пролетаризация происходили в пореформенной России несмотря на консервацию правительством поземельной общины, хотя ее сохранение существенно замедляло эти процессы и тормозило развитие в стране капиталистических отношений — не только в сельском, но и в других отраслях хозяйства. Пореформенное крестьянство, по крайней мере в количественном отношении, являлось главным источником роста пролетарского кадра. После проведения преобразований именно деревня сделалась его важнейшим поставщиком: процесс «раскрестьянивания» пошел там с небывалым до того размахом и силой. Уже в первые пореформенные десятилетия пролетарские и полупролетарские слои русской деревни вместили порядка половины сельских хозяйств².

Славянофилы появления в России «язвы пролетариата» стремились по возможности избежать³ — они не желали, чтобы их родина испытывала революционные потрясения, подобные тем, в которых содрогалась Европа: для них пролетариат был «жупелом, пугающим возможностью революции»⁴, источником социальных бурь. Еще в 1849 г. А. И. Кошелёв, отправившийся в европейские страны и ставший непосредственным свидетелем революционных событий, писал историку-славянофилу А. Н. Попову: «Пролетариат есть корень всех зол материальных в Европе, как безверие есть источник бед нравственных»⁵. Согласно А. С. Хомякову, обращение крестьян в безземельных работников и быстрая пролетаризация деревни могли привести к революции, к резне «в близком или, по крайней мере, недалеком будущем»⁶.

Но если славянофилов появление пролетариата страшило, прежде всего, призраком революции, то Леонтьева в 60-е годы пугала не столько опасность революций как таковых, сколько опасность перехода России на рельсы европейского культурно-исторического развития и повторения

¹ Цимбаев Н. И. Указ. соч. С. 172, 174.

² Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. М., 1978. С. 266, 267.

³ См. Цимбаев Н. И. Указ. соч. С. 200.

⁴ Дудзинская Е. А. Указ. соч. С. 75.

⁵ Кошелёв А. И. Письмо к А. Н. Попову от 29. 8. (10. 9.) 1849 г. // Русский архив. 1886. Кн. 1. С. 352.

⁶ Цит. по: Цимбаев Н. И. Указ. соч. С. 171. Также см.: Славянофильство и западничество... Вып. 2. С. 35.

ею пути, пройденного западным миром — пути, ведущего к одряхлению и гибели нарождающейся славяно-русской культуры. Так, формирование пролетариата предполагало формирование и столь ненавистного Леонтьеву «мещанства», буржуазии, и для него это было одним из самых важных аспектов данной опасности. Неприязнь к рабочему классу, связанная с неприязнью к буржуазии, сближала его скорее с А. И. Герценом, подобно славянофилам считавшим пролетариат одним из главных зол европейской социально-политической жизни, нежели с самими славянофилами. По мнению М. М. Цимерман, свое негативное отношение к рабочему классу Леонтьев у Герцена заимствовал¹. Мы с этой точкой зрения согласиться не можем: неприязнь к пролетариату вытекала из всей системы общественно-политических взглядов, которой этот мыслитель придерживался в рассматриваемый период.

Размышлял он не только о крестьянской реформе, но и о других преобразованиях, в частности, о земском самоуправлении, введенном 1 января 1864 г. Леонтьев считал, что земские учреждения России обладали целым рядом достоинств. В них, по его мнению, в равной степени избегнуты и «деспотизм богатства» (диктат плутократии), и «деспотизм многолюдства»² (крайности демократии) — Сцилла и Харибда буржуазного строя. Новые общественные институты, по оценке Леонтьева, с национально-культурной точки зрения были «довольно своеобразными», хотя общая их идея занесена с Запада и вызвана освобождением крестьян³. С этими представлениями можно согласиться. Земские учреждения действительно обладали определенной национальной спецификой, реформы 60-х действительно в той или иной степени ориентировались на европейские образцы, и именно отмена крепостного права, по словам А. А. Корнилова, образовала «много пустых мест в существовавшей ранее системе местного самоуправления»⁴, которые царская администрация должна была хоть чем-то заполнить.

Мнение Леонтьева было близко к мнению славянофилов, считавших, что из земства могут развиваться и произрасти заложенные в нем ростки новой жизни⁵, основанной на национальных началах. Однако при всей национальной специфике земских институтов последние, основанные на принципе сословности, вписывались в социально-экономическую структуру пореформенной России как элемент развития буржуазного⁶, объективно они направляли страну не на самобытный путь развития,

¹ Цимерман М. М. Указ. соч. С. 23.

² Леонтьев К. Н. С Дуная II.

³ Он же. Грамотность и народность. С. 366.

⁴ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 256.

⁵ Дудзинская Е. А. Указ. соч. С. 162.

⁶ Там же. С. 153, 162.

а на европейские рельсы. К западным общественно-политическим порядкам тянулась и возникшая после 1864 г. земская либеральная оппозиция, своею основной целью ставившая введение в России парламентаризма западноевропейского образца¹. Однако Леонтьев, находясь за пределами страны, всего этого не видел.

По его мнению, на практике земства сближали просвещенное сословие России с простым народом. Само дворянство, считал Леонтьев, «волей-неволей, встречаясь с крестьянами в собраниях, ... должно стать более русским не только по государственному патриотизму (в чем не было у нас никогда недостатка), но и вообще по духу, и, Бог даст, по бытовым формам»².

В этом пункте он солидаризировался и с почвенниками, и со славянофилами. Именно последние выдвинули идею сближения и даже слияния сословий. Вера в будущее сближение дворянства с крестьянством была присуща почти всем представителям данного течения общественной мысли³. Саму крестьянскую реформу они рассматривали как этап сближения сословий в «земстве», отношение которого к «государству» должно повторить идеальные отношения допетровской Руси⁴. Те же славянофилы выдвинули идею слияния сословий в земстве на началах равного представительства крестьян и помещиков, что позволило В. В. Гармизе вполне объективно отнести их к лагерю либералов⁵. За сближение сословий на почве повседневной земской работы ратовали такие представители этого течения мысли, как И. С. Аксаков, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин, В. А. Черкасский⁶. И. Аксаков в статье «По поводу Положения о губернских и уездных земских учреждениях» — законодательного акта, которым вводились земства, оценил его именно как «первый, конечно, очень скромный шаг... по пути к сближению и соединению сословий»⁷ — сословий крестьян-общинников и личных землевладельцев-дворян. Их «взаимный союз» он считал залогом «богатого внутреннего развития». Ю. Ф. Самарин надеялся, что такое сближение произойдет в борьбе между интересами крестьян, владельцев земли, и помещиков, ее собственников⁸.

Слияния сословий Леонтьев, как принципиальный сторонник общественного неравенства, в отличие от славянофилов, конечно же, не хотел,

¹ Минаков А. Ю. Земщина: возможно ли ее восстановление? // Русский узел. Идеи и прогнозы журнала «Москва». М., 1999. С. 143.

² Леонтьев К. Н. Грамотность и народность. С. 366.

³ Цимбаев Н. И. Указ. соч. С. 212.

⁴ См. Там же. С. 213.

⁵ См. Гармиза В. В. Подготовка земской реформы 1864 года. М., 1957. С. 124.

⁶ Цимбаев Н. И. Указ. соч. С. 206.

⁷ Аксаков И. С. По поводу Положения о губернских и уездных земских учреждениях // День. 1864. 18 января. № 3. С. 1–3.

⁸ Цимбаев Н. И. Указ. соч. С. 212–213.

скорее он был его противником, хотя прямо об этом в 60-е годы еще не писал. Сближение образованного слоя и низших классов для него, как впоследствии и для евразийцев, означало установление тесной связи первого «с своеобразным психологическим и этнографическим обликом русской народной стихии»¹, постепенную замену европейской по происхождению культуры русского «общества» культурой, облеченной в национальные формы, которые хранили простолюдины. Однако историческое развитие России, вопреки Леонтьеву, а также славянофилам и почвенникам, вело не к культурному и не к социальному сближению сословий, а к трансформации этих позднефеодальных структур в классы капиталистического общества.

В отличие от земских учреждений, пореформенные суды, по мнению Леонтьева, были ничуть не своеобразны, а «заимствованы целиком» из буржуазной Европы. Однако и суды, считал он, играли известную роль в приобщении образованного класса России к национальным началам: в судах появляются представители всех сословий и областей Российской империи, люди самого разнообразного общественного воспитания, в них «рассматриваются и судятся всевозможные страсти, преступления, суеверия...», благодаря чему европеизированные слои России учатся «больше понимать родное, хотя бы в грустных его проявлениях»². Поэтому, по логике мыслителя, и западные суды служили на русской почве идее самобытной цивилизации — тем, что помогали культурному сближению «грамотного люда» с простонародьем. Практика показала ошибочность этих представлений. Суды и другие пореформенные учреждения способствовали развитию в России капитализма, то есть вели ее не по самобытно-му, а по буржуазному, западному пути развития.

Отрицая сам этот путь, Леонтьев, однако, не был противником экономического развития России и обогащения предприимчивых русских людей. Его отношение к данным процессам можно сформулировать так: «пусть русский богатеет, но не становится скверной копией европейского буржуа, подобно болгарам и грекам — пусть он не отказывается от своих национальных и культурно-бытовых форм, носит русскую одежду, а не сюртук или фрак, содержит посты, строит церкви и т. д.»³.

Положение в стране после проведения реформ Леонтьев, пребывая за ее пределами, в Турции, оценивал как хорошее⁴. И в том состоянии, в котором Россия находилась в 60-е годы, она, по его мнению, уже была полнее и богаче содержанием, чем три «путеводных нации» Запада: англичане,

французы и немцы¹. Он считал, что разнообразия и «противоположений», антиномий, способствующих развитию богатых культурных форм, имелось в ней больше, нежели в европейских странах. «В великой России, — писал Леонтьев, — земская община и рядом с нею помещик, у которого больше земли, чем у многих германских государей; в Малороссии громада, без общинного владения землей; московский ученый и донской казак; петербургский безбожник и непоколебимый в вере своей раскольник; кавалергард и степной киргиз... Разнообразием физиономий и сложений в высших слоях удивительно; обычаи и поверья — вовсе разные в разных местах...»².

Таким образом, родину свою мыслитель находил богатой своеобразными характерами, а почву ее — удобренной самыми противоположными началами, и это давало ему надежду на то, что в обозримой перспективе самобытная русская цивилизация будет создана. Главное для России, считал Леонтьев в первое пореформенное десятилетие, чтобы молодое поколение сумело понять её историческое призвание и «не засыпало бы на *готовых* [курсив мой — С. Х.] либерально-европейских рецептах»³.

2.4. Изменение общественно-политических взглядов Леонтьева на рубеже 60-х — 70-х годов XIX века

Однако безудержно-оптимистическими представлениями Леонтьева о будущем своего отечества не были. В России все «широко и рассыпчато, но все бледно и не выработано», кроме государственной силы, а она сама по себе — «вещь великая, но холодная!», — писал он⁴. В статье об А. Григорьеве, отправленной Н. Н. Страхову и датированной июнем 1869 года, Леонтьев впервые открыто высказал опасение, что Россия не даст новой мировой культуры, а перейдет «прямо из безмолвия в шумное и безличное царство масс... В безличность не эпическую, не в царство массы бытовой — русской, а в безличность и царство массы европейской, *петербургской* [выделено нами — С. Х.], в безличность торгашескую, физико-химическую и чиновничью...»⁵.

¹ Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры // Он же. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 140.

² Леонтьев К. Н. Грамотность и народность. С. 367.

³ См. Там же. С. 381, 393–396.

⁴ Он же. С Дуная II.

¹ Он же. Несколько воспоминаний... С. 554.

² Он же. В своем краю. С. 417–418.

³ Он же. Несколько воспоминаний... С. 555.

⁴ Он же. В своем краю. С. 417–418.

⁵ Он же. Несколько воспоминаний... С. 539.

Это опасение возникло в конце 60-х, когда Леонтьев, после длительных и серьезных размышлений, основанных на опыте жизни, чтении и беседах, начал понимать, что реформы ведут Россию не к каким-то самобытно-национальным далям, а к самым обыкновенным, буржуазным общеевропейским перспективам. По всей вероятности, этому способствовало многомесячное — с ноября 1868 по февраль 1869 года — пребывание мыслителя на родине, где он посетил Москву, Петербург и Царское Село¹. После пятилетнего отсутствия в России Леонтьев собственными глазами увидел те уже вполне ощутимые изменения, которые внесли в ее жизнь либеральные преобразования, поставившие страну на капиталистические рельсы развития. Его отношение к реформам стало меняться, он пришел к выводу, что только имевшая место неполнота успеха преобразовательных процессов и подает некоторую надежду на то, что Россия может еще уклониться от гибельного, как он считал, западного пути². Увести ее с этого направления, ведущего лишь к размножению и господству «средних людей», самодовольных буржуа, сохранить, а если возможно — создать наиболее разнообразные пути для человеческого развития — вот о чем мечтал и на чем остановился Леонтьев в этот период.

Одним из главных условий такого разнообразия были, по его мнению, крепкая государственность и «культурно-бытовое обособление национального типа», причем последнее, также как и полнота внутренней жизни нации, обеспечивалось существованием сословий и своеобразных бытом и духом провинций и окраин. Ради разнообразия жизни Леонтьев готов был поддержать даже создание новых религий, ересей и сект, но не рационально-нравственных, типа штундизма и молоканства, а мистических, к которым он относил скопчество, хлыстовство, мормонство и т. д.³

Глубокое впечатление произвел на него опубликованный в 1869 г. трактат Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Мыслитель оказался под влиянием этой книги⁴. Но она поразила его, по собственным словам К. Леонтьева, «не как новость, а как только удовлетворившее меня до значительной степени выражение моих собственных взглядов»⁵. Изложенные во втором параграфе данной главы сведения, оценки и материалы, в частности, о конвергентном развитии в 60-е годы общественно-политических взглядов Данилевского и Леонтьева, слова последнего подтверждают. В этот период мыслитель определял себя как единомышленника, однако не в полной мере, а с оговорками, Н. Я. Данилевского, и ратовал за его идею о «четыре

¹ См. Коноплянцев А. М. Указ. соч. С. 70; Также см. Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 368.

² Леонтьев К. Н. Плоды национальных движений..., С. 554.

³ Он же. Кто правее? Письма к В. С. Соловьеву // Восток... С. 668.

⁴ Там же. С. 667.

⁵ Он же. Национальная политика... Приложение I. С. 735.

основах новой культуры»¹. Суть ее заключалась в утверждении Данилевского о том, что славянство должно развить все четыре выделявшихся им разряда человеческой деятельности² и породить «четырёхосновный», наиболее полный во всемирной истории, культурно-исторический тип³. Своим единомышленником считал Леонтьев и Н. Н. Страхова⁴.

В славянофильстве же А. С. Хомякова и И. С. Аксакова, хотя оно «говорило... сильно» «русскому сердцу» этого мыслителя, он отчасти увидел, отчасти почувствовал нечто, внушившее ему недоверие. Оно показалось Леонтьеву слишком «либерально-эгалитарным» для того, чтобы отделить Россию от Запада в той мере, в какой ему этого хотелось⁵. Однако отношение мыслителя к славянофильству стало меняться в конце, а не в начале 60-х, как считает Н. В. Дамье, в преддверии третьего (а не во время первого, как пишет та же Дамье)⁶, серьезного поворота в его мировоззрении. В начале 60-х гг. у Леонтьева, как показано во втором параграфе первой главы, только *появился* интерес к славянофильству, после чего он воспринял многие положения этой отчасти консервативной, отчасти по-своему либеральной доктрины, и на протяжении первого пореформенного десятилетия значительная часть базисных общественно-политических представлений данного мыслителя была близка к славянофильским; последнее доказывается материалами предшествующих параграфов второй главы нашего исследования. Поэтому усомниться в славянофильстве в период, указанный Н. В. Дамье, Леонтьев еще не мог. Сомнения возникли только на рубеже 60-х — 70-х, а к полному и окончательному разрыву с этим течением, как и с остальными, в той или иной степени «либерально-эгалитарными» тенденциями, мыслитель оказался готов только к середине 70-х гг. Изначально, еще с конца 50-х, Леонтьев, с позиций своего эстетического «всеприятия» жизни, не доверял только «односторонней моральности» славянофилов. А на исходе 60-х — после появления книги «Россия и Европа» — он стал смотреть на главного представителя пореформенного славянофильства И. С. Аксакова только как на временно полезное орудие для культурного идеала, общего у него с Данилевским⁷, и оценил славяно-

¹ Он же. Кто правее?... С. 669; Также см. Он же. Национальная политика... Приложение I. С. 735.

² К ним этот мыслитель относил деятельность религиозную, культурную «в тесном значении этого слова», политическую и общественно-экономическую. См. Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 400–401.

³ См. Там же. Гл. XVII. Славянский культурно-исторический тип. Вместо заключения. С. 398–431.

⁴ Леонтьев К. Н. Письмо к Н. Н. Страхову от 26. 10. 1869 г. ОР РНБ, ф. 747, Страхов Н. Н., № 17, л. 13.

⁵ Он же. Кто правее?... С. 667.

⁶ См. Дамье Н. В. К. Н. Леонтьев... С. 34.

⁷ Фудель И. Указ. соч. С. 30.

фильство как учение одновременно и не государственное, и не эстетическое. Со стороны эстетики Леонтьев продолжал чувствовать себя близким скорее к Герцену — не как к революционеру, проповеднику «русского социализма», а как к противнику европейской буржуазии, со стороны ж государственности его гораздо больше устраивал М. Н. Катков — тем, что, по словам Леонтьева, не искал никогда, как Аксаков, чего-то туманно-возвышенного в политике, а пользовался теми силами, которые находятся под рукой¹.

Однако в некоторых отношениях Леонтьев все-таки остался близок к славянофильству: продолжал считать себя «учеником Хомякова»², отзывался о славянофиле А. Ф. Гильфердинге, почвеннике Н. Н. Страхове и бывшем революционере В. И. Кельсиеве, перешедшем на славянофильско-охранительные позиции, как о своих единомышленниках, предтечах «Великого Славянского будущего»³. Он «принимал всерьез» учение А. С. Хомякова о национальной самобытности⁴, подобно последнему (а вместе с ним и И. С. Аксакову в 60-е годы)⁵ симпатизировал политическому национализму славянских народов и верил в «безусловную почти благотворность» разного рода национальных движений, которые лишь несколько позже заклеил как «племенные». Но на рубеже 60-х — 70-х мыслитель все еще полагал, что национализм политический идет рука об руку с национализмом культурным, и обретение народами политической независимости поможет им создать яркие самобытные культуры. Поэтому и в данное время Леонтьев со своей некогда «слепой и пламенной» верой в славянство не мог еще расстаться вполне. Подобно классическим славянофилам, он продолжал питать надежды на то, что вскоре после освобождения славян и всеславянского сближения последует период создания самобытной славянской культуры⁶ общемирового значения, однако отмечал уже, что славяне не склонны к самостоятельному творчеству, а «падки на чужое», и даже предлагал вести среди них «особую пропаганду для утверждения самобытных вкусов»⁷. Всего за несколько лет до написания «Византизма и Славянства», эссе, в котором изобличается тотальный европеизм чехов и сами они названы «немцами, переведенными

на славянский язык»¹, Леонтьев рассчитывает, что именно у этого народа раньше, чем у других славян, проснется тяга к своеобразию и самобытности — благодаря тому, что чехи, на его взгляд, вполне в данном случае трезвый и объективный, самый по-европейски образованный и пресыщенный западничеством из всех славянских народов, тогда как образованность остальных славян еще «слишком зелена, чтобы они были в силах пресытиться однообразным идеалом западной культуры»². Не сомневаясь в том, что славянский мир все еще «богат формами», он уже признавал, что его национальное своеобразие непрочно и под воздействием европеизма «легко может уйти у славян в XIX веке»³. Западные влияния и в самом деле размывали национальное своеобразие славянских (и не только славянских) народов, способствовали их отказу от самобытного культурного уклада в пользу универсальных панъевропейских форм.

Все больше внимания, в связи со славяно-русскими делами и Восточным вопросом, Леонтьев с конца 60-х обращал на политические процессы, происходившие в Европе. В 1870 г. у него сложилась «гипотеза», обосновывавшая неизбежность победы национально-объединительных и национально-освободительных движений на землях этого континента. Согласно этой «гипотезе», наступило время «ниспровержения прежнего и давнего порядка европейского равновесия»⁴, ключевое положение в котором принадлежало Франции. Как русский гражданин-патриот, жаждавший реванша за поражение России в Крыму, как политический агент империи на Востоке, знающий на собственном опыте об огромном и неблагоприятном для России влиянии Франции в турецких провинциях, делавшем ее дипломатов «наглыми, дерзкими и несносными» и, наконец, как человек, испытывавший антипатию к «либерально-эгалитарной» Европе и вполне справедливо считавший Францию ее авангардом, квинтэссенцией присущих ей черт, Леонтьев не мог не желать умаления политической роли этого государства. Будучи, в то же время, человеком настроенным до известной степени прогермански, он с 1866 г. приветствовал возвышение Пруссии, горячо сочувствовал Берлину во время войны с Францией и откровенно радовался жестокому поражению последней⁵. Леонтьев считал, что «моральное и вещественное падение Франции» пусть косвенно, но послужит страстно желаемому им усилению национальной самобытности России⁶. Франко-прусская война виделась ему аналогом войны

¹ Леонтьев К. Н. Кто правее?... С. 668.

² Там же. С. 669; Он же. Национальная политика... Приложение I. С. 735.

³ Он же. Письмо к Н. Н. Страхову от 26. 10. 1869 г. ОР РНБ, ф. 747, Страхов Н. Н., № 17, л. 16 об.

⁴ Он же. Кто правее?... С. 669.

⁵ См.: Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 230; Егоров Б. Ф. О национализме и панславизме славянофилов // Славянофильство и современность. СПб., 1994. С. 29.

⁶ Леонтьев К. Н. Национальная политика... Приложение I. С. 735.

⁷ Он же. Грамотность и народность. С. 378.

¹ Он же. Византизм и славянство // Он же. Записки отшельника. С. 63.

² Он же. Грамотность и народность. С. 358.

³ Там же. С. 388.

⁴ Он же. Национальная политика... Приложение I. С. 735.

⁵ Он же. Записки отшельника // Восток... С. 444.

⁶ См. Леонтьев К. Н. Письмо к Н. Н. Страхову от 19. 11. 1870 г. ОР РНБ, ф. 747, Страхов Н. Н., № 17, л. 36 об.

Пелопоннесской, в которой Афины были побеждены Спартой и утратили свое преобладающее влияние в Греции. При этом Франция ассоциировалась у Леонтьева с Афинами, Пруссия — со Спартой, тогда как России мыслитель отводил роль Рима¹ — государства, создавшего в конце концов мировую империю.

Разгром Франции в 1871 г. он, будучи политиком практическим, вполне трезво и объективно находил для России выгодным; пока между Тьером и Бисмарком велись переговоры о мире, Леонтьев, по его словам, «боялся до крайности, чтобы французы не сохранили как-нибудь целостность своей территории». Мысль об отторжении у них двух провинций казалась ему несбыточной мечтой, но «мечта» сбылась, и Леонтьев, узнав об этом, ... перекрестился. Свое отношение к итогам франко-прусской войны он выразил так: «Государство более демократическое побеждено жестоко державой, в то время менее уравненной; республика — монархией; полезный пример; Севастополь и грубое потворство польскому бунту отомщено хотя бы «чужою рукой», но сторицей; Все эти нестерпимые фразы о величии буржуазной Франции, наконец, окончены и, вероятно... навсегда!... Республика 70-го г., вообразившая, что она, отказавшись от императора, будет в силах повторить великие подвиги прошлого века, унижена до того, что представители ее плачут в кабинете графа Бисмарка...»².

В то же время Леонтьев полагал, что усиление Германии полезно России и является для нее одной из «тех выгод высшего порядка, во имя которой можно пренебречь второстепенными невыгодами и мелких дипломатических помех от возгордившегося соседа и даже невыгодами будущей войны с этим соседом»³. Он был уверен, что *Germania magna* не помешает успехам России на Востоке так же сильно, как до того им мешали Франция и Англия, и вообще при новом положении в континентальной Европе, определяемом постоянной борьбой объединившейся Германии с Францией, ей станет гораздо легче, чем прежде, окончить Восточный вопрос. Под решением Восточного вопроса Леонтьев уже тогда, в 1870 году, начал подразумевать «перенесение центра тяжести нашей религиозно-культурной жизни с «европейского Севера на полуазиатский Юг», что — и это совершенно новый момент, отметивший общественно-политические взгляды мыслителя — стало казаться ему необходимым условием глубокого обособления России от Запада, ибо, как начал считать Леонтьев с данного времени, все более разочаровываясь в отечественных реформах, только на берегах Босфора «нам возможно будет, наконец, содрать с себя ту европейскую маску, которую намазала на лицо наше железная рука Петра I, дабы мы

могли неузнанными или полуузнанными пройти шаг за шагом... до заветной точки нашего культурного возрождения»¹.

В своем отношении к росту военно-политической мощи Германии Леонтьев оказался прав лишь отчасти. В 1866 г., после австро-прусской войны, ставшей одним из важнейших шагов к объединению Германии, на некоторое время оказалась ослабленной Австрия, что явилось благоприятным фактором для действий царского правительства на Балканах. Пруссия поддерживала Россию, стремившуюся к денонсации ограничительных статей Парижского мира 1856 г. — а это было главной задачей внешней политики России 1856–1871 гг.², и помогла ей добиться отмены нейтрализации Черного моря³. Протоколом Лондонской конференции европейских держав от 13 марта 1871 г. Россия получила право держать на Черном море военный флот и строить на его берегах военные крепости. В результате франко-прусской войны главный соперник России на Востоке в эту эпоху — наполеоновская Франция — был выведен из строя, и влияние России в Османской империи возросло⁴. Однако вскоре после того «Второй рейх» династии Гогенцоллернов стал стратегическим союзником трещавшей по швам Австро-Венгрии и, исходя из собственных интересов, способствовал сохранению и даже расширению ее влияния на Балканах. После франко-прусской войны экономическое и политическое проникновение Австро-Венгрии в этот регион усилилось⁵. Затем, в 80-е годы XIX в., началась прямая германская экспансия на Ближнем Востоке⁶, заметно ущемившая интересы России. Она вызвала обострение русско-германских противоречий и в значительной степени ускорила возникновение Первой мировой войны⁷. Таким образом, всего лишь через несколько лет после окончания франко-прусской войны, действительно благоприятных для восточной политики России, совокупное противодействие ей со стороны Запада, к которому подключилась бурно развивающаяся держава немецких кайзеров, только усилилось, что продемонстрировал уже Берлинский конгресс 1878 г. Он раскрыл истинную позицию Бисмарка, направленную на ослабление России и поддержку Австро-Венгрии⁸. Газеты справедливо

¹ Он же. Записки отшельника. С. 445.

² Рыжова Р. И. Из истории русско-черногорских отношений. Дипломатическая борьба 1857–1858 гг. вокруг независимости Черногории // Исторические записки. М., 1958. Т. 63. С. 126; Никитин С. А. Указ. соч. С. 146, 153, 173; Киняпина Н. С. Указ. соч. С. 6, 14, 73, 90.

³ См. Киняпина Н. С. Указ. соч. С. 105, 270, 271.

⁴ Там же. С. 270.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ Силин А. С. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века. М., 1971. С. 6, 8, 242. О самой экспансии: С. 35–151.

⁷ Там же. С. 243.

⁸ Киняпина Н. С. Указ. соч. С. 190.

¹ Он же. Записки отшельника. С. 445.

² Там же. С. 444.

³ Он же. Национальная политика... Приложение I. С. 735.

считали решения, принятые на этом конгрессе, победой Англии и Австрии, одержанной при помощи Бисмарка¹.

Перемены в общественно-политических взглядах К. Н. Леонтьева были следствием изменений в его мировоззрении и жизненной философии, вызванных различными причинами интеллектуально-психологического характера. Прежде всего они коснулись отношения к религии. В конце 60-х годов у Леонтьева начался все более обостряющийся духовный кризис². Былая увлеченность жизнью исчезла, поэтическое отношение к окружающему и происходящему вокруг развеялось³. Его квазизыческий, тяготеющий к античным образчикам эстетизм был исчерпан, и он потянулся к аскетическо-монашескому православию. И хотя в православии Леонтьев в это время крепко утвержден не был, он, по его словам, начал постепенно выходить из «какого-то красивого, неясного пантеистического тумана, в котором жил безнравственно, но весело», однако уже с желанием из него выйти и с чувством, что в нем «не вовсе умер, а где-то глубоко таится православный человек»⁴.

Кризис разрешился в 1871 году обращением Леонтьева в глубинное, «личное», как он его назвал, православие. Обращение катализило третий и последний в его жизни «умственный перелом», после которого взгляды Леонтьева принципиальных изменений уже не претерпевали и он, по его же признанию, вышел на свой собственный путь и в беллетристике, и в социологии, и в политике⁵. Личная вера, отмечал Леонтьев в своем письме к В. В. Розанову, завершила и политическое, и художественное его воспитание⁶.

Фокус размышлений Леонтьева смещается с идеи разнообразия, более всего занимавшей его до обращения, на идею единства. Живое, «сердечное», по выражению Леонтьева, понимание единства стало доступно ему, по его же собственному свидетельству, одновременно с принятием

¹ Там же. С. 187.

² См. *Губастов К. А.* Из личных воспоминаний о К. Н. Леонтьеве // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. С. 208–211; *Коноплянцев А. М.* Указ. соч. С. 73–77; *Иваск Ю. П.* Указ. соч. С. 392–402; *Бердяев Н. А.* Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2. С. 66–70; *Долгов К. М.* Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М., 1997. С. 37–38.

³ *Смирнов И.* Константин Леонтьев: жизнь и творчество // *Леонтьев К. Н.* Избранное. М., 1993. С. 7.

⁴ *Леонтьев К. Н.* Добрые вести // Восток... С. 593.

⁵ Он же. Письмо к А. А. Александрову от 15. 1. 1888 г. // *Александров А. А.* I. Памяти К. Н. Леонтьева. II. Письма К. Н. Леонтьева к Анатолию Александрову. Сергиев Посад, 1915. С. 28.

⁶ Он же. Письмо к В. В. Розанову от 13–14. 8. 1891 г. // Он же. Избранные письма... С. 587.

личной веры, утверждением которой он обязан афонскому духовенству. Знакомясь со строгим, аскетическим православием, Леонтьев пришел к мысли, что то реальное разнообразие общественного развития, которое он находил столь прекрасным и полезным, не может долго держаться без формирующего, сдерживающего и ограничивающего мистического единства, то есть без преобладания в социальной жизни той или иной, выражаясь его словами, «положительной» религии, религии, предполагающей детально разработанную догматику, обрядность, крепкую церковную организацию. Вскоре после ослабления этого «стесняющего единства», постулировал Леонтьев, открываются процессы ассимиляции и смешения, совокупность которых он несколько позже начал именовать «всемирной революцией» и «эгалитарным прогрессом».

В приложении к России эта общая мысль означала то, что ее государственность без строжайшего охранения православной дисциплины разрушится, и даже, проницательно полагал Леонтьев, скорее, чем во многих других державах, а также то, что русскую культурную самобытность следует по-прежнему искать в древних, православных, «греко-русских» корнях, а не «гнаться за каким-то новым, никем не виданным чистым славизмом»¹. Дальнейшая разработка Леонтьевым данных идей означала отказ от тех остатков либерализма, которые сохранялись в его воззрениях на протяжении 60-х годов, и окончательное превращение его в «идейного консерватора», одного из самых оригинальных политических и социальных мыслителей России XIX столетия.

Ко времени последней в сознании К. Леонтьева «переоценки ценностей» особую остроту в восточной политике России приобрел так называемый греко-болгарский вопрос — проблема взаимоотношений между Константинопольской патриархией и болгарской национальной церковью². Для Леонтьева греко-болгарский спор также стал делом чрезвычайной важности, поскольку он непосредственно касался судеб православной церкви, ее будущности, а также будущности России и всего славянства. По словам С. Н. Дурылина, «частный вопрос текущей политики заставил Леонтьева задуматься над основами исторического процесса, поскольку он выявляется в судьбах греко-славянского мира во главе с Россией, а затем и во всем просторе всемирной истории»³. В эволюции его позиций по греко-

¹ Он же. Кто правее?... С. 668.

² Еще в 1870 г. по султанскому фирману был образован Болгарский экзархат, 11. 5. 1872 г. провозглашена независимость Болгарской церкви от Константинопольской патриархии, а 16. 9. 1872 г. созданный патриархом Константинопольский собор объявил ее схизматической. См. *Косик В. И.* Кремнев Г. Б. Греко-болгарский вопрос // Восток... С. 793–794; *Косик В. И.* Указ. соч. С. 39–44.

³ *Дурылин С. Н.* Примечания // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22–24. С. 472.

болгарскому вопросу четко прослеживается эволюция леонтьевского мировоззрения в целом; оно все больше и больше пропитывается духом аскетическо-монашеского православия. Размышления о греко-болгарском вопросе стимулировали разработку Леонтьевым его экстравагантной социо-историсофии, заставили обратиться к политической публицистике¹, способствовали окончательной ревизии его отношения и к славянству, и к славянофильству, и к панславизму, и к политическому национализму вообще, и к внешней, и к внутренней политике александровской России. Поэтому на проблеме изменения взглядов Леонтьева на греко-болгарский спор следует остановиться подробнее.

До своего «обращения», то есть до 1871 г., Леонтьев, как и подавляющее большинство образованных русских, в греко-болгарском конфликте был скорее на стороне болгар, чем греков, хотя, и об этом уже говорилось выше, в отличие от своих соотечественников очарован этим славянским народом не был, а весьма скептически отзывался о его лидерах и о болгарской интеллигенции в целом². Исполняя обязанности консула, он неоднократно оказывал поддержку болгарам³. Затем, когда Леонтьев перебрался на Афон, он, учась у афонских монахов основам православного послушания и проникаясь от них «истинным духом Церкви»⁴, перестал считать болгар абсолютно правыми в этом споре. Однако, как об этом можно судить по его более поздним высказываниям, в том числе — публицистическим, он все еще полагал, что истины больше на стороне болгар, и последние «несравненно правее» греков⁵. В своих работах на данное обстоятельство обращал внимание В. И. Косик⁶.

Между Леонтьевым и русским послом в Константинополе, графом Н. П. Игнатъевым, по поводу греко-болгарского дела возникли противоречия⁷. Последний был убежденным панславистом. Ему казалось, что историческая миссия России заключается в том, чтобы «собирать и сохранять для себя славян, не уступая никому добровольно пяди славянской земли»⁸, и в любом конфликте славянских и неславянских народов он неизменно выступал на стороне славян только потому, что это — сла-

¹ См. *Леонтьев К. Н. Моя исповедь // Восток... С. 706.* Также см. Он же. Воспоминание об архимандрите Макарии, игумене Русского монастыря св. Пантелеймона на Горе Афонской // *Восток... С. 582.*

² См. также *Хатунцев С. В. К. Н. Леонтьев о национализме... С. 129–130.*

³ *Леонтьев К. Н. Воспоминание об архимандрите... С. 582.*

⁴ Он же. *Моя исповедь // Восток... С. 706.*

⁵ Он же. *Панславизм и греки // Восток... С. 42.*

⁶ *Косик В. И. Указ. соч. С. 44; Косик В. И. К. Н. Леонтьев: болгарская тема — pro et contra // Славянский альманах 1997. М., 1998. С. 124–125.*

⁷ *Губастов К. А. Из личных воспоминаний... С. 209–210.*

⁸ *Записки графа Н. П. Игнатъева // Исторический вестник. 1914. № 1. С. 55.*

вяне. «Главною и неизменною целью игнатъевской политики, — писал русский дипломат Ю. С. Карцов, — было разрушение Турецкой империи и замена ее христианскими, предпочтительно славянскими народностями. Идеологическая окраска нашей политики отвечала после эмансипации охватившему Россию либеральному настроению и вместе с тем совпала с *politique des nationalites* [политикой национальностей — С. Х.] наполеоновской Франции»¹. Увлечение Игнатъева идеями панславизма отмечал и Д. А. Милютин², военный министр 1861–1881 гг.

В конце 1872 г. Леонтьев поселился в османской столице. Там его отношение к греко-болгарской распри изменилось еще сильнее. Это произошло, во-первых, потому, что в Константинополе Леонтьев близко узнал подоплеку данного конфликта, его «тайные пружины»³. Во-вторых, он получил относительную политическую «свободу рук», выйдя в отставку с должности консула и став с 1 января 1873 г. лицом неофициальным. Третий и, пожалуй, главный фактор, способствовавший быстрой эволюции позиций Леонтьева в греко-болгарском вопросе — регулярное общение его с ректором и профессорами Халкинской богословской академии, неподалеку от которой он жил. Халкинские богословы познакомили его с церковными канонами и администрацией, с состоянием Церквей на Востоке⁴, что заметно помогло переходу Леонтьева к строго-православным взглядам, ортодоксии, отстаиваемой священноначалием Константинопольской патриархии. Именно в Царьграде Леонтьев, «взволнованный и огорченный теми размерами, которые приняла греко-болгарская распра», впервые, по его словам, начал прозревать «вовсе не церковные и не богомольные цели... болгар»⁵.

В этом отношении мыслитель был прав. Болгары использовали церковную борьбу не для осуществления религиозной задачи, а для национальной эмансипации. Таким образом, существо вопроса было национально-политическим, и лишь по форме он являлся церковным⁶. Леонтьев «с ужасом понял тогда и глубокий индифферентизм болгар [по отношению к православию, к Вселенской церкви и ее судьбам — С. Х.], и полупростодушие, полумерзость наших русских надежд и затей, и удивительную твердость и смелость греческого духовенства»⁷. Его разногласия с Игнатъевым в 1872 г. усилились⁸. В чисто славянских сочувствиях русских официаль-

¹ *Карцов Ю. С. За кулисами дипломатии. Пг., 1915. С. 10.*

² См. *Никитин С. А. Указ. соч. С. 229.*

³ *Леонтьев К. Н. Дополнение к двум статьям о панславизме // Восток... С. 81.*

⁴ Он же. *Моя исповедь. С. 706.*

⁵ Он же. *Воспоминание об архимандрите... С. 582.*

⁶ См. *Никитин С. А. Указ. соч. С. 184.*

⁷ *Леонтьев К. Н. Кто правее?... С. 668.*

⁸ *Губастов К. А. Из личных воспоминаний... С. 215.*

ных лиц и русской общественности, в первую очередь славянофильской, Леонтьев почувствовал давно уже ненавистный ему самому «всесмесьный, радикальный европеизм». Как человек, привыкший и к политической практике, и к пониманию общегосударственных вопросов, он стал находить опасным «сдвигать нашу вековую политику с привычного, векового пути греко-русского единения», как русский гражданин-патриот возмущался тем, что «мощные представители Императорской России, графы и князья наши [Н. П. Игнатьев и А. М. Горчаков — С. Х.], тянутся боязливо — по следам каких-то славянских халуев-демагогов». В отложении болгар от Вселенской Царьградской церкви он увидел «весьма резкие признаки начинающегося у нас на Православном Востоке вторичного смесительного разложения»¹. При этом болгары, по его мнению, «не только отложились своевольно от патриарха (т. е. вопреки его запрещению), чего не сделали в свое время ни Россия, ни Сербия, ни Румыния, но и преднамеренно искали раскола, преднамеренно всячески затрудняли мирный исход, чтобы произвести больше политических захватов»². Он пришел к мысли, что «просто великий грех нарушать так сознательно, лукаво и преднамеренно уставы Церкви, как нарушали их болгарские либеральные вожди по соглашению с турками, обманывая и свой простой народ, и нашу дурацкую интеллигенцию»³.

Споры с болгарскими и греками убедили его в том, что первые канонически абсолютно не правы, и Леонтьев решил, что Россия «слишком открыто потворствует их необузданности и коварству»⁴. Следует уточнить, что в данном вопросе он был сторонником не греков как таковых — это, по его же словам, было бы слишком глупо — а «Патриарха Вселенского и вообще духовенства Восточного», и защищал их Леонтьев от «либерального посягательства болгарских демагогов, захвативших... церковные дела в свои хамовато-европейские руки»⁵.

Однако и самим грекам, представлявшим Константинопольскую Патриархию, Леонтьев даже в 1873–1874 гг. еще не вполне верил и несколько колебался в своих оценках. Только знакомство со статьями по церковному вопросу Т. И. Филиппова⁶ и высказываниями митрополита Московского Филарета окончательно закрепило его убежденность в большей, чем у болгар, правоте царьградского духовенства⁷.

¹ Леонтьев К. Н. Кто правее?... С. 669.

² Он же. Дополнение к двум статьям... С. 81.

³ Из воспоминаний К. Н. Леонтьева // Лица. Биографический Альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 6. С. 460.

⁴ Леонтьев К. Н. Моя исповедь. С. 706.

⁵ Из воспоминаний... С. 459.

⁶ См. Филиппов Т. И. Современные церковные вопросы. СПб., 1882.

⁷ Леонтьев К. Н. Письмо к Т. И. Филиппову от 16. 2. 1887 г. // РГАЛИ. ф. С. Н. Дурьлина. Машинописная копия.

В этот же период, и довольно скоро, по всей вероятности — под впечатлением антипатии, которую внушили ему руководители болгарского раскола в Восточной церкви, Леонтьев окончательно отошел от веры в славянство, разочаровавшись в возможности зарубежных славян — как южных, так и, тем более, западных, создать какую-либо оригинальную, не повторяющую европейских «задов» культуру¹, а ведь именно это более всего притягивало его к славянству. «В славянофильстве не столько сами славяне важны, сколько то, что в них есть особенного славянского, отделяющего нас от Запада... славянофил истинный не славян во что бы то ни стало и во всех формах должен любить, а именно это особое культурно-славянское... Дело в своей культуре, а вовсе не в славянах»², — писал он вскоре после окончания этого периода.

Непосредственно наблюдая, особенно на примере греко-болгарской распри, действие на Востоке политического национализма, Леонтьев начал переоценивать и его³. Наконец, по возвращении в Россию весной 1874 г. он потерял последние иллюзии и относительно отечественных либеральных реформ⁴. В 1863 г. Леонтьев уезжал из страны, в облике которой, исключая ее столицы — Петербург и, отчасти, Москву, более заметными являлись черты не буржуазно-европейские, а патриархально-русские. Россия середины 70-х существенно отличалась от России начала и даже конца 60-х гг., времени последнего посещения ее К. Леонтьевым. К середине 70-х годов XIX столетия переход к капитализму в основном завершился, буржуазные отношения утвердились окончательно и стали играть определяющую роль в развитии общества⁵. Таким образом, под парусом эмансипационных реформ держава Романовых уверенно двигалась по столь ненавистному Леонтьеву западному, капиталистическому пути. Об этом говорило бурное развитие фабрично-заводской промышленности, стремительный рост железнодорожной сети⁶, далеко зашедший процесс разорения «помещичьих гнезд», знаменовавший собой «дворянское оскудение»⁷, которое коснулось и его самого: запустело родовое имение Леонтьевых, Кудиново, куда он приехал в начале июня 1874 г.⁸

¹ Он же. Дополнение к двум статьям... С. 81.

² Он же. Моя литературная судьба // Лит. наследство. М., 1935. Т. 22–24. С. 445.

³ См. Он же. Кто правее?... С. 624–625.

⁴ Он же. Грамотность и народность. С. 366; Он же. Национальная политика... Приложение I. С. 735.

⁵ См. Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни... С. 25, 225.

⁶ Только между 1865 и 1875 годами было построено более 12 тыс. верст железных дорог (Корнилов А. А. Указ. соч. С. 287).

⁷ См. Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 459–461.

⁸ Коноплянец А. М. Указ. соч. С. 94.

Это место, некогда цветущее и «сытое», менее чем за полтора десятилетия после крестьянской реформы пришло в упадок, что произвело на него чрезвычайно тягостное впечатление. «Дома теперь нет... В одичалом саду вьют гнезда скучные и шумные грачи; в аллеях трава по колено; и на узорных когда-то дорожках племянница¹ тоже давно косит траву, и мы даже рады этому лишнему клоку сена для тех 3–4-х коров, которыми теперь богата наша дворянская нищета»², — писал К. Леонтьев.

В этот же период, а не в начале 60-х, как утверждала Н.В. Дамье и о чем уже говорилось выше, разочаровался он и в русском народе. Предоставим слово самому мыслителю-публицисту. «Россия и Москва после долгого отсутствия... бросились мне в глаза прежде всего теми своими сторонами, которые для меня так тошны и гнусны; зазнавшимися мужиками, которые от прежнего характера своего сохранили только лукавство и пьянство, но утратили ту черту смирения и покорности, которая их так красила и смягчала; разоренными и опустелыми усадьбами, теми усадьбами, из которых вышли Пушкин, Жуковский, Лермонтов и Фет, в которых и прасол Кольцов находил себе оценку и приязнь; железными этими путями, от которых все только дорожает до нетерпимости и на которых видишь перед собой все какие-то самодовольные плоские фигуры..., адвокатами, новыми судьями-демагогами... и дерзкими коридорными лакеями, которые... удивлялись и смеялись тому, что я ем постное по средам и пятницам; уже до того и они просветились за это десятилетие благодетельного прогресса!»³. Слова Леонтьева подтверждают положения, выдвинутые нами выше. Следует отметить, что в данном случае позиция мыслителя — позиция русского дворянина, катастрофически теряющего точку социальной опоры, но остающегося верным характеру и представлениям взрастившего его класса.

Все изменения, происшедшие в стране, он вполне логично связал с преобразованиями Александра II и понял, что реформы ведут Россию не к национально-культурной самобытности, а к вестернизации. Ко времени завершения работы над опубликованным в 1875 году вариантом эссе «Византизм и славянство» (осень — зима 1874 г.) переход Леонтьева на обновленные идейно-мировоззренческие позиции полностью завершился, и мысль его углубилась в их литературно-теоретическую разработку.

На основании сказанного в данной главе можно придти к следующим оценкам и выводам. Период сближения Леонтьева со славянофилами был относительно кратковременным. Тесно соприкоснувшись с жизнью

¹ Мария Владимировна Леонтьева, дочь старшего брата К. Н. Леонтьева.

² Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба. С. 460.

³ Там же. С. 466.

христиан на Востоке, он стал переоценивать разделявшиеся им положения славянофильской доктрины о зарубежных славянах. Прежде всего Леонтьев начал — но только начал — разочаровываться в славянских народах, в их способности вырабатывать и даже сохранять уже имевшиеся у них элементы самобытной национальной культуры. Под самобытностью он понимал совокупность культурно-бытовых отличий того или иного народа от народов буржуазной Европы.

Во время пребывания на Балканах Леонтьев стал придавать большое значение Восточному и национальному вопросам, стремился к укреплению позиций России в Юго-Восточной Европе. Для этого он желал политического союза с освобожденной Грецией, предлагал усилить воздействие на христианские народы Балкан русской культуры. Леонтьев считал, что Османская империя должна уйти из Европы, но при этом глубоко симпатизировал как туркам, так и прочим азиатским народам, сохранявшим яркие одежды своих национальных культур.

Национальный вопрос стал для него вопросом не столько политическим, сколько культурным и историософским. Леонтьев рассматривал его как проблему создания и развития славянских, и в первую очередь русской, самобытных национальных культур.

В тесной связи с Восточным и национальным вопросами воспринималась им проблема «Россия — Запад». Он считал, что Европа, становящаяся все более буржуазной, обезличивается, приходит к «ужасающему однообразию», означающему разложение ее высокой культуры. Однако Леонтьев вполне объективно оценивал ее политическую и материальную мощь, поэтому говорил не о «гниении», а об «окаменении» Запада.

Историческое призвание своего Отечества он видел в противопоставлении буржуазной прозе и бесцветности новейшей Европы поэзии преобразованной жизни России, которая должна наполниться разнообразием и богатством.

Из его представлений, с одной стороны, о политическом и вещественном могуществе Запада, с другой — о том, что Россия должна стать «всемирным локомотивом», вполне закономерно вытекала идея о неизбежности ее конфронтации с Европой, мысль, что России придется неоднократно воевать с объединенными силами Запада.

Перейдя на консервативные позиции, Леонтьев продолжал верить в историческую «молодость», здоровые силы и творческие возможности русского народа, хотя он не идеализировал его моральные качества, в отличие от славянофилов и большинства почвенников. Однако вслед и за славянофилами, и за почвенниками, он полагал, что податные сословия сохранили больше исконных национальных черт, чем представители правящих слоев общества. Двигаясь в русле славянофильских идей и более чем на полстолетия предвосхищая одно из главных положений

концепции «евразийства», Леонтьев говорил о том, что высшие классы России должны воспринять самобытные социокультурные формы, хранимые простонародьем, и способствовать дальнейшему развитию этих форм, доведя их до высшей степени блеска, глубины и оригинальности. Уже в рассматриваемый период создание самобытной национальной культуры (а также сохранение культурного многообразия мира) становится для него, как в 20-е — 30-е годы XX века для «евразийцев», задачей номер один¹. Однако если Леонтьевым создание самобытной культуры в 60-е годы XIX столетия мыслилось как органическая переработка воспринятых Россией европейских начал, «идей», в сугубо русские национальные формы, то «евразийцы» считали, что самобытная культура должна строиться не на европейской, а на «туземной», русско-евразийской основе.

В рассматриваемый период сохранялось позитивное отношение Леонтьева к реформам Александра II. Он понимал, что в принципе эти реформы направлены на европеизацию страны, но был уверен в том, что на практике они не приближают Россию к Западу, а дают диаметрально противоположный эффект. Из всех преобразований наиболее высоко Леонтьев оценивал крестьянскую реформу. Он считал, что освобождение крестьян было проведено своевременно и «мудро», поскольку сохранился чрезвычайно ценный в его глазах общественный институт — поземельная община, препятствующая пролетаризации крестьянства и развитию в стране буржуазных отношений, которые Леонтьев ничуть не приветствовал.

В 1869–1874 годах во взглядах К. Н. Леонтьева произошли весьма существенные изменения. Еще на рубеже 60-х — 70-х годов он начал разочаровываться в отечественных либеральных реформах, у него появились первые опасения, что Россия не породит новой мировой культуры, а растворится в царстве безличных масс, охваченная буржуазной нивелировкой. Усилились идейные расхождения Леонтьева со славянофилами. В то же время большое впечатление произвел на него трактат неославянофила Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», со многими положениями которого он солидаризировался. В 1870 году, еще до начала франко-прусской войны, у Леонтьева сложилась гипотеза, обосновывавшая неизбежность победы национально-объединительных и национально-освободительных движений в Европе. Он считал, что появление объединенной Германии поможет России быстрее решить Восточный вопрос. Созрела у него и мысль о необходимости перенесения культурной столицы России из Петербурга в Константинополь. Обращение Леонтьева в глубинное, «личное» православие в 1871 году способствовало дальнейшей эволюции его общественно-политических взглядов в направлении фундаментального, строгого

консерватизма. Он избавлялся от остатков либеральных воззрений, разрывал последние нити, связывавшие его с либерально-демократическим лагерем. Проявляя активный интерес к греко-болгарской расправе, Леонтьев обратился к политической публицистике, окончательно и бесповоротно разочаровался в зарубежных славянах, пересмотрел свое отношение к политическому национализму. По возвращении на родину в 1874 году он потерял последние надежды на отечественные реформы и веру в здоровые силы и историческую «молодость» русского народа, размежевался с пореформенными славянофилами.

Так к рубежу 1874–1875 годов завершилось превращение Леонтьева в «идейного консерватора»: до конца последовательного противника всякого эгалитаризма, защитника монашеского, аскетического православия, неограниченной монархии и дворянства, противопоставившего яркую, аристократическую личность эпохи «цветущей сложности» продукту нивелировки — «среднему человеку» эпохи «вторичного упрощения».

¹ См. *Исаев И.А.* Указ. соч. С. 213. Ср. Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Он же. История... С. 329–331.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение общественно-политических взглядов К. Н. Леонтьева 50-х — начала 70-х годов XIX столетия позволяет прийти к следующим оценкам и выводам.

Несмотря на достаточно серьезные изменения его воззрений в начале 50-х, в первой трети 60-х и на рубеже 60-х — 70-х годов XIX века, абсолютизировать их характер и говорить о разрыве идейной связи, о том, что каждый новый этап своей интеллектуальной эволюции он начинал «с нуля», возможным не представляется.

На протяжении всей жизни у К. Леонтьева сохранялось выработанное им в детские и юношеские годы эстетическое мирозерцание, служившее основой преемственности его взглядов от предыдущего этапа их развития к последующему. Так, благодаря ему Леонтьев, воспитанный в духе уважения к христианству и православию, в начале 50-х удержался от явного атеизма, на следующем этапе своей идейной эволюции, в 60-е годы, стал открыто симпатизировать православной церкви, а после духовного переворота 1871 года стал человеком глубоко воцерковленным.

То же самое можно сказать и о политических его взглядах. Привитый ему в детстве пиетет по отношению к самодержавию и семье Романовых в 50-е годы сменил «эстетический» республиканизм, отмеченный, однако, явными монархическими чертами, в 60-е Леонтьев, опять-таки из эстетических соображений, склонился к монархизму, причем не к конституционной, а к абсолютистской его разновидности, а в 70-е стал автором оригинальной концепции самодержавия, которое вполне справедливо считал одним из столпов так называемого «византизма», являвшегося, по его мнению, формообразующим началом российского государственно-культурного организма¹.

Общий вывод о сохранении преемственности воззрений мыслителя действителен и по отношению к целому ряду других чрезвычайно важных моментов.

¹ Андронов Ю. В., Мясин А. Г., Шириняц А. А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К. Н. Леонтьев. М., 2000. С. 29.

От 50-х годов у Леонтьева «классического» периода (второй трети 70-х — начала 90-х гг.) сохранились: естественнонаучный по своей сути подход к различным явлениям жизни, который он перенес на социально-политическую сферу, отвращение к бесцветности, буржуазному плебейству, ненависть к посредственности в искусстве, корректное отношение к общественно-политическим порядкам Великобритании, а также любовь и уважение к «старой», средневековой Европе. Последнее было характерно для западников 40-х — начала 50-х гг. и их лидера, выдающегося медиевиста Т. Н. Грановского, с которыми Леонтьев общался, учась в Московском университете. Демократические симпатии, свойственные мыслителю в этот период, с годами трансформировались в патриархально-покровительственное отношение его к зависимым от него людям.

От 60-х годов «поздний» Леонтьев унаследовал неприязнь к буржуазии как таковой и к ее антиподу — пролетариату, к буржуазному общественному строю, к рационалистической культуре и науке современной ему Европы, и, в целом, ко всей цивилизации новейшего Запада. Особую неприязнь вызвала у мыслителя Франция, страна, которую он считал квинтэссенцией всей современной Европы. Именно в этот период у него созрела убежденность в том, что Запад неодолимо, фундаментально враждебен России, что в будущем конфликты его с Россией, в том числе — конфликты военные, неизбежны. Тогда же он стал противником парламентской демократии и защитником самодержавия, Церкви, аристократии и дворянства, проникся ненавистью к эгалитаризму, всеобщей нивелировке и уравниванию, превратился в сторонника самобытности России, усиления ее культурно-бытовых отличий от Европы и создания особой русско-славянской цивилизации.

В этот же период Леонтьев сформулировал кредо своего эстетизма («красота есть единство в разнообразии»), стал высоко ценить русскую крестьянскую общину, проникся культом социального неравенства и борьбы, а также выдающихся личностей — «аристократов духа».

Тогда же он начал придавать большое значение Восточному, славянскому и, в целом, национальному вопросам, сформировал свои представления об азиатских народах и османском иге, о высшем слое балканских христиан и о польской шляхте. В том же десятилетии зародилась леонтьевская «гипотеза триединого процесса».

Некоторые существенные представления мыслителя о русской истории также появились в 60-е годы, например, идея о том, что Петр Великий усилил сословное неравенство и внес в жизнь страны сложность и разнообразие, свойственные высшим формам цивилизации. В 70-е годы и позже именно с эпохи Петра отсчитывал Леонтьев начало периода «цветущей сложности» в России¹.

¹ См.: Хатунцев С. В. Отечественная история в системе общественно-политических взглядов К. Н. Леонтьева // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 157, 158; Он же. Отечественная история в оценках К. Н. Леонтьева // Воронежский

Таким образом, воззрения 50-х — 60-х годов не были мыслителем отброшены и забыты, а составили костяк, основу его общественно-политических взглядов «классического» периода.

В существующей историографии установилось мнение, что Леонтьев очень быстро разочаровался в реформах Александра II, а в 1862–1864 гг. — не позднее Польского восстания 1863–1864 годов, произошел полный и окончательный разрыв К. Леонтьева с либерально-демократическими идеями, следствием чего явился его переход к крайнему консерватизму и даже реакционности¹. Детальное изучение общественно-политических взглядов Леонтьева 60-х годов XIX столетия показывает, что это не так. На протяжении данного периода многие либерально-демократические идеи и представления в его интеллектуальном багаже сохранялись, лишь приняли иную, более специфическую окраску. Если до начала 60-х либерально-демократический компонент воззрений Леонтьева был западническим, «общевропейским» по своему генезису и характеру, то с 1862–1863 годов он приобрел черты славянофильской утопии со свойственным славянофильству, по выражению Н.И. Цимбаева, «либерализмом «особого рода»»². Славянофильство в целом, несмотря на присущие данному учению черты консервативной идеологии, этот авторитетный историк

государственный университет. Труды молодых ученых. Воронеж, 2001. Вып. 1. С. 239, 241.

¹ См. *Агеев К.М.* Христианство и его отношение к благоустройению земной жизни: Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К.Н. Леонтьевым понимания христианства. Киев, 1909. С. 55; *Коноплянцев А.М.* Жизнь К.Н. Леонтьева в связи с развитием его мирозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. СПб., 1911. С. 54; *Бердяев Н.А.* Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2. СПб., 1995. С. 47; *Салмин А.М.* Политическая историософия Константина Леонтьева // Русская политическая мысль второй половины XIX в. М., 1989. С. 97; *Корольков А.А.* Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991. С. 10; *Дамье Н.В.* К.Н. Леонтьев и классическое славянофильство // Кентавр. 1994. № 1. С. 34; *Пушкин С.Н.* Очерки русской историософии. СПб., 1996. С. 59; *Мячин А.Г.* Социально-политические взгляды К.Н. Леонтьева: Дис. ... канд. полит. наук. М., 1998. С. 15; *Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А.* Указ. соч. С. 8; *Долгов К.М., Торкунов А.В.* Генезис дипломата // *Леонтьев К.Н.* Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты (1865–1872). М., 2003. С. 16. Согласно Н.А. Рабкиной, выдвигающей точку зрения, соответствующую точке зрения В.С. Соловьева, с откровенно реакционных позиций Леонтьев выступал с конца 60-х годов (См.: *Соловьев В.С.* Памяти К.Н. Леонтьева // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. СПб., 1995. С. 25; *Рабкина Н.А.* Литературные уроки (Тургенев и Леонтьев — история взаимоотношений) // Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 129).

² *Цимбаев Н.И.* Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 1986. С. 232.

справедливо считает «своеобразной разновидностью раннего русского либерализма»¹.

Сохранял Леонтьев в 60-е годы и надежды на реформы, проводимые российским самодержавием. В это время он, несомненно, уже придерживался консервативных взглядов, но его общественно-политическая позиция в данный период типологически была ближе скорее к либеральному консерватизму, кредо которого Б.Н. Чичерин формулировал как «либеральные меры и сильная власть»², чем к реакции, хотя конкретное содержание тогдашних воззрений Леонтьева было, конечно же, весьма далеко от содержания общественно-политических взглядов таких либеральных консерваторов, как тот же Чичерин. Позиции Леонтьева уже тогда находились гораздо правее позиций Чичерина, но процесс изживания остатков либеральных воззрений завершился у него только в 1874 году. Лишь с этого времени он становится тем консерватором (если не реакционером), чьи идеи, но не идейную эволюцию, изучает множество современных исследователей, философов (но не историков) *par excellence*.

Таким образом, детальное исследование общественно-политических взглядов К.Н. Леонтьева 50-х — начала 70-х гг. XIX века позволяет внести существенные уточнения в представления об их эволюции, бытующие в имеющейся ныне историографии. В развитии общественно-политических взглядов этого русского мыслителя выделяется всего два этапа — либеральный (50-е гг.) и консервативный (с начала 60-х гг. и до конца жизни К.Н. Леонтьева)³. Специфика воззрений мыслителя 60-х — первой половины 70-х гг. XIX столетия никем из исследователей не выделялась и не анализировалась. Между тем, выясняется, что они представляют собой особый, так сказать, «переходный», этап между представлениями Леонтьева периода его увлечения либерализмом и его же взглядами той поры, когда он стал твердым, «идейным» консерватором. Этот этап мы предлагаем назвать этапом «либерального консерватизма» мыслителя. По нашему мнению, такое название не только вполне адекватно выражает сущность данного периода, но и как нельзя лучше подчеркивает именно

¹ Он же. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 256.

² Следует напомнить, что лозунг «либеральные меры и сильная власть», согласно Чичерину, представлял собой кредо не только либерального консерватизма, но и охранительного либерализма. Отличие состояло в том, что охранительный либерализм делал упор на первой части этой формулы, а либеральный консерватизм — на второй (См. *Искра Л.М.* Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве и истории. Воронеж., 1995. С. 25; Также см. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. М., 1929. С. 24).

³ См., напр. *Шестаков Н.А.* Указ. соч. С. 57–62.

его «переходный» характер. Основываясь на представлениях о «переходности» воззрений Леонтьева 60-х — первой половины 70-х гг., можно говорить и о том, что его идейная эволюция протекала гораздо более логично и плавно, чем считают исследователи его творчества.

Следует отметить и «вписанность» Леонтьева 50-х — начала 70-х годов в традиции и в тенденции развития русской общественно-политической мысли. Он не был для нее каким-то чужеродным явлением, возникшим неизвестно как и неизвестно откуда. Анализ выявляет множество параллелей, пересечений и прямых совпадений взглядов Леонтьева с воззрениями А. И. Герцена, В. Ф. Одоевского, «классических» славянофилов (И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, К. С. и И. С. Аксаковых) и неославянофила Н. Я. Данилевского, почвенников (прежде всего А. А. Григорьева, а также Н. Н. Страхова и Ф. М. Достоевского); остается осязаемым и влияние на Леонтьева западных идей. Иногда он откровенно заимствовал те или иные представления и понятия, характерные для этих крупнейших русских мыслителей и общественно-политических течений, однако, как правило, вкладывал в них свой собственный смысл. Такого рода «подмена смыслов», при сохранении исходных заимствованных понятий и терминологии, стала весьма характерной для «позднего» Леонтьева, Леонтьева второй трети 70-х — начала 90-х годов XIX в.

Именно «отечественный» интеллектуальный контекст определял лицо и специфику взглядов К. Н. Леонтьева в рассматривавшийся нами период. Поэтому прежде всего он был мыслителем русским, хотя целое десятилетие прожил вне России.

Уже в 50-е — 60-е годы XIX столетия его общественно-политические воззрения были отмечены чертами оригинальности и своеобразия, которые в полной мере Леонтьев развил позднее, в 70-е — 90-е, став одним из крупнейших и самобытнейших деятелей на поприще отечественной мысли и публицистики.

Список источников и исследовательской литературы

Источники

1. Произведения К.Н. Леонтьева.

Анализ, стиль и веяние // Вопросы литературы. 1988. № 12. С. 201–247.
Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М.: Республика, 1996. 799 с.

Где разыскать мои сочинения после моей смерти? // Русское обозрение. 1894. Кн. 8. С. 813–817.

Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты: 1865–1872. М.: «РОССПЭН», 2003. 528 с.

Египетский голубь: Романы, повести, воспоминания. М.: «Современник», 1991. 528 с.

Записка о необходимости литературного влияния во Фракии // Русия и българското национално-освободително движение: 1856/1876. Документи и материали. Т. II. София, 1990. С. 208–216.

Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992. 544 с.

Знакомство с Лессепсом // *Леонтьев К. Н.* Цветущая сложность. М., 1992. С. 177–181.

Избранные письма: 1854–1891 гг. СПб., 1993. 640 с.

Из воспоминаний К. Н. Леонтьева // Лица. Биографический Альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 6. С. 456–468.

Из студенческих воспоминаний К. Леонтьева // Русский архив. 1880. Кн. I. № 1–2–3. С. 491–498.

Лето на хуторе // Отечественные записки. 1855. № 5. С. 3–70.

Майноские староверы // Санкт-Петербургские ведомости. 1884. 25 сент.

Мои воспоминания о Фракии // Русский вестник 1879. № 3. С. 256–289.

Моя литературная судьба // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22–24. С. 433–470.

Наше общество и наша изящная литература // *Голос*. 1863. 14, 15, 20 марта.

Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве // *Аполлон Григорьев. Воспоминания: Воспоминания Аполлона Григорьева и воспоминания о нем*. М.; Л.: Изд-во «АСАДЕМІА», 1930. С. 528–556.

Несколько слов о трех евангельских характерах // *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. СПб., 2000. С. 601–605.

Письмо к А. А. Александрову от 15. 1. 1888 г. // *Александров. А. А.* I. Памяти К. Н. Леонтьева. II. Письма К. Н. Леонтьева к Анатолию Александрову. Сергиев Посад, 1915. С. 28–30.

Письма к Ф. Р. Остен-Сакену // *Российский архив*. М. 1999. Вып. 9. С. 210–212.

Письмо к В. В. Розанову от 24. 5. 1891 // *Русский вестник* 1903. № 5. С. 155–161.

Письмо к В. В. Розанову от 30. 7. 1891 // *Русский вестник*. 1903. № 6. С. 411–414.

Письмо к В. В. Розанову от 13–14. 8. 1891 г. // *Русский вестник*. 1903. № 6. С. 415–427.

Рассказ моей матери об императрице Марии Феодоровне // *Русский вестник*. 1891. № 4. С. 77–104.

Русские, греки и югославы // *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство. М., 1885. Т. 1. С. 193–233.

(Подп. Ив. Руссопетов). С Дуная I // *Одесский вестник*. 1867. 14 сент. № 201.

(Подп. Ив. Руссопетов). С Дуная II // *Одесск. вестн.* 1867. 16 сент. № 202.

(Подп. Иван Руссопетов). С Дуная // *Одесск. вестн.* 1867. 5 дек. № 268.

(Подп. Ив. Руссопетов). С Дуная // *Одесск. вестн.* 1868. 6 февр. № 27.

Собр. соч.: В 9 т. М.; СПб., 1912–1913.

Сутки в ауле Биюк-Дортэ // *Отечественные записки*. 1858. № 7. С. 221–252.

Тургенев в Москве (Из воспоминаний К. Н. Леонтьева) // *Русский вестник*. 1888. № 2. С. 97–129; *Русский вестник*. 1888. № 3. С. 266–283.

Хризо // *Русский вестник*. 1868. № 7. С. 24–80.

2. Архивные материалы К. Н. Леонтьева.

Моя исповедь / (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 7–9).

Письма к А. А. Краевскому / (ОР РНБ. Ф. 391. Краевский А. А. № 482).

Письма к Н. Н. Страхову / (ОР РНБ. Ф. 747. Страхов Н. Н. № 17).

Письма к Т. И. Филиппову / (РГАЛИ. Ф. С. Н. Дурылина. Машинописная копия).

3. Другие источники.

Аксаков И. С. По поводу Положения о губернских и уездных земских учреждениях // *День*. 1864. 18 янв. С. 1–3.

Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: Московский университет. М.: Изд-во М. И. Сабашникова, 1929. 293 с.

Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1965.

Герцен А. И. Собр. соч.: В 8 т. М., 1975.

Аполлон Григорьев. Воспоминания: Воспоминания Аполлона Григорьева и воспоминания о нем. М.; Л.: Изд-во «АСАДЕМІА», 1930. 700 с.

Губастов К. А. Из личных воспоминаний о К. Н. Леонтьеве // *Памяти Константина Николаевича Леонтьева*. + 1891. Лит. сборник. СПб., 1911. С. 187–234.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. 6-е изд. СПб.: Изд-во С. Петербургского ун-та; Изд-во «Глаголь», 1995. 552 с.

Достоевский Ф. М. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год // *Россия и Запад в отечественной публицистике XIX века: Хрестоматия* / Сост. Н. С. Смолкина. Т. 2. М., 1995. С. 30–32.

Записки А. И. Кошелева (1812–1883 годы): С семью приложениями. Берлин: В. Veht's Verlag (E. Vock), 1884. 516 с.

Записки графа Н. П. Игнатьева // *Исторический вестник* 1914. № 1. С. 49–75.

Карцов Ю. С. За кулисами дипломатии. Пг., 1915. 69 с.

Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1861.

Корсаков Д. А. К. Д. Кавелин. Материалы для биографии, из семейной переписки и воспоминаний. VI. Первые годы моего знакомства с Кавелиным, 1861–1864 // *Вестн. Европы*. 1886. № 10. С. 731–758.

Кошелев А. И. Письмо к А. Н. Попову от 29. 8. (10. 9.) 1849 г. // *Русский архив*. 1886. № 1. С. 352–353.

Лонгинов М. Н. Письмо к И. И. Панаеву от 2. 6. 1857 // *Панаев И. И.* Литературные воспоминания, с приложением писем. 3-е изд. СПб., 1888. С. 415–417.

Милль Дж. Ст. О свободе. 2-е изд. СПб.: Изд. В. И. Губинского, 1906. 236 с.

Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. 317 с.

Поселянин Е. К. Н. Леонтьев в Оптиной пустыни // *Памяти Константина Николаевича Леонтьева*. С. 383–401.

Страхов Н. Н. Жизнь и труды Н. Я. Данилевского // *Данилевский Н. Я. Указ. соч.* С. XXI–XXXIV.

Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Издат. группа «Прогресс», 1995. 800 с.

Фудель И. К. Леонтьев и В. Соловьев в их взаимных отношениях // Русская мысль. 1917. Кн. XI–XII. С. 17–32.

Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: В 7 т. 3-е изд. М., 1900.

Исследовательская литература.

Авдеева Л. Р. Проблема «Россия и Европа» в воззрениях Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия. 7, Философия: Науч. журн; 1982. № 3. С. 74–86.

Она же. Религиозно-консервативная социология К. Н. Леонтьева: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1983. 180 с.

Аггеев К. М. Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни: Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства. Киев, 1909. 342 с.

Адрианов Б. Иерархия — вечный закон человеческой жизни (стержневой, господствующий принцип К. Н. Леонтьева) // К. Леонтьев, наш современник. СПб., 1993. С. 422–441.

Он же. Место и значение К. Н. Леонтьева в русской философии // Там же. С. 4–9.

Андронов Ю. В., Мячин А. Г., Ширинянец А. А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К. Н. Леонтьев. М.: Книжный дом «Университет», 2000. 228 с.

Александров А. А. Константин Николаевич Леонтьев // Русский вестник. 1892. № 4. С. 250–284.

Ашин Г. К. Современные теории элиты: критический очерк. М.: Международные отношения, 1985. 256 с.

Бажов С. И. Философия истории Н. Я. Данилевского. М., 1997. 215 с.

Бестужев-Рюмин Н. К. Теория культурно-исторических типов // Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. 6-е изд. СПб., 1995. С. 432–462.

Бердяев Н. А. К. Леонтьев — философ реакционной романтики // К. Н. Леонтьев: pro et contra: Антология: В 2 кн. Кн. 1. СПб., 1995. С. 208–234.

Он же. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2. СПб., 1995. С. 29–179.

Богучарский В. Я. Из прошлого русского общества. СПб.: Книгоиздательство М. В. Пирожкова, 1904. 418 с.

Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 1997. 480 с.

Веселовский А. Н. Западное влияние в новой русской литературе // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков / Составитель Н. Г. Федоровский. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. С. 315–323.

Волков В. К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 25–69.

Володихин Д. М. «Высокомерный странник». Философия и жизнь Константина Леонтьева. М.: ЗАО «Мануфактура», 2000. 192 с.

Воровский В. В. Литературно-критические статьи. М.: Гослитиздат, 1956. 480 с.

Восточный вопрос во внешней политике России: Конец XVIII — начало XX веков / Отв. ред. Н. С. Киняпина. М.: Наука, 1978. 434 с.

Вяземская Е. К., Данченко С. И. Русско-греческие отношения (последняя четверть XVIII — начало XX в.) в трудах советских историков // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX вв.) / Институт славяноведения и балканистики АН СССР. 1989. Балканские исследования. Вып. 11. С. 226–241.

Габидулина Н. Либерализм в России (историко-философский анализ) // Вестник высшей школы. 1992. № 7–9. С. 71–76.

Гагарин А. С. Кризис европоцентризма и судьба России (культурологические воззрения К. Н. Леонтьева и О. Шпенглера) // Культуры в диалоге: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1992. С. 14–37.

Гайдадым Э. Л. Феникс или забытая статуя Галатеи? Философия истории русского неортодоксального теизма XIX — начала XX века. Донецк: Облполиграфиздат, 1990. 249 с.

Галактионов А. А. Органическая теория как методология социологической концепции Н. Я. Данилевского в книге «Россия и Европа» // Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. V–XX.

Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли // Вопросы философии. 1966. № 6. С. 120–130.

Он же. Русская философия IX–XIX веков. 2-е изд., исправл. и доп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 743 с.

Гармиза В. В. Подготовка земской реформы 1864 года. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1957. 204 с.

Гоголев Р. А. Философия истории К. Н. Леонтьева: Дис. ... канд. филос. наук. Ниж. Новгород, 2001. 156 с.

Гоголевский А. В. Очерки истории русского либерализма XIX — начала XX века. СПб.: Изд-во С. Петербургского ун — та, 1996. 153 с.

Григорьева Т. С. Концепция культурного идеала К. Н. Леонтьева: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1993. 148 с.

Грифцов Б. А. Судьба К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. СПб., 1995. С. 294–358.

Дамье Н. В. Философия истории К. Н. Леонтьева: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1993. 172 с.

Она же. К. Н. Леонтьев и классическое славянофильство // Кентавр. 1994. № 1. С. 32–48.

Державин Н. С. История Болгарии. Т. III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 128 с.

Долгов К. М. Восхождение на Афон: Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М.: Раритет, 1997. 400 с.

Долгов К. М., Торкунов А. В. Генезис дипломата // Леонтьев К. Н. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты: 1865–1872. М.: «РОССПЭН», 2003. С. 7–60.

Дробжева Т. М. Проблема социкультурного идеала в социально-философских воззрениях К. Н. Леонтьева: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1995. 186 с.

Дружинин Н. М. Москва в годы Крымской войны // Вестн. Акад. наук СССР. 1947. № 6. С. 49–63.

Дудзинская Е. А. Славянофилы в пореформенной России. М., 1994. 277 с.

Дурылин С. Н. Примечания // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22–24. С. 470–496.

Егоров Б. Ф. О национализме и панславизме славянофилов // Славянофильство и современность: Сб. ст. СПб., 1994. С. 23–32.

Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 1997. 368 с.

Он же. История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л., 1991. 279 с.

Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К. Буржуазная философия середины XIX — начала XX века. М.: Высшая школа, 1988. 520 с.

Иваск Ю. П. Константин Леонтьев (1831–1861). Жизнь и творчество // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2. С. 229–650.

Исаев И. А. Политико-правовая утопия в России: конец XIX — начало XX вв. М.: Наука, 1991. 266 с.

Искра Л. М. Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве и истории. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. 216 с.

История Югославии / Под ред. Ю. В. Бромлея. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. I. 736 с.

Камнев В. М. Россия как культурно-исторический тип и феномен (К. Леонтьев) // Христианство и русская литература. СПб. 1999. Сб. 3. С. 367–382.

Кинросс Лорд. Расцвет и упадок Османской империи. М.: КРОН — ПРЕСС, 1999. 695 с.

Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX века. М.: Высшая школа, 1974. 280 с.

Китаев В. А. От фронды к охранительству: Из истории русской либеральной мысли 50–60 годов XIX века. М.: Мысль, 1972. 288 с.

Ковешникова Н. А. Идеи К. Леонтьева в культуре Серебряного века: Дис. ... канд. культурологии. М., 2000. 219 с.

Кожин В. В. Пророк в своем отечестве (Ф. И. Тютчев и история России XIX века). М., 2001. 416 с.

Коноплянец А. М. Жизнь К. Н. Леонтьева в связи с развитием его мирозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. СПб., 1911. С. 1–142.

Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II (1855–1881): Исторические очерки. М., 1909. 263 с.

Он же. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993. 445 с.

Корольков А. А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб.: Изд-во С. Петербургского ун-та, 1991. 197 с.

Косик В. И. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М.: Зерцало, 1997. 240 с.

Он же. К. Н. Леонтьев: болгарская тема — pro et contra // Славянский альманах 1997. М., 1998. С. 120–139.

Косик В. И., Кремнев Г. Б. Греко-болгарский вопрос // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 793–794.

Костюшко И. И. Крестьянская реформа в Царстве Польском. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 494 с.

Кюфос Э. Россия и эллинизм в период Восточного кризиса 1875–1878 гг. // Политические, общественные и культурные связи... — С. 144–154.

Левандовский А. А. Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. М.: Молодая гвардия, 1990. 302 с.

Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли: Вторая половина XIX — начало XX века. Л.: Наука, 1974. 443 с.

Либерализм в России / Отв. ред.: Пустарнаков В. Ф., Худушина И. Ф. М., 1996. 448 с.

Леонтович В. В. История либерализма в России: 1762–1914. М.: Русский путь, 1995. 548 с.

Масарик Т. Г. Россия и Европа. СПб.: РХГИ, 2000. 446 с.

Мещеряков Н. С. У истоков современной реакции // Лит. наследство. М., 1935. Т. 22–24. С. 427–432.

Минаков А. Ю. Земщина: возможно ли ее восстановление? // Русский узел: Идеи и прогнозы журнала «Москва». М., 1999. С. 136–147.

Мочкин А. Н. Парадоксы неоконсерватизма (Россия и Германия в конце XIX — начале XX века). М.: ЦОП ИФ РАН, 1999. 194 с.

- Мячин А. Г. Социально-политические взгляды К. Н. Леонтьева: Дис. ... канд. полит. наук. М., 1998. 160 с.
- Немцев И. А. Славянофильство в истории российского консерватизма XVIII — начала XX веков: Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1998. 230 с.
- Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX века. М.: Наука, 1970. 328 с.
- Новикова Л. Идеи истоки русского либерализма // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 124–135.
- Осипов И. Д. Философия русского либерализма: XIX — начало XX в. СПб.: Изд-во С. Петербургского ун — та, 1996. 191 с.
- Панюков А. И. Русская национальная идея в философском творчестве Константина Николаевича Леонтьева // Национальная идея: образование и воспитание (философско-методологические и региональные аспекты) / Читинский гос. тех. ун — т. 1998. Вып. 1. С. 79–85.
- Пападопулос С. Отношение греков к России в период Крымской войны (1853–1856 гг.) // Политические, общественные и культурные связи... — С. 87–94.
- Пивоваров Ю. С. Предисловие // Русская политическая мысль второй половины XIX в. / Под ред. Ю. С. Пивоварова. М., 1989. С. 5–8.
- Он же. Николай Яковлевич Данилевский. Проблема целостности этико-политических воззрений // Там же. С. 9–89.
- Поляков Л. В. Опасность с Запада: антилибералистский синдром в русской мысли XIX века // Либерализм в России. С. 372–389.
- Преображенский П. Ф. Александр Герцен и Константин Леонтьев (сравнительная морфология творчества) // Печать и революция. 1922. № 2. С. 78–88.
- Пушкин С. Н. Очерки русской историософии. СПб.: Изд-во С. Петербургского ун-та, 1996. 91 с.
- Он же. Об идейных истоках историософских взглядов К. Н. Леонтьева // Вече. Альманах русской философии и культуры / С. Петербургский ун-т. 1998. Вып. 11. С. 38–51.
- Пыпин А. Н. Белинский. Его жизнь и переписка. Т. 2. СПб.: Вестник Европы, 1876. 374 с.
- Рабкина Н. А. Литературные уроки (Тургенев и Леонтьев — история взаимоотношений) // Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 124–132.
- Репников А. В. «Эстетический аморализм» в произведениях К. Н. Леонтьева. М., 1999. 40 с.
- Он же. Консервативная концепция российской государственности. М.: МПУ «СигналЪ», 1999. 161 с.
- Розанов В. В. О Константине Леонтьеве // Андронов Ю. В., Мячин А. Г., Шириняц А. А. Указ. соч. С. 177–182.

- Русанов Н. С. (Подп. В. Г. Подарский) Наша текущая жизнь. (Газетно-журнальное обозрение) // Русское богатство. 1901. № 12. Отд. II. С. 189–216.
- Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика / Под ред. В. Я. Гросула. М.: Прогресс — традиция, 2000. 440 с.
- Рыжова Р. И. Из истории русско-черногорских отношений. Дипломатическая борьба 1857–1858 гг. вокруг независимости Черногории // Исторические записки / АН СССР. 1958. Т. 63. С. 124–155.
- Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России: 1850–1880 гг. М.: Наука, 1978. 295 с.
- Салмин А. М. Политическая историософия Константина Леонтьева // Русская политическая мысль... С. 90–157.
- Секиринский С. С., Шелохаев В. В. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX — начало XX в.). М.: Памятники исторической мысли, 1995. 286 с.
- Сенкевич И. Г. Россия и Критское восстание 1866–1869 гг. М.: Наука, 1970. 212 с.
- Сивак А. Ф. Константин Леонтьев. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. 88 с.
- Силин А. С. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века. М.: Наука, 1971. 258 с.
- Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого: Реф. сб. / Отв. ред. Р. А. Гальцева. Вып. 1. М., 1991. 191 с.; Вып. 2. М., 1992. 214 с.
- Сладкевич Н. Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века: Борьба общественных течений в годы первой революционной ситуации. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 286 с.
- Смирнов И. Константин Леонтьев: жизнь и творчество // Леонтьев К. Н. Избранное. М., 1993. С. 3–18.
- Смирнова З. В. Социальная философия А. И. Герцена. М.: Наука, 1973. 291 с.
- Соловьев В. С. Памяти К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. СПб., 1995. С. 20–26.
- Тишуков В. М. К. Н. Леонтьев о русском либерализме и новые реалии XX века // Человек — сам себе непонятный: Сб. ст. Новгород, 1997. С. 105–110.
- Трубецкой С. Н. Разочарованный славянофил // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. СПб., 1995. С. 123–159.
- Улунян Ар. А. Политическая история современной Греции: Конец XVIII — 90-е гг. XX в. М.: ИВИ, 1998. 330 с.
- Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 600 с.
- Хатунцев С. В. Отечественная история в системе общественно-политических взглядов К. Н. Леонтьева // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 155–159.

Он же. К. Н. Леонтьев о национализме и национальной политике // Страницы истории и историографии Отечества / Воронеж. гос. ун-т. 2001. Вып. 3. С. 128–143.

Он же. Отечественная история в оценках К. Н. Леонтьева // Воронежский государственный университет. Труды молодых ученых / Воронеж. гос. ун-т. 2001. Вып. 1. С. 237–243.

Он же. Русский ум (Жизнь Константина Леонтьева) // Подъем. 2001. № 11. С. 203–209.

Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 264 с.

Он же. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1986. 269 с.

Цимерман М. М. Общественно-политические взгляды К. Н. Леонтьева в системной реконструкции и интерпретации: Дис. ... канд. полит. наук. Уссурийск, 2001. 160 с.

Чернавский М. Ю. Религиозно-философские основы консерватизма К. Н. Леонтьева: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. 194 с.

Черноуцан И. В. В. Воровский — литературный критик // *Воровский В. В.* Литературно-критические статьи. М., 1956. С. 3–46.

Шелохаев В. В. Русский либерализм как историографическая и историческая проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26–41.

Шестаков Н. А. Константин Леонтьев и русский либерализм // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Социально-политические исследования. 1993. № 2. С. 57–62.

«Эстетика неравенства» Константина Леонтьева // Социум. 1992. № 6. С. 76–81.

Янов А. Л. Славянофилы и Константин Леонтьев // Вопросы философии. 1969. № 8. С. 97–106.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I Общественно-политические взгляды К. Н. Леонтьева в 50-е — начале 60-х годов XIX века	52
1.1. Мировоззрение и общественно-политические взгляды К. Н. Леонтьева в 50-е годы XIX века	53
1.2. Изменение общественно-политических позиций К. Н. Леонтьева в начале 60-х годов XIX века	79
1.3. Общественно-политические взгляды Леонтьева в период превращения его в консерватора.....	100
ГЛАВА II Общественно-политические воззрения К. Леонтьева в 60-е — начале 70-х годов XIX века	116
2.1. Отношение мыслителя к славянам и к грекам и его представления о восточном и национальном вопросах до начала 70-х гг. .	117
2.2. Запад и Россия во взглядах К. Н. Леонтьева 60-х гг. XIX в.....	136
2.3. Представления Леонтьева о русском народе, о России и о либеральных реформах в 60-е годы	152
2.4. Изменение общественно-политических взглядов Леонтьева на рубеже 60-х – 70-х годов XIX века.....	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	190
Список источников и исследовательской литературы	195
Источники	195
1. Произведения К.Н. Леонтьева.	195
2. Архивные материалы К. Н. Леонтьева.	196
3. Другие источники.	197
Исследовательская литература.	198